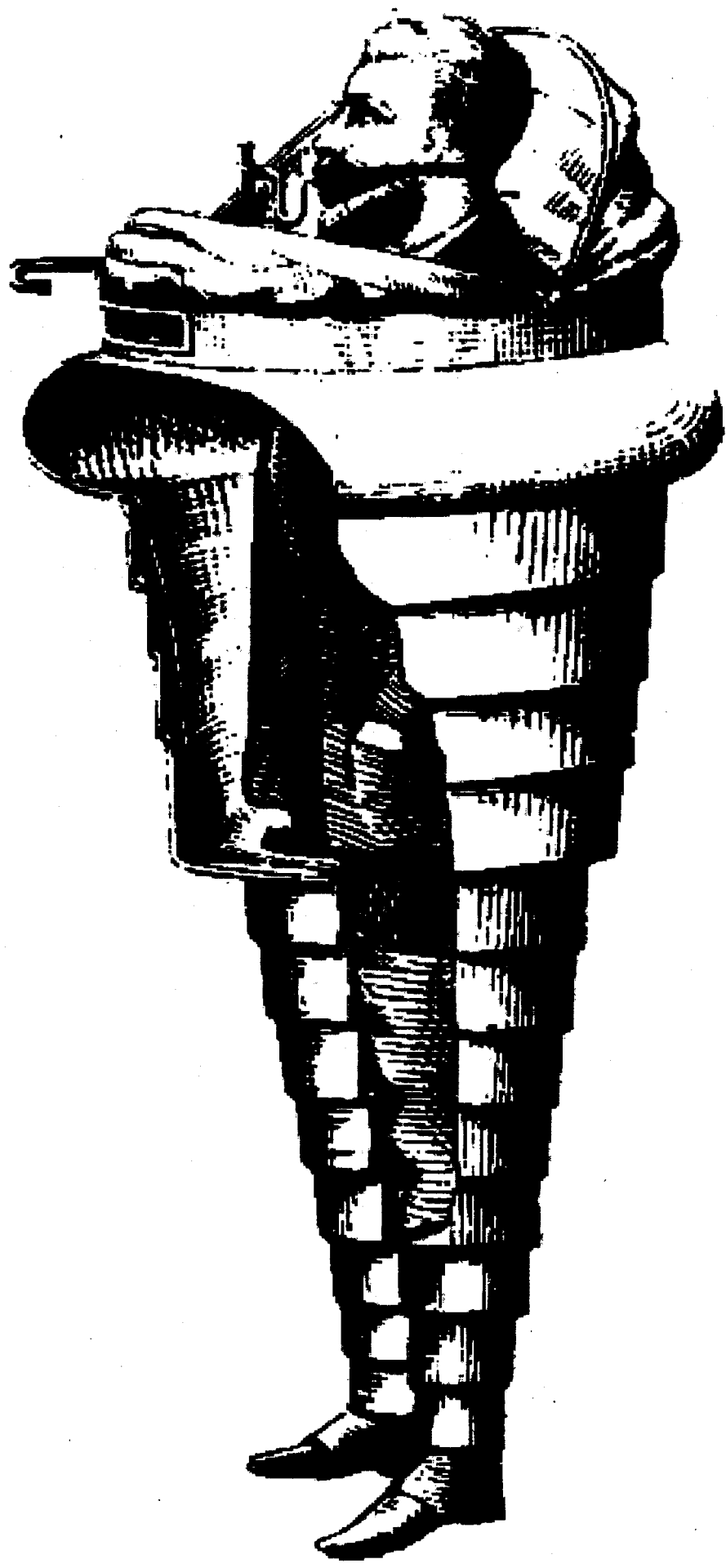

ЛАВКА ФАНТАСТИКИ · №1 · 1999

ЛАВКА ФАНТАСТИКИ • №1 (4) • 1999

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

С. СТЕЛЬЧЕНКО, Н. ПОДКОЛОДНЫЙ. «666». Рассказ	2
Е. БУРМИСТРОВА. Монстр. Рассказ	4
С. ГИМАДЕЕВ. Принцип четности. Роман. Продолжение	7

ХРОНОСКОП

И. ХАТЫМБАДЖА. Старая уральская фантастика. Заметки библиофилита	54
--	----

ФЭН-ШТУДИИ

Братья Стругацкие: следы на пыльных тропинках. Опыт литературной планетографии	59
--	----

ТАМ-СЯМ ИЗДАТ

Проза с протезом	65
Издается на Урале	65
Слоеный пирог по-киевски	66
Рецензии на книги А. Лазарчука, Т. Гудкайнда, С. Вартанова и С. Щеглова	67

БЛУЖДАЮЩАЯ МАСКА

«Армагеддон» наших дней	69
Новости от «Лукасфильма»	70
Новости со съемочных площадок	72

КУРЬЕР

«Странник» - 99. Прощание	72
---------------------------------	----

Издатель и редактор:

Вячеслав Запольских.

Верстка:

Надежда Маркалова.

Художники:

Константин Кунчиков,

Надежда Караваева.

Адрес для переписки:

614039, Пермь,

Комсомольский проспект,

63-9.

Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция не берет на себя обязательств по рецензированию всех присланных книг.

Журнал зарегистрирован 25 ноября 1997 г. в Уральском региональном Управлении регистрации и контроля за соблюдением законодательства РФ о средствах массовой информации. Свидетельство № Е-2377.

Цена свободная.

© «Лавка фантастики», 1999.

***

АЛЬМЕЙДА шел по ночной улице и был настроен круто сменить судьбу. «Сейчас или никогда», - думал идалго, сжимая дьявольский амулет, подарок Родригеса. Последние 25 золотых он бесшабашно истратил вчера, и шелковый кошелек с монограммой был пуст, а на толедском клинке появилось много новых зазубрин.

Холодный ветер с ударившим градом заставил прибавить шага. Заныла рана от индейской стрелы, захотелось глотнуть горячего красного вина с медом.

Альмейда нашел в темноте нужный дом и постучал кулаком в дверь так, как сказал Родригес - шесть, шесть и шесть раз с двумя долгими паузами.

Прислушался. За дверью возня, открывать не решается. Он понял, что хозяин подзывает собак и шепчет свои заклинания. Зажатый в руке амулет дернулся, словно ожил. Лязгнул тяжелый железный засов. Вслед за полоской желтого света вышел на холод сам чернокнижник. Щуплый, лысый, немолодой. Даже борода не внушала почтения, а делала его похожим на приказчика в лавке старьевщика.

Узнав амулет, пригласил в дом. Он говорил на испанском с легким акцентом. Альмейда так и не понял, что это за акцент, хотя много странствовал.

- Что хочет от меня благородный идалго?
- Черную свечку.
- Что?!

Альмейда не понял - напуган тот или обрадован.

- Скажи, сколько стоит свеча.
- Бесплатно, иначе она потеряет силу.

Вернувшись к себе, Альмейда сразу же начертил мелом круг, зажег свечу огнивом.

Дьявол явился, не заставив ждать себя долго. Свеча не сгорела даже на треть. Пришелец из преисподней выглядел именно так, как представлял Альмейда, и не был похож на чудовище в виде двуногой свиньи со стальной щетиной и рогом во лбу, как утверждал Родригес.

- Мой видимый облик определяют вкусы и характер тех, кому я являюсь, - пояснил дьявол.

Альмейда видел лицо дьявола, мудрое и суровое. В нем сочетались черты философа, короля, цирюльника и наемного убийцы с мадридского рынка, и было что-то от старого берберийского колдуна, которого Альмейда когда-то встретил в горах Атласа.

- А истинный облик? - спросил идалго.

- Нельзя показать то, что не могут увидеть. Как объяснить слепому от рождения, что изумруд зеленый? Зачем ты меня вызвал?

- Не думал, что это так просто.

- Все ритуалы - условность. Ты искренне звал, и я пришел. Ты не боишься встречи со мной?

- Мы все равно скоро встретимся.

- Разумно. Заклучим договор. Чего ты хочешь? Только не требуй сделать тебя властелином вселенной, одарить жизнью до скончания света и прочее в таком роде. Это возможно, но души людей не стоят того. Вы - мелкий жемчуг, который собирают горстями. Я запускаю пальцы в песок всего человечества. Прочти договор.

Он протянул Альмейде пергамент, пахнувший серой. Тот сразу сам развернулся и по нему со скоростью, удобной для чтения, побежали горящие буквы.

- Ты зря ищешь двусмысленности в договоре, - сказал дьявол.

- Все четко и ясно, и я никогда не нарушаю никаких своих обещаний. К тому же не мшу за свой проигрыш. Но люди плохо представляют то, что просят. Не видят другой стороны медали. Один древний царь попросил, чтобы все, к чему он прикоснется, превращалось в золото. И золотыми стали еда и одежда. Кто виноват в его страшном конце? Я ни в чем не отступил от буквы договора. Один раб просил только год сытой жизни и без работы.

- И стал свиньей?

- Ты догадлив.

- Могу я подумать перед тем, как просить?

- Да, можешь обдумать любую деталь.

- Как долго?

- Куда нам спешить? У тебя впереди целая жизнь, а у меня иные понятия о времени. Я знаю тебя, как всех людей мира - живших, живущих, тех, кто родится. При тысячах смертных грехов ты очень великодушен. Хочу отплатить тебе тем же. Советую отказаться от договора. Еще никто из людей не смог перехитрить дьявола, такое бывает только в баснях о хитрых купцах и мудрых софистах. Ты надеешься стать первым?

«Что попросить?» - думал Альмейда. Его ремесло - война, и он преуспел в нем. Он воевал в Европе, Африке, Новом Свете. На суше и на море. Он и сейчас жаждал славы великого конкистадора и власти, как средства достижения этой славы. Альмейда был мастер, но и он встречал иногда тех, кто владеет оружием лучше.

«Стать первым фехтовальщиком мира? Это возможно?»

«Да» - подтвердили огненные буквы пергамента дьявола.

Альмейда вспомнил о Хосе Реарте... Непобедимый Хосе - лучший клинок Пиренеев и Франции был убит

арбалетной стрелой в висок при мелкой стычке с прованскими еретиками. Такая смерть не могла принести славы.

«Богатство?» - Бен-Гаам, алжирский еврей-ростовщик, прибывший в Мадрид из Гааги, долго вершил судьбы знатных аристократов, давая или не давая деньги в заем. Простой пьяный солдат пробил ему голову рукояткой кинжала всего из-за двух золотых.

Альмейда слышал о тайных обществах, которые вершат судьбы мира и существуют уже много тысячелетий, ведя истоки еще от времен фараонов и Атлантиды.

«Что толку от власти, если тебя не видят?» - Альмейда не находил смысла быть властелином целого мира и уступать дорогу тем, кто одет лучше.

«Я должен быть на виду», - решил Альмейда.

- Хочу собрать вокруг себя знатных и богатейших. Иметь возможность открыто вершить их судьбы.

- Ты можешь попросить еще что-то. Придумай самое невероятное и нелепое, и это сбудется.

- Хочу быть единым в трех лицах, - сказал идальго.

- Ты богохульник, сын мой, - ответил дьявол, приняв образ полкового капеллана Альмейды.

- Ты очень силен, но все же не всемогущ. Не можешь ты уподобить меня богу, - Альмейда был уверен в победе. Если дьявол не выполнял хоть одно условие, человек получал все и оставлял за собой душу.

- Ставь подпись.

Идальго скрепил договор кровью.

* * *

Альмейда увидел огромную золотую арену, и он летел на нее, кувыркаясь тремя телами.

Упал. Раскатился в разные стороны. Перевернулся в последний раз и замер, смотря вверх на людей восемнадцатью глазами. Его окружали знатные и богатейшие, и он вершил их судьбы открыто, служа теперь дьяволу.

На золотом подносе лежали игральные кости - 666.

ГДЕ Донован? - спросил полковник безопасности. Дон сидел на броне танка и курил.

- Я готов, - ответил он.

К нему приблизился пожилой человек в светлом костюме, с аккуратной седой бородкой. Нервно перебирая в руках поля мягкой фетровой шляпы, он сказал:

- Добрый день, моя фамилия Маркес. Доктор Маркес. У меня к вам огромная просьба, сеньор Донован. Видите ли, я хочу пойти в лес.

Дон поднял брови:

- А я здесь при чем? Я охотник, а не психоаналитик.

- Простите, не понимаю...

- Ну как же, ведь вы решили покончить с собой, выбрав для этого не самый приятный способ. Впрочем, обратитесь к полковнику.

- Он послал меня к вам. Сказал, что если вы меня возьмете...

- Я? С собой? - Донован прыгнул на землю.

- Он в своем уме? Я специалист и всегда работаю в одиночку.

- Мне кажется, я могу быть там полезен.

- Мне? - возмущился Дон.

- Нет, - смущенно сказал доктор. - Ему. Тому, кто в лесу... Я когда-то учил его, достаточно много лет назад. Он был способным, талантливым мальчиком, немного замкнутым. Он тогда был влюблен в девушку... хотя это неважно. Да, характер у него не из легких. Но ко мне он всегда хорошо относился. Я хочу встретиться с ним и поговорить.

- Он не говорит, - сказал Донован.

- Мне известно, что он не желает ни с кем общаться, - нетерпеливо продолжал доктор, - но я думаю, что попробовать стоит.

- Несколько человек уже пробовали, - благожелательно сообщил Дон. - Не знаю, что они собирались ему втолковать, но только из лесу ни один не вернулся. Может быть, вы не знаете, вам не объяснили. Этот ваш ученик, он - чудовище.

- Да, он и в юности был чудовищем в некоторых отношениях, - настаивал профессор, - однако это не мешало ему учиться. До тех пор, пока он не связался с радикалами...

- Позвольте вмешаться в вашу беседу, - послышался голос из-за спины Донована.

- Я знал, что вы там стоите, Борхес, - недовольно сказал Дон. - Ну, что вам нужно?

Это был корреспондент правительственной газеты, плотный усатый человек, единственный допущенный на место действия представитель

прессы. В ожидании событий он полдня мотался по опушке и успел всем надоесть.

- Я просто хочу ввести доктора Маркеса в курс дела, - объяснил Борхес.

- Бога ради, - сказал Дон.

- Видите ли, доктор, - вкрадчиво начал журналист, - существо, скрывающееся в этом лесу - совсем не тот человек, которого вы когда-то знали. Собственно, это вообще не человек, а скорее персонаж фильма ужасов. Хорошего такого голливудского ужастика со спецэффектами. Одним словом, монстр.

- Это невозможно, - растерянно произнес доктор.

- Шерсть, клыки и когти, - заверил Борхес. Доктор перевел взгляд на Дона.

- Кроме того, - сказал Дон, - он очень силен и кровожаден. Передвигается бесшумно, нападает мгновенно. Беспощаден, жертву пожирает. Он успел уничтожить уже двенадцать местных жителей - десять из них, правда, были охотниками, пытавшимися устроить на него облаву с флажками и трещотками - а также шестерых приезжих добровольцев. Среди последних была его вторая жена. Она тоже о чем-то там хотела с ним побеседовать. От нее не осталось ничего, кроме волос и обрывков платья. Волосы он не ест.

Доктор привалился к броне танка.

- Если это так... Почему не пытались поджечь лес, чтобы заставить его выйти наружу?

- Логично, - сказал Борхес. - Но дело в том, что этот лес - вы заметите, если пригласитесь - состоит, в основном, из красноплодного, или истинного, анчара, который, как вы знаете, очень ядовит. Если его поджечь, большие массы токсичного дыма понесет на близлежащие деревни. Кроме того, нам неизвестна физиология чудовища. Есть ли у него легкие, дышит ли оно?

- Скорее всего, да, - заметил Донован.

- Так или иначе, тысячи людей придется эвакуировать. Получится много лишнего шума и расходов. Поэтому решили пригласить зарубежного профессионала, с которым мы имеем удовольствие общаться. Как только парни из безопасности решат все свои проблемы - не пойму, кстати, чего они ждут? - сеньор Донован отправится на randevu с чудовищем.

• Доктор умоляюще глядел на них.

- Чудовище... Вы говорите - чудовище. Что же с ним произошло?

- Насколько я знаю, - сказал Борхес, - он с детства страдал от аллергии.

Доктор кивнул:

- Да, это я хорошо помню. Он сильно мучился, особенно весной.

Корреспондент продолжал:

- Прежде чем приехать сюда, я подробно изучил историю его болезни. Вам, думаю, известно понятие аллергена? Кто-то не переносит кошек, кто-то - цветочную пыльцу, у меня у самого идиосинкразия на клубнику. Случай вашего воспитанника гораздо тяжелее. Врачи так и не установили, что явилось для него первым аллергеном, но факт, что с возрастом их становилось все больше и больше. Лекарства, которыми его пытались лечить, пища, животные, звуки, запахи, материалы, люди, погода, общественные явления - словом, все. Медики так и не рискнули сделать однозначный вывод, но создается впечатление, что в ТОТ период, когда сама жизнь превратилась для него в аллерген, в его организме начали происходить очень странные изменения. Сомневаюсь, что наука когда-либо сможет объяснить, как человек превратился в монстра. Осознав, что происходит, он сбежал из больницы и скрылся. Его искали, пока не надоело, потом забыли, а потом крестьяне обнаружили в лесу чудовище. Остальное вы уже знаете.

Доктор решительно надел шляпу:

- И все-таки я пойду.

Дон пожал плечами:

- Но я не позволю вам говорить с ним. Я охотник. Если встречу его - тут же убью.

- Что же, я прогуляюсь, - пробормотал доктор.

- Черт с вами, буду использовать вас, как приманку.

Подождал полковник безопасности.

- Ну, вы идете, Донован? Или послать солдат?

- Чтобы он переловил их поодиночке?

- Получен приказ президента - уничтожить любой ценой. Через час прибудет министр.

- Боже! Я пошел. Доктор со мной.

- Возьмите и меня с собой, Дон, - быстро проговорил Борхес.

- Ну нет! За одним сумасшедшим я, так и быть, присмотрю, но двоих камикадзе мне не надо. Полковник, проследите за господином журналистом. Он мне помешает.

- Зря, - прооронил Борхес.

В лесу царил полумрак. Кроны деревьев смыкались, почти закрывая небо. Сети лиан и густой подлесок порой делали продвижение невозможным - тогда Дон снимал с пояса machete и врубался в заросли. Примерно час спустя доктор неуверенно произнес:

- Мне кажется, за нами кто-то идет.

- Знаю, - мрачно сказал Дон, останавливаясь, чтобы осмотреть свою амуницию. - Это чокнутый Борхес.

Он взглянул на доктора.

- Садитесь, отдохнем.

Он расчистил местечко на стволе упавшего дерева, клинком сдирая бугристую кору, чтобы разогнать мелких рептилий и крупных пауков. Из-за кустов появился Борхес. Уселся рядом.

- Видите ли, Донован, - сказал он, будто продолжая начатый разговор, - я стреляный воробей и бывал в разных переделках. Так что вы за меня не беспокойтесь.

- Да я и не беспокоюсь. Пусть Рамон переживает, это его проблемы.

Доктор вздрогнул, услышав имя:

- Вы так называете его?

- Да, про себя. У меня такая привычка. Последний раз, когда я трое суток в Непале выслеживал тигра-людоеда, я прозвал его Генри. А тут очень удобно, и выдумывать не надо. Это его подпольная кличка, так ведь?

Доктор будто не слышал.

- Его называли Чико, он был маленького роста, худой - совсем мальчишка. Позже, когда он стал знаменит, я видел в газетах его фотографии. Конечно, он возмужал, сильно переменялся...

- А сейчас его и вовсе не узнать, - добавил Борхес и засмеялся, радуясь своей шутке.

Доктор по-стариковски качал головой, мысленно перебирая снимки и все еще видя перед собой сумрачного щуплого юношу с глазами обиженного подростка.

- Он всегда носил рубашки с длинными рукавами, даже в самую жару, - сказал он. - Из-за экземы.

- Чего вы добиваетесь? - спросил Борхес. - Что вы хотите ему предложить? Выйти из леса? В худшем случае, его пристрелят на месте, в лучшем - посадят в клетку и отдадут на растерзание ученым. Обе перспективы малопривлекательны.

- По-моему, вы слишком стесняетесь краски, - с легким раздражением отозвался доктор.

- Ладно, - Донован встал. - До темноты надо пройти еще километров шесть.

- Думаете, Рамон знает, что мы здесь? - спросил Борхес.

- Конечно, знает. Нужно раздражить его еще сильнее. Пусть считает, что заманивает нас.

Уже смеркалось, когда они вышли на большую поляну.

- Расположимся посередине, - сказал Дон. - Прятаться от Рамона бессмысленно, а вот его вовремя заметить очень было бы неверно. Поэтому спать придется по очереди. Первым дежурю я, потом доктор, потом вы, Борхес.

Журналист заснул мгновенно - видимо, нервы у него, действительно, были крепкие. Поворочался и притих доктор. Навбросив на плечи одеяло, Донован вслушивался в темноту. В лесу царил безмолвие. Похоже, здесь не осталось ни птиц, ни зверей, никого, кроме мелких гадов, до которых монстр еще не добрался. Через три часа Дон разбудил доктора.

- Посидите часок, не больше. Потом пускай репортер дежурит.

Он проснулся как будто от толчка. Рядом никого не было. Со стороны леса доносился тихий монотонный звук, похожий на шепот.

Схватив ружье, Дон бесшумно пополз к деревьям. На полути он наткнулся в траве на чью-то ногу: это Борхес залег с диктофоном там, где уже отчетливо слышалось каждое слово. Шептал доктор Маркес, стоя на краю поляны:

- Чико, я не вижу тебя, но знаю, что ты здесь. Посмотри, это я, твой учитель, ты помнишь меня? Я не хочу причинить тебе зла. Поверь мне, мальчик. Тебе грозит очень большая опасность, и я пришел, чтобы помочь тебе, - доктор вдруг забеспокоился. - Ты здесь? Слышишь меня? Подай мне какой-нибудь знак.

Из темноты донеслось глухое ворчание.

- Спасибо, - произнес доктор слегка дрожащим голосом.

- Постарайся понять все, что я говорю, Чико. Твой лес окружен солдатами, и они готовятся к штурму. Самое лучшее, что можно сделать в этой ситуации - сдаться. Я пойду с тобой вместе и не дам тебя в обиду. Ведь болезнь - не преступление, а твоя беда, я помогу тебе справиться с ней. Я пользуюсь уважением, имею связи, мы все устроим, мы организуем дело так, что тебя будут лечить лучшие врачи мира.

Донован осторожно полз к кромке леса. Все ближе и ближе звучал проникновенный голос доктора. Дон отчетливо видел его фигуру в светлом, но его собеседник был пока неразличим, он полностью сливался с тьмой, даже глаза его не светились - возможно, он их просто закрыл. Только движением он мог себя выдать, и Дон замирал на секунды, пытаясь уловить хоть что-нибудь. Наверное, монстр услышал шорох травы, потому что доктор заговорил громче:

- Ты уходишь, Чико? Не делай этого! Еще немного, и будет уже поздно.

Дон по-прежнему ничего не видел, но приготовился стрелять наугад. И вдруг доктор, тревожно окликая:

- Рамон! Рамон! Ответь мне! - сорвался с места и зашагал вглубь леса.

Дон вскочил на ноги:

- Назад!

Как будто совсем рядом раздался два слившихся воедино звука: короткий вопль и шлепок о землю чего-то тяжелого и мягкого. Дон бросился вперед, паля наудачу, и с отчаянием понимая, что уже поздно.

Когда он вернулся на поляну, Борхес прослушивал свои записи.

- Бедняга, - сказал репортер. Руки у него тряслись, он даже не сразу смог вставить новую кассету. - Когда ты бежал, я пытался щелкать, но не думаю, чтобы что-то вышло.

- Сейчас поснимаешь, - сказал Дон, доставая фонарь. - Пойдем-ка поищем доктора.

Не пройдя и десяти шагов от места, где тот стоял, они обнаружили на земле большое пятно крови. Недалеке валялся ботинок.

- Обычная картина, - сказал Донован. - Похоже, он расползается жертву весом собственного тела и тут же заглатывает. А переваривает потом.

- А волосы где? - спросил Борхес. - Ты вроде говорил, что волосы он выплевывает.

- Да это я так сказал. Женские вроде бы остаются.

Борхес сделал несколько снимков.

- Откровенно говоря, - сказал он, - этого Чико надо было уничтожить еще лет пятнадцать назад, в начале его карьеры. Из чистого человеколюбия, знаешь. Чтобы сам не мучился и людям жить не мешал.

Донован молча забрасывал загустевшую кровь палыми листьями. В лесу было тихо.

- Рамон, - вдруг прошептал Донован. Журналист вздрогнул.

- Зачем ты это делаешь?

Дон таинственно улыбнулся:

- Его здесь нет.

Они вернулись на поляну.

- А ты раньше когда-нибудь видел его? - спросил Дон.

- Однажды брал у него интервью на конференции в Каракасе. Он такой же, как все они, ему просто повезло, вознесся на волне чужой революции. Мог бы стать террористом, каких тысячи, а стал министром, смешно.

- Да уж, видимо, бурная у него биография. Расскажи, какой он был.
- Да обыкновенный, - с досадой отозвался Борхес. - Две руки, две ноги. Не лишен обаяния. Хотя это ему, наверно, нелегко давалось.
- Ладно, давай перекусим, - сказал Донован. Через некоторое время он произнес:

- Черт возьми, все-таки старику удалось сбить меня с толку. Ты в детстве читал волшебные сказки? Там частенько попадаются заколдованные принцы или принцессы. Если сможешь разрушить злые чары, чудовище снова превращается в прекрасного принца. Нужно только правильно произнести заклинание.

Борхес пожал плечами.

- У нас слишком мало времени и нет волшебной палочки.

- Ты веришь в магию? - спросил Дон.

- Я ни во что не верю, - сказал Борхес.

- А я верю в свой талисман, - Донован приложил руку к груди.

Он всегда сообщает мне о приближении зверя.

Остаток ночи прошел спокойно, а утром журналист и охотник снова тронулись в путь, забираясь все глубже и глубже в чащу леса. Сменяя друг друга, они прорубали тропу сквозь заросли и разговаривали только когда останавливались передохнуть.

- Слушай, - сказал Борхес. - А днем он нападает?

- Обычно под вечер. Покурить есть? У меня все кончилось.

- Бери. Интересно, как он выглядит?

- Привет, ты же сам расписывал доктору: дескать, клыки, шерсть, когти.

- Мне так говорили, - вяло защитился Борхес.

- В сущности, его никто не видел, - сказал Дон. - А кто видел, уже не расскажет.

- Пока все тихо, дай посмотреть поближе твою пушку.

- Необычная конструкция, верно? - Дон снял с плеча ружье. -

Это моя собственная разработка. Видишь, как устроен прицел? Просто и удобно, специально для охоты на крупного зверя.

Борхес ваялся за ствол.

- Дай хоть подержаться.

Донован покачал головой.

- Ладно уж. Только быстро.

- Само собой.

Журналист шагнул в сторону и поднял ружье, выбирая себе мишень.

И в это мгновение легкий шелест, похожий на дуновение ветра, пронесся над головой, и Донован упал на землю, огушенный, как ударом, внезапной близостью зверя. Борхес выстрелил, и пули ушли куда-то вбок. Сам же он с диким воем понесся по просеке, и листья тут же скрыла его из вида, а затем и его вопли умолкли вдали. Настала тишина.

Донован стоял на коленях, втянув голову в плечи. Чудовище было у него за спиной. Казалось, он чувствовал его мощное дыхание мокрыми от пота лопатками. Невыносимо тянуло обернуться, и в то же время он знал, что не может быть ничего страшнее, чем взглянуть в глаза монстра. Если у него есть глаза.

- Рамон, - прошептал он, почти так же, как недавно, ночью. Чего он ждет, почему не нападает? А может быть, он читает мысли?

- Рамон, - повторил он, - я хочу с тобой поговорить.

- Зачем?

Донован замер, пораженный. Это был не совсем человеческий голос, скорее скрипучий деревянный голос Пинокио, но раз он говорит, значит, и мыслит... Перед Доном забрезжила слабая надежда.

- Я могу помочь тебе выпутаться, понимаешь? - он торопливо собирался с мыслями, боясь не успеть. - Скоро они пойдут в наступление. Сейчас главное - выйти отсюда. Я проведу тебя, я знаю, где стоят стрелки. Мы найдем укрытие и отсидимся до темноты. Потом остановим на дороге любую машину - и до границы, а там - в горы, здесь всего-то километров триста... Когда они поймут, что тебя здесь нет, мы будем уже далеко.

На минуту он и сам поверил в это.

- Подумай, - проговорил он. - Какая тебе польза убивать меня?

Монстр молчал. Может быть, он ушел? Дон не в силах был оглянуться. И тут он снова услышал скрипучий голос. В нем звучало разочарование.

- Я думал, ты знаешь...

- Что?

- Заклинание, - с усилием произнес монстр.

Донован окаменел, поняв только одно: все его уловки оказались бесполезными. Он сознавал, что должен сейчас лихорадочно фантазировать, пытаться еще раз обмануть чудовище, но не мог. Неодолимая сила принуждала его наконец обернуться, он знал, что если сделает это, ему откроется некая тайна. И страх, и стремление выжить - все перегорело. Он медленно, очень медленно повернулся и встретился взглядом с чудовищем. В эти доли секунды он узнал все, что хотел.

Полковник безопасности нервничал. Хотя с прибытием министра он больше не отвечал за исход операции, все-таки на душе у него было беспокойно. Срок, назначенный для возвращения охотника, истекал. Краем глаза он заметил какое-то движение на краю леса. Солдаты закричали, защелкали затворами. Полковник проорал в мегафон:

- Спокойно! Не стрелять!

Из зарослей на опушку выбрался человек в изодранной одежде, покрытой болотной тиной. На груди у него болтался фотоаппарат. Журналист, измученный, издарапанный, дико оглядывался по сторонам. В руке он все еще крепко сжимал ружье Донована.

Лес горел. Над ним кружили вертолеты. По черной земле двигались бронемашинки. Ветер нес клубы ядовитого дыма, солдаты в противогазах двигались длинными цепями. Пожар продолжался уже десять часов.

Наконец, от леса осталась крошечная дымящаяся рожица. Вдруг из нее выскочило большое темное существо и помчалось по полю. Стрелки не стали дожидаться команды. Когда чудовище упало, множество людей побежало к нему, впереди неся Борхес, на бегу он снимал и продолжал снимать, когда все остановилось. Монстр умирал. Борхесу пошло, что такое уже было, кажется, в одной из давних-давно прочтанных книг. Оплаывали горы дикой плоти, шерсть, клыки и когти, и на земле остался лежать человек лет сорока, смуглый, с длинными нечесаными волосами и редкой бородой, с голубыми глазами, уже подернутыми пленкой. Его тело было почти перерезано надвое выстрелом из базуки, но губы еще шевелились. Борхес прижал к ним диктофон, но было уже поздно. Тело начало медленно таять, сделалось прозрачным и неясным по краям, превратилось в серую дымку и исчезло. На земле осталось только большое пятно крови да обручальное кольцо - на том месте, где лежала полуотгоревшая, держащаяся на сухожилиях левая рука. Ее было видно дольше всего, но потом и она пропала. Кольцо подобрал полковник безопасности.

Часть вторая. ПРАВИЛА ИГРЫ

Роман.

Журнальный вариант.

Лили на землю воду.
Нету колосьев - чудо.
Мне вчера дали свободу.
Что я с ней делать буду?

В.Высоцкий

Дверной звонок затрещал, когда он умывался. Сначала Сергей замер от неожиданности, но затем торопливо вытерся полотенцем и в одних бьюках пошел открывать. Дверь не имела глазка, и он прислушался. Тот, кто был по ту сторону двери, очевидно, слышал, как он подошел, потому что мужской голос произнес:

- Мне нужен Сергей Иванович Шепилов.

Не сразу разобравшись с замком, Сергей открыл дверь и увидел перед собой полицейского. На нем была уже знакомая форма без погон. Это был человек среднего роста, лет сорока, коренастый, с густыми черными усами и маленькими, глубоко посаженными, карими глазами.

- Я - Шепилов, - сказал Сергей.

- Я вижу, что вы, - сухо сказал полицейский и предложил:

- Пройдемте в помещение.

Они прошли в большую комнату. С минуту полицейский, заложив руки за спину, пристально осматривал убранство, скользнул взглядом по пустой комнате Сергея, не преминул заглянуть на кухню, после чего вернулся в большую комнату и встал перед Сергеем, покусывая губы.

- Так, так... - проговорил он и осмотрел всего Сергея с ног до головы. - Понятно.

- Что - понятно? - поинтересовался Сергей вежливо.

Полицейский пропустил его вопрос мимо ушей, снял кепку и вытер рукавом лоб, изборожденный глубокими морщинами. У него была

короткая стрижка и седеющие виски. Левый висок рассекал тонкий, но заметный шрам. Он исподлобья уставился на Сергея колющим изучающим взглядом своих маленьких глаз. Казалось, что настроен он далеко не дружелюбно.

- У меня несколько вопросов, - сказал полицейский. Голос у него был низкий.

- Мне показалось, что вчера я ответил на все вопросы, которые могут заинтересовать здешние власти.

- Это вам только так показалось, - холодно заверил полицейский.

- И откуда вы можете знать, что интересует власти, а что нет?

Сергею не понравился его тон и то, что, разговаривая, полицейский ни на мгновение не сводил с него взгляда.

- А вы, стало быть, власть? - спросил Сергей.

Полицейский хмыкнул.

- Ну-ну, - проговорил он. - Хотите увидеть что-нибудь вроде удостоверения или еще там какую-то бумагу? Как у вас снаружи принято... - Он сделал небольшую паузу. - Запомните, Шепилов, у нас в резервации нет никаких удостоверений! Они нам ни к чему. Здесь все на виду. Так что придется поверить на слово. Между прочим, - добавил он недовольно, - я в форме, если вы заметили.

- Заметил, - сказал Сергей с вздохом, - Но я не знаком с вашими местными нюансами. Может, такая форма у вас в магазине продается. Откуда мне знать?

Продолжение. Начало в номере 1 1998 г.

«Лавка фантастики» №4

- Ну-ку, - полицейский сдвинул брови к переносице. - Значит, так. Моя фамилия Филин. Давайте оставим всякие фантазии и перейдем к делу. У меня не очень много времени.

- Но я действительно уже все рассказал, - сказал Сергей. - И мэру, и начальнику этого... ну какой там у вас отдел?.. Анкету заполнил.

- Читал я вашу анкету, - Филин хмыкнул. - Хочу кое-что уточнить. Вы утверждаете, будто не знали о том, что в городе есть резервация. Странно, как вы могли этого не знать.

- Почему странно? - немного удивился Сергей. - Я здесь раньше не был, никого тут не знаю, - что же странного? Бум на резервации давно, кажется, схлынул... И потом, может, я и знал, но просто забыл.

- И в компании, где вы вчера были вечером, - не обращая внимания на возражения Сергея, продолжил Филин, - вам никто ничего не сказал?

- Как видите. Иначе я не был бы здесь.

- Как вы все-таки объясните, что вас никто не предупредил о резервации?

- Никак, - произнес Сергей. - И зачем сейчас пытаться это объяснить? Это ничего не изменит. Может, они забыли, может, не думали, что я так неожиданно исчезну. Какая разница? В моем появлении вообще много случайных совпадений...

- Вот-вот, - коротко сказал Филин и хрипло кашлянул. - Многовато случайностей. «Никто не предупредил». «Знал, но забыл». Заблудился и вышел именно к транспортеру. Дом принял за гостиницу. Многовато, правда?

- Согласен, что странно, конечно, но...

- Почему Кононов не предупредил вас, когда вы заехали на транспортер? - продолжил Филин торопливо.

- Вы меня спрашиваете?! - воскликнул Сергей недоуменно. - Это же, так сказать, ваш Кононов - вам и виднее! Я, что ли, виноват, что он такая сволочь? А согласно вашему принципу четности, так вообще ничего не изменилось. Был Кононов, стал я. Какая разница?

- Есть разница, - холодно заявил Филин. - Кононов не имел права на выход.

- Не понял, - сказал Сергей настороженно.

- Кононов был местный, - проговорил Филин с расстановкой, - и права на выход не имел. Право на выход из резервации имеют только неместные. Те, кто находятся на подселении. Разве вы этого не знаете? Вот вы, Шепилов, имеете такое право.

- И что же? - сухо осведомился Сергей.

- У Кононова не было видимой причины покидать резервацию, - бесстрастно продолжил Филин. - У него здесь квартира, жена и сын. Он живет здесь всю жизнь. Какой смысл было ему все бросать и исчезать?

- Ну, все-таки, свобода, - начал было Сергей.

- Зачем ему нужна эта свобода? - оборвал его Филин, скривившись.

- Вы сами-то подумайте! Свобода...

- Знаете что? - сказал Сергей недовольно. - Мне глубоко наплевать, зачем он это сделал. Вам это нужно - вы и думайте.

Филин опять несколько раз глухо кашлянул, поморщился, на некоторое время отведя от Сергея пристальный взгляд.

- Ладно, - проговорил он сипло. - Оставим Кононова. Вы кого-нибудь из конторы знаете?

- Да откуда? - пожал плечами Сергей. - Я же сказал, что никого в городе...

- Ну, мало ли, - сказал Филин и добавил туманно: - Контора есть контора. Еще... Сообщить своим родным, о том, что с вами произошло, вы отказались, так?

- Да, я не хочу их волновать. По крайней мере, до того, как все прояснится.

- А что должно проясниться? - как-то вкрадчиво поинтересовался Филин.

Ну, хватит, решил Сергей. Ты мне надоед, господин хороший.

- Между прочим, это не вопрос, - сдержанно напомнил он. - И я вовсе не обязан пояснять что-то. Особенно, если спрашивают в таком тоне.

- В каком? - хладнокровно спросил Филин.

- Мне кажется, что вы мне не доверите.

- Я только выясняю обстоятельства, - отрезал Филин. - По долгу службы. Любой новый человек в резервации находится под особым вниманием. У нас своя специфика, Шепилов, - сказал он назидательно. - Советую не забывать об этом.

- О вашей специфике я со вчерашнего утра только и слышу, - произнес Сергей. - Не надо только на специфику списывать слишком

много.

- Ну-ну, - буркнул Филин. - Запомните: чем быстрее вы усвоите наши правила, тем для вас же лучше будет.

- Ваши правила игры? - спросил Сергей.

- Наши правила жизни, - произнес Филин. - Для кого-то это, может, и игра, а для нас - жизнь.

Маленькие глазки Филина сверлили Сергея насковозь.

- Спасибо за совет, - оборнил Сергей.

- Пожалуйста, - сказал Филин, криво ухмыльнувшись, и нахлобучил кепку.

После его ухода Сергей почувствовал облегчение. Странный тип, подумал он. Уж слишком недоверчивый. Я, видите ли, должен ему объяснить, почему это засранец Кононов предпочел абстрактную свободу вполне конкретной обустроенной семейной жизни!

В животе у Сергея отчаянно заурчало от голода. Времени было десять минут первого. Что ж, посмотрим на вашу столовую, решил он и стал одеваться.

Видимо, природа вздумала присвоить появлению Сергея в резервации статус исторической вехи и по этому поводу сменила погоду. Сегодня было так же сухо и солнечно, как вчера. Когда он проходил мимо серого здания конторы, то в глаза ему бросилось необычное зрелище. В резервации, очевидно, было время обеденного перерыва. Во дворе конторы толпилось очень много женщин в синих халатах. Сборы интенсивно перекуривало и оживленно болтало. Женский монастырь какой-то, а не конструкторское бюро, удивленно подумал Сергей. Он постарался пройти мимо этой странной массы одинаковых женщин как можно быстрее, поскольку физически ощущал на своей шкуре пристальные оценивающие взгляды. Даже гомон слегка утих.

На ступенях мэрии на этот раз никого не было. Столовая тоже оказалась почти пуста - для нее, наверное, еще не наступил час пик. Это была самая обычная, довольно опрятная столовая с залом, вмещавшим около двух десятков квадратных столов. В числе немногих посетителей Сергей прошел к раздаче, набрал на поднос тарелок, расплатился в кассе и сел за стол недалеко от выхода. То ли приготовлено было на самом деле неплохо, то ли сильный аппетит заглушал все остальное, но Сергей ел с удовольствием. Краем глаза оглядывая убранство столовой, он вдруг понял, что эта мэрия на самом деле - обыкновенная школа, часть которой отдали под чиновничьи кабинеты. Этим и объяснялось постоянное присутствие здесь множества детей.

За едой он стал размышлять о том, куда сейчас следует податься. В повестке дня, по всей видимости, значилось два пункта: медосмотр и трудоустройство. Обо всем остальном он старался пока не думать, чтоб снова не впасть в уныние, которое ему бы только повредило. Сейчас ему нужен был ясный разум, трезвый анализ и сбор информации. Придется нанести Кравцу еще визит, решил он. За кадром остались многие интересные вещи из жизни обитателей резервации. «Право на выход» какое-то... В общем, местные особенности. Нюансы. Правила игры, так их разедак...

Он почти уже закончил обедать, когда в столовую вошел Кирилл. Увидев Сергея, он быстрым шагом приблизился к его столу.

- Вот ты где! - бросил он. - Там к тебе твой начальник пришел. Давай беги.

- Где там? - не понял Сергей.

- Да возле транспортера, - ответил Кирилл. - Я сначала к тебе домой пошел... Он минут десять уже там ждет.

- Спасибо, Кирилл, - пробормотал Сергей и торопливо допил чай.

В коридоре Кирилл догнал его.

- Ну, ты как? - спросил он. - Как хозяева? Насчет работы еще не узнавал?

- Нет еще... Слушай, - сказал Сергей, - Кто такой этот ваш Филин?

- Такой же полицейский, - ответил Кирилл. - Какие-то проблемы?

- Приходил сейчас домой, попытывался чего-то... Таким тоном, будто я в чем-то виноват.

- А, не обращая внимания, - улыбнулся Кирилл. - У него просто характер такой. Разговаривать с ним трудновато.

- Так он по собственной инициативе ко мне пришел или его кто-то уполномочил?

- Скорее всего, по собственной. Натура у него такая, понимаешь, дотошная. Да и обязанности у него такие, он вроде участкового у нас. Если на характер не обращать внимания, так он, по идее, нормальный

мужик. Барновский ему очень доверяет. Это шеф наш, - пояснил он. - Большой такой, грузный... Не видел?

- А сколько у вас тут полицейских?

- Трое, вместе с Барновским. Точнее, три с половиной.

- Это как?

- Да Вовка Лобан еще... Наш таможенник, так сказать. Он прямого отношения к нам не имеет, но подчиняется тоже Петрову. Занимается досмотром грузов, частных посылок... Короче, всего, что попадает в резервацию через транспортер. Ему даже оружия не положено. Мы, правда, иногда привлекаем его, когда авралы всякие случаются или еще какие-нибудь случаи...

Они вышли из коридора в холл.

- Зачем это у вас нужны досмотры? - поинтересовался Сергей.

Кирилл не успел ответить, потому что его окликнули со второго этажа, и он стремительно ушел по лестнице.

Беседа с Игорем возле транспортера настроение Сергеем явно не подняла. Игорь все время пыхтел, бормотал какие-то проклятия, уставясь в землю под ногами, и все восклицал: «Какого черта, Серега, тебя сюда понесло?» Сергей молчал и глядел куда-то вдаль. Что он мог ему ответить? Да и не хотелось, впрочем. Когда они расстались, Сергей какое-то время стоял и отрешенно глядел на сутую удаляющуюся спину Игоря, пока тот не скрылся за углом дома.

Итак, сказал он себе со вздохом, продолжаем решать насущные проблемы. Что там на очереди? Трудоустройство, то-есть некто Губин.

Но некоего Губина в мэрии ему заставить не удалось. За дверьми с надписью «Кадровый отдел» он обнаружил только немолодую тучную женщину, которая оказалась его заместителем. Она объяснила, что Иосиф Валентинович ушел «на гаражи», когда будет - неизвестно, а вы молодой человек, видно, новенький, наверное, насчет работы, ну, что вам сказать... Конечно, надо лично с ним говорить, вы лучше туда и идите, чем его здесь ждать... А гаражи недалеко, у нас тут все недалеко, а конкретнее, значит, мимо бара, потом вдоль дома, где больница, и к самой железной дороге, там прямо у дороги они и стоят...

В резервации на самом деле все было рядом. Он вышел к гаражам уже минут через пять. Располагались они в северо-восточном углу резервации. Несколько рядов серых бетонных боксов тянулись параллельно сетке вдоль восточной границы метров на сто и выходили своими подъездами прямо в сторону железнодорожного полотна. За железной дорогой глухой стеной высился лес. С первого взгляда становилось ясно, что эти гаражи давно уже не являются таковыми - их превратили во что-то, напоминавшее мастерские. Здесь стояла непрерывный производственный шум, смесь металлического стука, звона и грохота, взвизгивания циркулярных пил, наждачных кругов и сверлящих станков, тарахтения компрессора, гудения сварочного аппарата, пыхтения электрокаров и выкриков рабочих. Пахло бензином, мазутом и гарью. Валялись старые автомобильные покрышки, густо наполненные окурками и пустыми бутылками. Тут же стояло несколько десятков железных ящиков с электродвигателями.

Сергей неторопливо прошел мимо проходов, высматривая среди рабочих фигуру чиновничьего вида, но никого, похожего на начальника, не заметил. Из ближайшего бокса появился низкорослый человек в кожаной куртке и кепке, с лицом землистого цвета. Он направился к Сергею, по пути вынимая из кармана сигареты. Ему было лет пятьдесят или больше. Выглядел он усталым.

- Кого-то ищете? - поинтересовался человек.

- Губина, - ответил Сергей.

- Я Губин, - сказал человек и закурил.

- Здравствуйте, - сказал Сергей - Я, собственно, по вопросу трудоустройства...

- Ты, очевидно, тот парень, который вчера к нам попал? - произнес Губин. - Утром на совещании говорили.

Он присел на один из ящиков и сдвинул кепку на макушку.

- Ну, и что ж ты можешь, расскажи.

Сергей кратко рассказывал о себе. Губин некоторое время молчал, затем вздохнул.

- Инженер, инженер... - проговорил он, кивая головой. - М-да... Инженеров у нас полная контора. Если б ты доктор был, это было бы здорово. Знаешь, как нам доктора нужны? Вон Уманцев по сути один, случись с ним что-нибудь - и все!.. Или, допустим, учитель. Тоже хорошо бы. Может, попробуешь учителем? Ты молодой, тебе легче. С ребятами, а?

- Нет, - пробормотал Сергей. - Что не мое - то не мое.

- Что ж тебе предложить? - поскреб челюсть Губин. - Видишь,

выбор-то у нас невелик. Мужики здесь на гаражах, женщины в пошивочном участке. Ну, контора еще... Хочешь - попробуй с Коганом поговори, потому что со своими кадрами он сам разбирается. Но у них, насколько я знаю, большие трудности сейчас. Заказов к конторе практически нет, Коган, по-моему, только за счет своих старых связей как-то перебивается, но и то, видимо, последние месяцы. Что они потом делать будут - ума не приложу... Я чувствую, на нынешнем собрании этот вопрос все-таки поставят. С конторой действительно надо что-то решать. - Он торопливо докурив сигарету, бросил окурки и продолжил:

- Так что смотри, если хочешь, сходи в контору. Только не на первый этаж - там у нас швейный участок... Женский.

- Честно говоря, - сказал Сергей, - мне не хочется в эту вашу контору. У меня сейчас абсолютно нет никакого желания заниматься такого рода деятельностью.

- Да я понимаю... - протянул Губин. - Хорошо, давай на производство. Собрать движки. Или в штамповочный участок, допустим... Хотя инженеры, прямо скажем, не очень охотно в работы идут. Вон из конторы никто не приходит сюда, хотя и получают у себя значительно меньше. - Он немного подумал и спросил:

- Швейное оборудование ты, конечно, не знаешь?

- Откуда? - развел руками Сергей.

- Машины что-то в последнее время сыпаться стали, - сказал Губин сокрушенно. - В принципе, дело наживное - научись... Правда, коллектив сплошь женский.

Откуда-то издалека, слева послышался звук приближающегося состава, и через полминуты перед ними возник товарняк и загрохотал, заглушая все звуки. Глядя на мелькающие вагоны, Сергей вдруг заметил, что перед железной дорогой нет ограждающей сетки. После того как стих шум, он спросил об этом Губина.

- Раньше была, - ответил тот. - В первые годы. А потом плюнули. Она же падает постоянно: то ветер сорвет, то проржавеет. Городские власти ее периодически поправляют, заменяют... А здесь не стали - все равно тут никто не ходит. Городские, которые за грибами да ягодами ходят, так они все знают, а больше здесь никто и не появляется. Ну, плакаты там еще вроде где-то остались... Так и живем. Короче, - он взглянул на Сергея, - ты думай. До завтра. А сейчас мне пора - день такой сумасшедший...

Губин поднялся и зашагал в сторону гаражей. Сергей в задумчивости повернулся к лесу. И увидел, как с опушки к путям кто-то вышел. Это оказался молодой парень лет двадцати, не больше, с облезлой клеенчатой сумкой в руке. Одет он был неважно: поношенные грязные брюки, длинная вязаная кофта в дырах, короткие резиновые сапоги и шапочка «петушок». Парень неторопливо шагал вдоль путей, пиная камушки. Походка у него была очень странная, шатающаяся. Руки висели вдоль тела, словно плети, а взгляд был устремлен под ноги. Засмотревшись на этого непонятного выхода из леса, Сергей не заметил, как позади него возник человек.

- Браток, угости сигареткой, - раздался хриплый голос.

Сергей вполоборота покосился на щуплого мужичонку в спецодежде. Мужичонка улыбался, щурясь на солнце и вытирая руки о полы куртки.

- Я не курю, - обронил Сергей, продолжая наблюдать за парнем на путях.

- А я думал, курнем... - с сожалением заметил мужичонка. - Как контора поживает?

Сергей не ответил. Парень по-прежнему шел вдоль железнодорожного полотна.

- Тут слухи ходят, - сказал мужичонка, - что у конторы дела совсем херовые. Поговаривают, совсем без денежек скоро останетесь. Пахать ведь придется, не иначе... А что! - рассудительно добавил он. - Продадите свои осциллографы да кардиографы и тоже чего-нибудь делать начнете! Так ведь? Наш мужик, он к чему хошь приспособится. Так ведь? - снова спросил он. - Слышь, а Когана вашего куда денете? Евреям же пахать нельзя, они же от этого мрут!.. - мужичонка сипло захихикал и добавил: - Слышь, браток, а может, вам к бабам податься? Тоже чего-нибудь шить станете... У вас же там рядышком. Будете шить всякие наволочки и тискать баб! Чем не жисть?..

Он опять захихикал, потом закашлялся. Закончив, поинтересовался: - Еще говорят, у вас там недавно за наркотики двоих аж на три розыгрыша турнули? За что мы тогда полицию бабки платим?

- Я не работаю в конторе, - наконец сказал Сергей. - Я в резервации всего второй день.

- А-а... - протянул мужичонка. - Я думал, из конторы... «Заложник»,

поди?

- Не понимаю, о чем ты говоришь, - произнес Сергей. - Какой еще азаложник?

- Ну, «временщик», я имею в виду... - удивляясь, сказал мужичонка.

- А что? Все так называют...

- Что за врем...

Слово застряло у Сергея в горле, потому что в этот момент парень, шедший вдоль путей, внезапно резко свернул, пересек рельсы и быстро направился вглубь резервации.

- Ты это чего? - удивился мужичонка. Он никак не прореагировал на это событие. - Чего это с тобой, браток?

- Но... - выдохнул Сергей, не сводя взгляда с парня. - Он же зашел...

Парень, как ни в чем не бывало, миновал картофельные участки и теперь двигался в сторону пятиэтажек.

- Так это же Артемка! - сказал мужичонка. - Он все время по лесу шастает. Не знаю, чего уж он там ищет... Он же у нас чокнутый, мужичонка pokrutil пальцем у виска.

- И он может ходить туда-сюда?

- Понятно, может, - заверил мужичонка. - Говорят тебе: псих он.

- А Оболочка?! - ошарашено спросил Сергей. - Он, что... не чувствует ее? Для него ее нет?

- Понятно, нет, - ответил мужичонка. - Была б, так как он тогда ходил то в лес, то в город?

- И после него не остается этой самой дырки? Прохода, в смысле...

- Да нет, конечно, - мужичонка удивленно пожал плечами. - Если б после него Проход оставался, здесь бы давно уже никого не было.

- Да... Пожалуй... - не сразу выговорил Сергей. - Это я не подумал...

- Ты так перепугался, будто я не знаю что... - помотал головой мужичонка.

- Стоп! - вдруг осенило Сергея. - Принцип разумности, да?

- Чего?.. - переспросил мужичонка, морща лоб.

Но Сергей уже не обращал на него внимания, он словно завороченный вынулся вслед за удаляющимся парнем. Он даже не понимал, зачем идет за ним - это получилось у него чисто машинально. Между Сергеем и парнем было около пятидесяти метров. Парень, пройдя дворами пятиэтажек, стал сворачивать куда-то в сторону конторы. Сергей не отставал от него и даже стал сокращать разрыв. Когда он проходил через дворы пятиэтажек, его вдруг окликнули по имени.

Возле одного из подъездов стояли Кирилл и Филин.

Сергей подошел к ним. Парень свернул за угол дома и исчез из виду.

- Куда это ты так мчишься? - поинтересовался Кирилл. - Да еще с таким озабоченным видом?

- Да вот... - забормотал Сергей. - Парень этот ваш... Увидел, как он из леса через дорогу...

- Артем, что ли? - сказал Кирилл. - А чего ты так переполошился?

- Значит, это и есть принцип разумности? - спросил Сергей, ловя на себе колючий взгляд Филина.

- Угу, - сказал Кирилл. - В действин. Сумасшедшие у нас не в счет. Артемка даже от медосмотров освобожден. У тебя, кстати, как с медосмотром?

- Нет пока... Я к Губину сейчас ходил.

- Может, он думает, у него богатырское здоровье, - ехидно заметил Филин. - Между прочим, никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь.

- Погоди, Виктор, - сказал Кирилл. - Что тебе Губин сказал?

- Да так... - замялся Сергей. - Не знаю я, в общем. Надо подумать.

- Ну, конечно! - проговорил Филин, мусоля во рту потухшую папиросу. - Там же работать нужно. Ручками. Это конторские только сидят, зады протирают.

- Да будет тебе, Виктор! - сказал Кирилл. - Чего ты заводишься? Он у нас жутко конторских не любит, - разъяснил он Сергею.

- Между прочим, - сказал Сергей Филину холодно, - я работы не боюсь.

Филин только хмыкнул, и папироса из одного угла его рта переключалась в другой.

- Сергей, ты машину водить умеешь? - вдруг спросил Кирилл.

- Умею.

- Поговори сегодня с Николаичем, - сказал Кирилл. - И с Губиным тоже. Что-нибудь придумаем.

- Кончай благотворительностью заниматься, - произнес Филин. - Пойдем.

- Подождите, - сказал Сергей торопливо. Он вытащил из кармана

платок со списком. - Объясните, в конце концов... А то я не все знаю...

- Это что? - спросил Кирилл и посмотрел в листок. - А-а, это тебе Кравец должен все рассказать. Сходи к нему.

- Ходил я, - пробормотал Сергей. - Закрыто у него.

- Ревизия сегодня в больнице, - сквозь зубы проговорил Филин. - Там они все. Идем, Барновский ждет.

- Точно - ревизия! - Кирилл хлопнул себя по лбу. - А это, как водится, на весь день. Сергей, нам правда некогда, - извиняющимся тоном сказал он. - Ты вот что сделай: в этом доме с торца находится библиотека. У библиотекаря фамилия - Ревич. Очень умный мужик, раньше ученым был. Больше, чем он, про резервацию, наверное, никто не знает. Иди к нему прямо сейчас. Он тебе на все вопросы и ответит. Кстати, у него у самого судьба тоже - не позабудешь.

- А как его зовут? - спросил Сергей.

- Рудольф Анатольевич. Зайди, зайди! С ним поговорить можно... Хороший мужик.

Они с Филиным размашистыми шагами стали удаляться от дома. Сергей снова остался один с помпезным листочком в руках.

Расположившаяся в торце дома библиотека имела крыльцо с облупленными, давно не крашеными каменными перилами, трещины которых густо поросли мхом. Сергей поднялся по крошащимся ступеням, открыл скрипучую дверь и очутился в сумрачном тихом мире. В библиотеке было безлюдно и пахло тем самым запахом, какой бывает только в библиотеках. Господи, подумал Сергей, сколько же лет я не бывал в таких заведениях! Все не до того с сумасшедшей нашей жизнью. Он ностальгически вздохнул и прошел внутрь, к столу у окна, огороженному, как и положено, стойкой. На стойке лежало несколько книг, самого же библиотекаря не было видно. Царила полнейшая тишина. Сергей собрался уже было кашлянуть, как вдруг из глубины стеллажей, из самых книжных недр послышалось:

- Кто-то пришел, кажется?

Сергей обнаружил библиотекаря между вторым и третьим стеллажами. Тут оказалось еще одно окно. Под ним уютно расположилось высокое кожаное кресло и квадратный журнальный столик, на котором стояла настольная лампа, электрочайник, сахарница, цветная жестяная коробочка и стакан. Чайник шумел. Библиотекарь сидел в кресле: седой, явно переваливший за пятидесятилетний рубеж обладатель мощных очков в роговой оправе, которые делали его похожим на профессора. Одет библиотекарь был в простенький пуловер коричневого цвета.

- Здравствуйте, - сказал Сергей. - Вы Рудольф Анатольевич?

- В точности так, - кивнул библиотекарь. - Хотите что-нибудь почитать? Я вас раньше не видел.

- Меня никто здесь раньше не видел, Рудольф Анатольевич, - произнес Сергей. - Я только вчера появился в резервации. И пришел не за книгами, а за консультацией.

- Вот оно что, - Ревич с интересом глянул на него поверх очков. - Чаю хотите? Не стесняйтесь, за компанию, а?

- Можно и чаю, - согласился Сергей, садясь на стул.

Ревич, сутулаясь и шаркая, удалился и через минуту появился со вторым стаканом, в котором позвякивала чайная ложка.

- Должен вам сказать, вы подоспели весьма вовремя, - заметил он, усаживаясь обратно в кресло. - Я заварил чай буквально только что... Простите, как ваше имя?

- Извините, не представился. Меня зовут Сергей.

- Вам, наверное, лет тридцать, не больше? Моему сыну столько же, - негромко изрек Ревич. - Вы позволите называть вас Сережей?

- Конечно, - сказал Сергей, размешивая сахар.

Ревич отхлебнул чаю и посмотрел на Сергея, слегка склонив голову на бок.

- В общем, Рудольф Анатольевич, - начал Сергей, вздохнув, - я попал сюда совершенно случайно. Просто какое-то нелепое, дурацкое стечение обстоятельств...

- Вон оно как, - протянул Ревич, кивая. - Хищница снова заскучала по вкусу крови? В капкан угодила очередная жертва...

- Говорят, что таких случаев у вас давно не было? - спросил Сергей.

- Пожалуй, что так... А Проход после вас?

- Им воспользовался один тип.

- Ясно... У вас есть семья, Сережа? - участливо поинтересовался Ревич.

- Бывшая.

- Наверное, дети никогда не бывают бывшими?

- Что верно, то верно, - ответил Сергей.

Он взял стакан и сделал несколько глотков. Ревич глядел на него, и глаза у него были грустные. Казалось, он думал о чем-то своем. С минуту оба молчали, лишь мелкими глотками пили чай. Затем Ревич устало потер пальцем веки и негромко спросил:

- И что же вы хотите узнать, Сережа? Я охотно вам помогу, если это в моих силах.

- Прежде всего, меня интересуют все эти ваши принципы, - сказал Сергей.

Он выложил на стол листок с перечнем. Ревич поднес очки к глазам и посмотрел на листок.

- Ну, про принцип четности вы не можете не знать, так ведь?

- Я знаю про четность и про полупроводимость, - сказал Сергей. И буквально только что узнал о сумасшедших.

Ревич, улыбаясь, понимающе кивал.

- Принцип разумности, - проговорил Сергей, задумавшись. - Как он, все же, формулируется?

- Так и формулируется, - сказал Ревич. - Оболочка существует только для разумных людей. В формировании ситуации четности или нечетности учитывается количество только разумных людей в резервации.

- Получается, что и животные не должны чувствовать Оболочку?

- Они и не чувствуют, - ответил Ревич. - Или для них ее, очевидно, просто не существует. Тут им можно только позавидовать. Но с этим-то принципом все просто. Какие, вы говорите, еще остались?

- Перпендикулярности и однократности, - сказал Сергей.

Ревич некоторое время молча думал.

- А вы знаете, какие бывают виды нарушения четности? - осведомился он. - Вы, вообще, уже в курсе, почему опасно состояние нечетности в резервации? Чем грозит нарушение стабильности, знаете?

- В принципе, да, - ответил Сергей. - Кравец мне растолковал. Если нечетно, то нестабильно. Это влечет чью-либо гибель. Я помню.

- Хорошо, - проговорил Ревич. - Видите ли, чтоб понять принцип перпендикулярности, надо разобраться в типах нечетности. Так вот, - продолжил он после некоторой паузы. - Существует три типа нечетности. То бишь, три вида нарушения четности. Ну, четность и стабильность - это у нас синонимы, если вы уже поняли. Итак, нечетность может возникнуть тремя путями. Первый: в резервации кто-то умер, второй: в резервации кто-то родился, и третий: в резервацию кто-то вошел снаружи.

- А если кто-нибудь в резервации сошел с ума?

- Вопрос интересный, - крикнул Ревич. - Я тоже над ним думал, но наверняка этого никто не знает. По той простой причине, что никто в резервации еще с ума не сошел.

- Минутку! А Артем?

- Он ненормален с самого рождения, так что... В общем, эта тема практически не исследована. И поэтому мы всегда говорим о трех типах. Потому что эти три типа подтверждены практикой.

- Стало быть, ваш принцип разумности выведен лишь на основании одного конкретного случая с Артемом?

- Получается, так, - согласился Ревич. - Понимаете, Сережа, здесь многое понито и осознано на основании всего одного-двух конкретных примеров или фактов. Что поделаешь, мы поставлены в такие условия, нам не дано возможности производить эксперименты. Мы не можем формулировать законы резервации в лабораторных условиях. Мы узнаем их по ходу жизни. К большому сожалению. Хотя, надо отметить, что все принципы были открыты нами в первые же месяцы существования резервации. В последние годы мы ничего нового не узнали. Просто накапливаем статистику, уточняем детали... Но как ученый я должен сказать, что нет никаких оснований думать, будто мы здесь застрахованы от какого-либо подвоха. Конечно, прошли годы, люди привыкли к новым правилам жизни, но утверждать, что эти правила завтра не изменятся, нельзя. А пока они такие: в первом и третьем случае мы имеем «плюс-нечетность», во втором - «минус-нечетность». Ну, такая терминология.

- Погодите... А то все перепутается...

- Не мудрено, - Ревич понимающе кивнул.

- Значит, в случае рождения человека, - сказал Сергей. - это называется «плюс-нечетность»?

- Или когда кто-то зашел в резервацию снаружи, - добавил Ревич.

- Как вы, допустим. Тоже «плюс-нечетность». В обоих случаях число людей в резервации возрастает. Поэтому и приставка «плюс».

- Тогда и с «минусом» ясно...

- Конечно, - сказал Ревич. - На одного человека меньше. Таким образом, пути разные, но приводят-то они к одному, как вы понимаете. К нечетности. И к появлению Прохода.

- Хорошо, - проговорил Сергей. - С этим, вроде, разобрались. Дальше...

- Вот мы и подошли к понятию Прохода, - сказал Ревич. - Что такое Проход, как и Оболочка, никто не знает. Известен лишь его смысл. Это кратковременная дыра в Оболочке. И в соответствии с тем, какая возникла нечетность, они тоже называются «плюс» и «минус»-Проходами. Просто для удобства. Вам ведь уже объяснили этот механизм, который резервация запускает в действие в случае возникновения нечетности? - спросил он.

- В общем-то, да. Но лучше повторите...

- Итак, когда возникает ситуация нечетности, в Оболочке образуется Проход. А потом происходит одно из двух: либо кто-то выходит через него наружу, либо кто-то умирает. В любом случае Проход тут же исчезает. Стабильность восстанавливается, поскольку восстанавливается четность. Понимаете?

- Вполне, - сказал Сергей, напряженно размышляя. - А сколько времени он существует, Проход этот?

- Несколько часов, - сказал Ревич. - Когда как... Это тоже почти неисследованная тема. А теперь возникает вопрос: в каком месте Оболочки возникает Проход?

- И в каком же? - спросил Сергей.

- Вот мы и подошли к принципу перпендикулярности.

- Когда я вошел, - сказал Сергей, размышляя, - то как бы прорвал Оболочку в этом месте. Где вошел - там и образовался Проход...

- Правильно. А в первом или во втором случае? Когда в резервации кто-то рождается или умирает? В какой точке возникнет Проход?

- А в какой? - спросил Сергей.

- Согласно принципу перпендикулярности, - сказал Ревич, - Проход возникает в ближайшей к месту возникновения нечетности точке Оболочки.

- К месту, где родился или умер человек, что ли?

- Совершенно верно. А что такое минимальное расстояние? Это перпендикуляр. Можно было назвать, допустим, принцип «кратчайшего пути». Но это, конце концов, неважно. Важно, что если от места возникновения нечетности провести воображаемый перпендикуляр к Оболочке, то точка пересечения как раз и определяет место, где должен образоваться Проход. В случае, когда в резервацию попадает человек снаружи, это самое место нечетности и место образования Прохода, как вы понимаете, просто геометрически совпадают. Только и всего. Ну, как вам этот принцип на вкус, а? - Ревич утих ненадолго, внимательно глядя на Сергея.

- Забавно... - пробормотал Сергей, отхлебнув чаю. - А если родится сразу двое или, наоборот, умрет двое? Ну, или любое четное число людей?

- Если это произойдет в течение очень короткого промежутка времени... Скажем часа или двух... Тогда, конечно, резервация не успеет погасить нечетность самостоятельно. Тогда четность устанавливается как бы естественным путем. Никто не пострадает, все будут живы и здоровы. Примерно то же самое, если снаружи сюда одновременно зайдет четное число людей. Понимаете меня? Наливайте себе еще чайку, не стесняйтесь.

- Спасибо, я больше не хочу.

- А я, знаете ли, частенько... - Он налил себе новый стакан чаю и сделал несколько неторопливых глотков. - Итак, у нас пустяк остался... Есть еще такая вещь, как принцип однократного пребывания в резервации. В обиходе называется принципом однократности. Тоже, скажу вам, занятная штука... Но тут все просто. Суть его заключается в том, что человек, вышедший из резервации, уже не сможет в нее попасть обратно. То есть принцип полупроводимости как бы на этого человека уже не действует, и он так же не может пройти сюда через Оболочку, как мы отсюда.

- Это еще что за ерунда такая? - непроизвольно хмыкнул Сергей.

- Это не ерунда, - сказал Ревич, качнув головой, - а принцип однократности. Человек, который вышел отсюда, становится для резервации словно меченый. Признаться, это не самый плохой принцип, ведь так?

- Меченый. Хм, - повторил Сергей. - Но почему? Что это значит?

- Эх, Сережа, - печально улыбнулся Ревич. - На вопросы типа «почему?» да «зачем?» у нас чаще всего бывает ответ: «Этого никто

не знает». Здесь, в резервации, уже давно никто ничего не спрашивает. Эти времена прошли.

- Да это я так... - проронил Сергей, вздыхая. - Я это уже понял. Просто вырвалось.

- Ничего, - сказал Ревич. - Мне это знакомо.

Он сделал еще несколько глотков и, прижав стакан к груди, откинулся на спинку кресла.

- Я хорошо помню, как во мне и во многих других все внутри протестовало против случившегося. И против того, что случившееся не поддавалось никакому объяснению! И, знаете, прошло много времени, прежде чем этот протест утас. Вот так - утас, и все. Время, оно, знаете ли, лечит любые раны...

Ревич закрыл глаза и умолк. Казалось, он погрузился в воспоминания.

- А связь? - спросил Сергей осторожно.

Ревич открыл глаза.

- Что вы говорите?

- Ну, разве это не принцип? Телефоны же в резервации не работают!

- А... Есть такое дело, - согласился Ревич. - Но это вроде бы и не принцип. Видите ли, это обстоятельство не имеет прямого отношения ни к принципу четности, ни к другим принципам. Оно не связано ни с четностью, ни с чем подобным. Это своего рода некое дополнительное условие... Некое дополнительное ограничение нашего существования. Кстати, не работает не только телефон, но и все другие способы оперативной связи с внешним миром. Телевидение, радиосвязь...

- Минутку, - сказал Сергей непонимающе. - Я сам слышал вчера: телевизор работал!

- Нет, Сережа, - печально улыбнулся Ревич. - Увы, но это была всего лишь запись. По договоренности с городскими властями нам периодически присылают видеозаписи с новостями. А здесь, на нашем видеоцентре, их крутят. Несколько раз в течение дня.

- Стало быть, изоляция? - медленно произнес Сергей.

- На то она и резервация, - ответил Ревич грустно.

- А почему бы тогда еще и не выключить воду? - пробормотал Сергей. - Или, скажем, не отменить закон Ома? Или уменьшить силу притяжения... А?

- Пути господни неисповедимы, - проговорил Ревич с вздохом.

- Вы мне лучше вот что скажите, - сказал Сергей. - Сегодня я услышал о существовании какого-то права на выход. Что это такое?

- Тут все очень просто, Сережа. Понимаете, наше общество поделено на две части: имеющие право покинуть резервацию и не имеющие такого права. Не имеют такого права, как правило, местные, то есть те, кто проживал здесь до момента образования резервации.

- Но ведь выйти отсюда практически нереально?

- Не забывайте, что есть факторы нарушения четности, так называемые плюс- и минус-нечетности, о которых мы говорили. Если искусственно создавать и контролировать такие ситуации, то кое-какой шанс появляется. Маленький, правда...

- Как это - создавать искусственно? - удивился Сергей.

- Вам и это не объяснили? - вскинул брови Ревич. - Вы же были у Кравца, странно...

- Так вот вышло, - сказал Сергей.

- Дело в том, Сережа, - сказал Ревич, - что мы здесь по мере возможностей искусственно нарушаем стабильность. С помощью плюс-нечетностей.

- Вы берете сюда людей снаружи? Один заходит, другой выходит?

- Именно так, Сережа.

- Простите, но какой же дурак пойдет сюда?... - пробормотал Сергей растерянно. - Да и какой в этом смысл? Число же людей в резервации не меняется.

- Вы просто не знаете самого главного, - вздохнул Ревич. - Мы берем сюда людей, которые должны умереть.

- Умереть? - переспросил Сергей, нахмурясь. - Почему это - должны? Как это понять, простите?

- Люди, находящиеся при смерти, - пояснил Ревич. - Нам доставляют людей, находящихся при смерти. С их согласия, разумеется. Как правило, это смертельно больные одинокие старики. В общем, те, которым осталось жить чуть-чуть. А иначе, вы правы, в этом нет смысла.

Наступила тишина. Сергей был обескуражен, он был в очередной раз ошеломлен и сбит с толку.

- Так это... и есть ваш шанс? - тихо вымолвил он, наконец.

- Именно это и есть наш шанс, - грустно подтвердил Ревич. - Единственный.

- Но... - начал было Сергей и снова озадаченно умолк.

- А поскольку все эти люди, - продолжил Ревич, - являются стопроцентными добровольцами, то их бывает крайне немного, как вы понимаете. Если учесть, сколько человек в резервации претендует на возвращение, то шанс для каждого получается ничтожным.

- Хорошо, - выдавил через некоторое время Сергей. - Ничтожным... Как же эти шансы распределяются?

- Старым добрым способом, - ответил Ревич, - Жеребьевкой. Естественно, этот процесс необходимо организовать. Определить процедуру, ограничить при необходимости число правомочных, назначить ответственных и так далее. Стандартные действия любого сообщества людей, объединенных общим интересом. Этим как раз у нас и занимается отдел особого назначения. Учет и контроль над этим самым ничтожным шансом. Это, конечно, не единственная сфера его деятельности, но, скажем так, основная.

- Так мне для этого присвоили номер? - догадался Сергей.

- И для этого тоже.

- И что мне теперь с этим номером делать?

- Ничего не надо делать, Сережа, - с вздохом сказал Ревич. - Ваш номер - это лишь ваш шанс в общем котле во время розыгрыша, и не более. Если вам повезет, то повезет. Мне, честно говоря, эти тонкости не известны и неинтересны. Очень уж напоминают мышиную возню. Хотите, можете молиться, чтоб жребий пал на ваш номер. Что еще в наших силах? Лично я не молюсь и давно уже ни на что не надеюсь. Слишком редко на нашу долю выпадают эти жеребьевки, чтоб из-за этого по ночам или звать к божьей милости.

Ревич замолчал, вдруг как-то съехался, шевельнул губами, потом быстро снял очки и стал тереть веки пальцами. Некоторое время они молчали.

- Вы здесь с самого начала? - поинтересовался Сергей, сплут какое-то время. - Я так понимаю, вы тоже не местный?

- Да... - тихо вымолвил Ревич и опустил голову. - Я здесь с самого начала. Здесь почти все с самого начала. Немного здесь тех, кто уже позже попал в резервацию. В основном сегодняшний состав резервации определился в самые первые дни. Знаете, город был так перепутан, что народ обходил эти места за километр! В округе, я помню, перекрыли все движение, расставили по периметру милицию, ГАИ... Мы здесь метались под колаком, в городе метались вокруг колака - в общем, паники было предостаточно.

- Когда это хоть случилось? - сказал Сергей. - Я даже этого не знаю, потому что не из вашего города...

- Восьмого июля исполняется четыре года, - произнес Ревич и сделал небольшую паузу. - Уже четыре года длится наша эпопея, четыре года... Понимаете, Сережа? Это ведь своего рода вечность! А с другой стороны - мгновение. Я до сих пор прекрасно помню события тех дней. Весь ужас тех дней... М-да...

- Ну хоть какие-то попытки истолковать это явление были? - спросил Сергей. - Все равно должны быть какие-то гипотезы!

- Вы имеете в виду точку зрения науки?

- Не обязательно... Вообще... Кто-то ведь над этим думал.

- Конечно, конечно, - согласно закивал Ревич. - Над этим думало очень много людей. И ваш покорный слуга был в их числе. Только много ли толку от этих дум? Гипотез было величайшее множество. К сожалению, они так и остались гипотезами. Среди ученых не было единой точки зрения. Ее и быть не могло. И не будет. А для себя каждый может сам придумать ту гипотезу, которая ему больше нравится.

- А вы, Рудольф Анатольевич, - осторожно поинтересовался Сергей, - какую для себя выбрали гипотезу?

- Никакой, - вымолвил Ревич. - Мне они не нужны. Я же ученый, через мою голову по долгу службы прошло столько гипотез и мнений, что я стал относиться к ним спокойно. А потом, когда я понял, что мы окончательно зашли в глухой тупик, то вообще стал к ним равнодушен. Но это мое личное отношение. В резервации же очень по-разному воспринимают то, что происходит. И вам, Сережа, тоже придется самому выбрать, как относиться ко всему этому. Кто-то пытается привлечь для объяснения все мыслимые человеческие науки, кто-то религию, кто-то даже потусторонние силы... Кто-то вообще никак на этот счет не думает. Смирился, привык и живет себе потихоньку. Я вообще-то не люблю давать советы, но... Знаете, вы обязательно найдите себе тут друзей, обязательно!.. Иначе будет очень тяжело, поверьте мне. Или займитесь каким-нибудь делом. Найдите себе отдушину. Только не скатывайтесь в пьянство... А это здесь элементарно. Даже не заметите.

- Скажите, а ваша семья далеко? - спросил Сергей и тут же

пожалел.

Ревич посмотрел на Сергея, что-то изменилось в его лице, он заморгал и отвернулся к книжному стеллажу.

- Они все в Подмоскovie... - хрипло произнес он. - И жена, и дети. Сын такой же, как вы. Антоном зовут. Внука Настя, ей уже шесть лет... Младшая - Леночка, ей уже двадцать пять... Замуж вышла, пока я тут... Сына родила. А я его даже не видел. Внук..

Голос его задрожал. Он по-прежнему не поворачивался.

- Я Ольге столько раз говорил, чтоб не ездили сюда, - говорил он полупшепотом. - Все равно приезжают. На сердце сразу становится так больно! Я их отговариваю, а сам все равно жду, жду... И больно, и без них еще хуже... Иногда я думаю, - вымолвил он, - вдруг когда-нибудь... Ну, вдруг!.. Вот в один прекрасный день Оболочка исчезнет, все кончится, а я не доживу... Понимаете, просто не доживу! Мне уже пятьдесят шесть лет. А сколько нам тут еще куковать? Может быть, это навсегда.

- Ну что вы, Рудольф Анатольевич... - смущенно пробормотал Сергей. Ему стало страшно неловко оттого, что он завел разговор в такое русло. - Вдруг вам повезет, вдруг этот жребий...

- Мне никогда не везло ни в каких лотереях, - Ревич повернулся к Сергею с поджатыми губами. Глаза его были влажными.

- Мне тоже, - проронил Сергей.

Настроение Ревича заметно упало. Библиотекарь сидел, понуро откинувшись в кресле и слегка прикрыв глаза. Сергею показалось неуместным спрашивать сейчас его о чем-нибудь еще, и он встал.

- Рудольф Анатольевич, спасибо, что уделите мне время, - проговорил Сергей. - Я пойду.

- Да вы не обращайтесь на меня внимания, - немного оживился Ревич. - Вы же, наверняка, узнали не все, что хотели. Спрашивайте, ради бога!

- Нет-нет, я пойду, - торопливо сказал Сергей. - Еще раз спасибо. Я обязательно еще зайду потом.

- А вы заходите ко мне домой, - с готовностью предложил Ревич.

- Чаю попьем. Я буду только рад. Да и у вас еще будут вопросы, я по себе знаю. Я живу в четырнадцатитяжке, в шестьдесят первой квартире, на восьмом этаже. Запомните?

- Хорошо, я запомнил. Непременно зайду, - пообещал Сергей. - До свидания.

- Спасибо, что зашли, Сережа, - сказал Ревич. - Приятно было познакомиться и поговорить.

Сергей вышел из прохода между книжными стеллажами. Библиотекарь неподвижно сидел в своем кожаном кресле и взгляд у него был печальный и потухший.

Налет грусти остался в душе Сергея после этого разговора. И зачем я только спросил его о семье, подумал он невесело. Выбил, наверное, человека из колен на весь день.

Теперь ему предстояло посещение больницы. Сергей справедливо рассудил, что больница не рухнет, если он сначала зайдет домой и примет душ, и с этим решением направился на свою новоиспеченную квартиру.

Дома он обнаружил, что напрочь отсутствует горячая вода. Кран глухо ворчал и дрожал, а затем немного сплюнул в ванну и успокоился. Понадеявшись, что это все-таки не происки резервации и что вода, может быть, вот-вот появится, Сергей протопал в свою комнату и бухнулся на раскладушку. Спать не хотелось совершенно. Он полежал несколько минут, прокручивая в голове то, что удалось узнать за сегодняшнее утро. Потом встал и подошел к окну.

В некотором отдалении от дома, перед самой железной дорогой простиралась длинная узкая гряда картофельных участков. За путями высился все тот же бесконечный лес. И мне придется наблюдать этот пейзаж неизвестно сколько лет, мелькнула мысль. Или десятилетий?

В дверном проеме мелькнула Кира Семеновна, молчаливо кивнув ему. Со стороны кухни доносились смачные побряхтывания хозяина семейства, носившие явно алкогольный характер. Потом до слуха Сергея стали доноситься обрывки фраз Галушко, из которых можно было заключить, что хозяин интересуется, дома ли его квартирант, и чем это он, дескать, занимается. Сергей понял, что повтора вчерашней атаки наверняка не избежать. Вот тебе и первый повод пойти сегодня в бар, подумал он. Тем более, что на самом деле не грех было бы перекусить.

Он быстро проскользнул в прихожую мимо сидящего за столом растрепанного и почему-то набившегося Галушко. Взгляд главы семейства был основательно замутнен. Его реакцией на мелькнувшего перед ним Сергея стало некое эмоциональное мычание, отчаянно

пытавшееся преобразоваться в слова. Сергей быстро вприткнул в туфли, накинул, не застегивая, плащ и покинул жилище.

- Честно говоря, я надеялся вкусить твоих хваленых пирожков, - сказал Сергей. - Помнится, ты вчера упоминал...

- Нет, братец, сегодня у нас не пирожки, - ухмыльнулся в усы Барков. - Сегодня у нас шаньги. И хочу заметить: не менее хваленые. Запомни, Серега, что у Баркова каждый день - свое фирменное блюдо! И Барков этого принципа старается придерживаться. Стиль есть стиль. Бывают, конечно, накладки. В основном из-за того, что не привезут тот или иной продукт. А так, в общем, марку держим.

- Тогда я с удовольствием вкушу твоих хваленых шанег, - сказал Сергей смиренно.

- Гут, - кивнул Барков, не переставая звенеть за стойкой стаканами. - Что пьем? Коньяк, водка? Есть джин еще, на любителя... Вина мужикам сам не предлагаю.

- Коньяк, - ответил Сергей, поглядывая по сторонам.

- Иди, садись, - сказал Барков. - Я принесу.

Сквозь гомон и завесы табачного дыма Сергей пробрался к одному из столиков, за которым одиноко восседал немолодой субъект в поношенном засаленном пиджаке, некогда белой рубашке и помятом галстуке, съехавшем набок. Субъект имел двух-трехдневную щетину, был основательно нагружен и почему-то ассоциировался с бывшим административным работником или начальником сектора НИИ, пребывающим в запое.

- Вы позволите? - поинтересовался Сергей у небритого.

Тот ничего не ответил, возможно, он даже не заметил появления Сергея, так как сидел, тупо глядя на деревянную поверхность стола и отведя в сторону кисть руки с зажженной сигаретой. Перед ним стояла пепельница, полная окурков, почти пустой стакан и тарелка с недоеденной шаньгой. Сергей опустился на стул. Гул в баре стоял отменный. Минуты через две сосед по столику поднял на Сергея замутненный взгляд и хрипло изрек:

- Что?

- А что? - в свою очередь сказал Сергей.

- Не одобряешь? - пошевелил бровями, сказал небритый.

- Смотря что, - ответил Сергей.

- Да все! - отрезал небритый и неаккуратно затыкнулся, рассыпав пепел на рукав пиджака.

- Все - нельзя, - заметил Сергей. - Тогда уж лучше повеситься.

Небритый поглядел на него, несколько раз моргнув, и пожевал губами.

- Между прочим, это неплохая мысль, - сказал он.

- Значит, так плохи дела? - осведомился Сергей.

Небритый слабо хмыкнул, сделал еще несколько затажек и затушил окурков в пепельнице. При этом он обжег палец и ругнулся.

- Дела... - проговорил он, - Дела - как сажка бела. По-другому не было и не будет, пока этот мир населен людьми. Людишками, - добавил он жалко, - Тварями с короткой памятью... Понятно? - спросил он, набиваясь.

Затем небритый проглотил остатки содержимого своего стакана, отщипнул кусочек шаньги и стал безразлично жевать. Возник Барков и поставил перед Сергеем тарелку с шаньгами и такой же, как у небритого, граненый стакан, наполовину наполненный коньяком.

- Лопай, пока теплые, - сказал Барков, хлопая Сергея по плечу. - А это Михалыч, - сказал он, кивнув в сторону небритого, - Пессимист и волк-одиночка.

Небритый поднял на Баркова тяжелый взгляд.

- Ты, что ли, оптимист? - буркнул он. - Ты мне лучше водки еще принеси...

- Я не официант, - ответил Барков. - У нас здесь самообслуживание. Три года уже, между прочим. Забыл, что ли, Михалыч?

- Не официант он... - пробормотал небритый Михалыч. - Ему вон принес!..

- Это наше с ним личное дело, - сказал Барков, заговорщически подмигивая Сергею. - А тебе и так уже хватит. Экономь деньги, Михалыч. Скоро совсем без зарплаты останетесь. Что делать будешь тогда, а? - шуточно спросил Барков. - Пойдешь ко мне в официанты?

- В официанты... Я же, гадство такое, ведущий инженер!.. - выдохнул Михалыч. - Я, между прочим, около тридцати лет...

- Да знаем, знаем, - сказал Барков добродушно. - Так и быть, будешь ведущим официантом...

Они продолжали говорить, а Сергей неторопливо выпил коньяк, внутренне проследив его согревающий путь, и стал есть шаньги. Они и в самом деле оказались вкусными, и он уничтожил их с аппетитом.

- Вот ты вспомни, - с трудом ворочая языком, говорил тем временем Михалыч Баркову. - Три года назад! Да даже два года... Разве кто-нибудь мог назвать меня паразитом или нахлебником? Или любого другого... Разве было такое возможно? Такое и в голову никому не приходило! Мы все были одинаковы, мы все были несчастны. Никто никого не выделял, черт возьми, никто никого ни в чем не обвинял! - Он умолял, торопливо извлек еще сигарету, но, не прикурив, продолжил, угрюмо насупившись:

- Кстати, в первые два года кто приносил доход в резервации больше, ну!

- Потому что тогда у вас были заказы, - сказал Барков. - А сейчас нет. Колесо фортуны, братец.

- А сейчас нет! - выпалил Михалыч. - И поэтому, гадство такое, мы стали недочеловеками, да? Поэтому нас можно мешать с говном? Раньше мы все были хорошие и несчастные... Теперь, значит, мы нахлебники!..

- Ну-ну, - Барков похлопал его по плечу, - Не распадайся, Михалыч. Ты же знаешь, таковы люди. Здесь.

- Людишки! - фыркнул Михалыч мрачно. - Да они везде такие... Только здесь они как под микроскопом.

- Я же говорю - пессимист, - сказал Барков Сергею. - Хотя он прав: им сейчас очень несладко.

- Воровать пойду! - вдруг обиженно пробурчал Михалыч. - Грабить. Раз мои мозги уже никому не нужны, то вот...

- Ба! Да это ты, Михалыч, давеча женщину в подъезде обчистил? - усмехнулся Барков, подмигнув Сергею. - А то вся резервация шумит и гадает... Полиция с ног сбилась.

- Чего?! - чуть не взревел Михалыч. - Сдурел, что ли?!

Барков захохотал, хлопая ладонями по столу. Михалыч замахал на него руками, затем склонил голову и стал обиженно бубнить себе под нос что-то невнятное. Барков присел на стул возле Сергея.

- Сегодня у тебя вид не такой потерянный, как вчера, - заметил он. - Значит, дело идет на поправку. Через недельку на тебя перестанут коситься. И ты тоже привыкнешь. И все.

- Что - все? - спросил Сергей, невесело усмехнувшись.

- Да все. Послушай, тезка, - заговорил Барков поучительно, - вот тебе мой совет. Отнесись ко всему философски. Измени свой взгляд на жизнь. Я тебе это по собственному опыту советую.

- Извлеки пользу из неприятности, - кивнул головой Сергей. - Найди прекрасное в ужасном...

- Если хочешь, то да, - согласился Барков. - Я не спорю - это очень трудно. Но у тебя получится, это точно. А там, глядишь, может, и не захочешь никуда из резервации дергаться. Как, например, я.

- Ну уж нет, - отрезал Сергей. - Только не это.

- Не торопись с выводами, братец, - сказал Барков, похлопав его по плечу, - Время подумать у тебя еще будет.

- А тебе, стало быть, здесь нравится? - спросил Сергей.

- Меня здесь все устраивает. Абсолютно... - заговорил Барков уверенно, - Ничего не происходит просто так. Если ты попал сюда - значит, это кому-то было нужно! Все предreshено и дано тебе в виде испытания.

Он снова дружески похлопал Сергея по плечу. Рука у него была тяжелая.

- Найти бы того, кому это было нужно, и задать ему пару вопросов, - произнес Сергей.

- Исходи из реальности. С резервацией тягаться бесполезно, на этом попрощай уйма народу себе зубы и когти пообломало. Себя изменить проще, братец...

- Проще? - покачал головой Сергей. - Не знаю, не знаю...

- И потом, не забывай, - добавил Барков многозначительно. - Все что ни делается, к лучшему. Не забывай. Ладно, думай, - сказал он и опять подмигнул Сергею. - Мне надо к клиентам.

Барков покинул столик и вернулся к своему рабочему месту. Михалыч уже спал, уронив голову на руку. Вторая рука свисала со стола, между пальцев ее так и осталась торчать нетронутая надломленная сигарета. Сергей доел последнюю шангью, потом повертел в руках пустой стакан. Напиться, что ли, подумал он. И уже собрался сходить за коньяком, как возле столика возник Кирилл. Одет он был в гражданскую одежду: джинсы и легкая куртка. Однако радия по-прежнему болталась на поясе.

- Так и знал, что ты здесь, - сказал Кирилл, - Пойдем.

- Куда?

- По дороге объясню. Жду на улице, - сказал Кирилл и ушел.

Сергей протиснулся к стойке и поинтересовался у Баркова, сколько он ему должен.

- Ничего, - ответил Барков, улыбаясь. - Платить начнешь завтра. Сегодня у тебя премьера. Сегодня - за счет заведения.

- Премного благодарен, - сказал Сергей. - Тогда я пошел.

- До завтра. Кстати, завтра будут расстегайки с рыбой. Если, конечно, машина с рыбой придет. Что-то они в последнее время частенько подводят...

Сергей вышел из бара и Кирилл увлек его налево по направлению к южной части резервации, в сторону шоссе.

- Бывал в промтоварном магазине? - спросил Кирилл. - Вот в тот дом идем. Там у меня два друга живут. Контторские они. Сидим постоянно вместе. Условия у них позволяют. Хочу тебя в нашу компанию включить. А то одному тебе сложно будет. А здесь одним нельзя.

- А народ не будет против? - поинтересовался Сергей.

- Да ты что! - воскликнул Кирилл. - Парни мировые.

Они миновали заброшенную автобусную остановку.

- Значит, так, - сказал Кирилл деловито, - С работой для тебя я договорился. Зашел сегодня к Мельникову, это наш начальник транспортного отдела. Работа такая: развозка продуктов, товаров и тому подобное. В основном по магазинам. Есть у нас для этих целей «Рафик». Сейчас на нем работает один парень, Ромка Агеев... Но он не тот человек, не ответственный, да и за воротник слишком часто закладывает. В резервации, конечно, все часто закладывают... В общем, это неважно. Ромку - на транспортер вместо Кононова, а на «Рафик» - тебя. Хотя бы на первое время, а там видно будет, когда обнухаешься.

- Согласен, - смиренно ответил Сергей. - Как водить машину, я, кажется, еще не забыл. Со швейными, безусловно, сложнее.

- Ну и хорошо, - сказал Кирилл, - Прямо с утра к Мельникову зайдешь. Медосмотр прошел?

- Нет.

- Завтра обязательно. На работу без медзаключения тебя никто не допустит. Без этого ты в резервации не человек. У нас с этим очень строго.

Они нырнули в крайний подъезд дома. На втором этаже Кирилл толкнул дверь квартиры направо, оказавшейся незапертой, и они вошли внутрь.

- А вот и наш коп, - немедленно донесся голос из комнаты.

- К тому же не один, - произнес Кирилл отчетливо и сказал Сергею:

- Раздевайся и проходи.

Это была обычная старая двухкомнатная хрущевка. На столе торчала пара бутылок, рюмки, несколько вскрытых консервных банок, булка хлеба, порезанный сыр, банка растворимого кофе, пакет с соком, сахарница и прочие мелочи неумудренного мужского стола. Посреди пейзажа красовалась пепельница, до невозможности заполненная окурками.

Обитателей комнаты, как и сказал Кирилл, было двое, и оба казались ровесниками Сергея и Кирилла. В кресле восседал небольшого размера крепкий бородач. Он имел кудрявую и пышную шевелюру, а серые глаза его глядели насмешливо и беспечно. Второй был тощий и длинный очкарик, откровенно белобрысый и взъерошенный. Он полулежал на диване и курил в потолок.

- Ну ты где ходишь-то, в конце концов? - воскликнул очкастый и сел.

- Вставать не надо, - суровым тоном произнес Кирилл. - И вопросы здесь задаю я.

- Допрыгались, кажется, - изрек бородастый. - Коп привел понятного. Васильич, что ты на это можешь сказать?

- Что-что... - пожал плечами очкастый и поправил свои очки. - Водки может не хватить - вот что.

Примерно через час все встало на свои места. Сергею было здесь хорошо. Содержание алкоголя в крови неумолимо возрастало, стаскивая с души покров пессимизма и отчаяния. В голове уже изрядно шумело. С течением времени гомон в комнате нарастал. Становилось все жарче, воздух в комнате все более уплотнялся и пропитывался сигаретным дымом. Мужики действительно оказались неплохие. Оба были инженерами, работали в конторе уже довольно давно, жили в этой квартире, как и все контторские, на подселении. Бородастого крепыша звали Глебом, а белобрысого очкарика - Валерой. Говорили, как водится, о самом разном, и чем дальше, тем чаще темы разговора перескакивали с одной на другую. Поначалу Сергей по большей части молчал и слушал, но постепенно с увеличением количества выпитого язык стал

развязываться и у него. После того, как Глеб в очередной раз разлил водку по рюмкам и они выпили, Сергей, сопя и хрумящая маринированным огурцом, поинтересовался:

- А кто такие «заложники»? Объясните популярно.
- Ну, брат... - проговорил Кирилл, жуя бутерброд. - Это надо на примере... Вот, допустим, поплохело кому-нибудь в резервации не на шутку. Надо оперировать или еще чего... В общем, надо человека наружу переправлять, иначе загнется. В этом случае спасает только «заложник». Его сюда, больного туда.
- Постой-ка, - пробормотал Сергей. - А откуда он возьмется?
«Заложник» - то?
- Снаружи, разумеется, - вставил Глеб. - Откуда же еще? Можно, конечно, их тут рожать, - усмехнулся он, - только роды у нас запрещены, да и не оперативно это...
- Не пудри человеку мозги, - сказал Валера. - ООН этим занимается.
- Какой еще «ООН»? - не понял Сергей.
- Да отдел особого назначения, - пояснил Кирилл. - Кравцовское ведомство... Находят снаружи кого-нибудь, подмаживают договорчик - и все дела.
- А обратно? - спросил Сергей. - Обратно-то как?
- Естественно, вне очереди, - ответил Кирилл. - Тебе разве не объяснили? Они же подписывают договор на определенное время, не просто так! Еще и бабки за это получают.
- Кстати, Кир, сейчас ведь вообще никого нет, да? - спросил Валера с набитым ртом.
- Это тебе надо у Филина поинтересоваться, - ответил Кирилл. - Он у нас любит всех и вся учитывать. Я точно не знаю, но, по-моему, сейчас никого... Ну, Клима я не считаю... А когда их много-то было? Один-два, не больше.
- Нет, как-то было, - погрузился в воспоминания Валера. - Помните, года два назад мужики с гаражей чем-то отравились? Тут «заложников» тогда целая пачка шлалась.
- А-а, - кивнул Глеб. - Было дело, было. Ох, не любили их тогда... Ох, вони было!
- Кого не любили? - спросил Сергей. - Мужиков, которые отравились?
- И тех, и других, - махнул рукой Валера. - Одних не любили за то, что они выбрались из резервации, других - за то что они отняли у страждущих несколько будущих нечестностей. Нечестности, между прочим, в резервации - на вес золота.
- Ты, полиция, лучше объясни, - сказал Глеб, - чего это ты сегодня с радией?
- Он при исполнении, - заявил Валера, облизывая палец. - Служба днем и ночью. А почему без пушки?
- Какая пушка? - изумился Кирилл. - Какое исполнение? Вы что? Я же иду расслабиться! Я что, похож на идиота, который идет расслабиться и берет с собой оружие?
- Нет, - сказал Глеб, - ты похож на идиота, который идет расслабиться и берет с собой радию.
- У тебя что, дежурство сегодня? - спросил Валера, облизывая другой палец.
- Стал бы я на дежурстве пить!.. Филин дежурит.
- Тогда радия-то зачем, действительно? - не унимался Валера. - Ты ее раньше не брал, между прочим.
- Отвяжитесь вы с радией! - проворчал Кирилл. - А то перестреляю всех!
- Оружие не взял, - напомнил Глеб.
- Завтра перестреляю! - грозно парировал Кирилл. - А сегодня просто покусаю. Хватит, понимаешь, про радию!.. Сказано: так надо! И не приставайте к бедным полицейским.
- А... все равно, - Валера поправил сползающие к носу очки. - Вот ты тут сидишь, водку хлещешь, Барновский на печи лежит, а твой Филин один несет службу. Получается, что все замкнулось на одном человеке!
- Это ты к чему?
- А зашел твой Филин в «Мирок», да не вышел? А споткнулся, да не встал? А сердце прихватило? И вот вам голая беззащитная резервация. Ненадежно, однако.
- Да кончайте вы! - отмахнулся Кирилл. - Да, если хотите знать, Филин надежнее нас всех будет. И здоровье у него бычье. Не пьет, кстати, совсем.
- Как это возможно? - усомнился Глеб. - В резервации-то да не

пить? Сказки, господин омоневец.

- А в баре-то он в последнее время появляется! - сказал Валера многозначительно.
- Филин? В баре? - недоверчиво проговорил Кирилл. - Никогда не видел. Может, он к Баркову по делу ходит...
- Какие это у Филина могут быть дела с Барковым? - сказал Валера.
- Ну, не знаю, - сказал Кирилл и пожал плечами.
- Нет, мужики, за Виктора я спокоен! И Барновский, кстати, ему очень доверяет.
- Ну, это, положим, тоже оплошность, - заметил Глеб. - Доверять в резервации нельзя никому. По определению. За редкими, впрочем, исключениями.
- Нет, можно! - сказал Кирилл рьяно, - Я вот, например, Барновскому доверяю. И буду доверять, что бы мне кто не говорил. А если Петрович Филину доверяет...
- Ну вот, пошла транзитивная логика, - хохотнул Глеб. - Барновский доверяет Филину, Зеленин доверяет Барновскому, следовательно, Зеленин должен доверять Филину. Как бы боком потом не вышла такая всеобщая доверчивость.
- Да как же, по-твоему, тут тогда жить? - выпалил Кирилл. - Без доверия? Если никому не верить, как тогда?.. Объясни мне - как?
- Это ты мне объясни, - сказал Глеб. - Ты представитель власти - ты и объясни. Как вот мы тут умудряемся существовать?
- Мужики, а покажите Сереге Палыча, а? - воскликнул Кирилл.
- Палыча? - задумчиво поднял бровь Глеб. - Вообще-то это зрелище для подготовленного человека.
- А может, немного спуща? - сказал Валера. - Проснется еще... А водки немного, между прочим.
- Кто такой Палыч? - спросил Сергей.
- Короче сказать, - произнес весело Кирилл, - Палыч - это их домовый.
- Это точно, - немедленно согласился Валера. - Да объясни ты человеку в научных терминах.
- Как я могу объяснить то, что еще наукой не изучено, да еще в научных терминах? - сказал Глеб.
- А если еще по одной? - сказал Валера и осмотрел пустую бутылку.
- Тогда можно попытаться, - сказал Глеб. - Неси.
Валера выскочил из комнаты на кухню и через некоторое время вернулся с новой бутылкой. Глеб ваял ее у него из рук и с вздохом скрывался.
- Ты откуда ее принес? - нахмурившись, спросил он. - Почему не охлажденная, а? В чем дело, дневальный?!

- Ну вот, началось, - пробурчал Валера, бегая глазами по сторонам.
- Водке положено быть охлажденной, - сердито сказал Глеб, поднимая вверх палец. - Сергей может подумать, будто мы всегда пьем водку в таком неподобающе теплом виде. Нет, Сергей! - решительно заявил он. - Просто Серебряков сегодня облажался. Да, Валерий Васильевич? Облажался ведь? Зачем ты не всунул бутылку в холодильник? Вернее, зачем ты ее оттуда вынул?
- Будет, будет... - невозмутимо сказал Валера, подвигая к себе со всего стола банки. - Палыч потчевался вчера, забыл я ее обратно... Бывает. Ты, между прочим, совсем облаглел. Пепельницу снова не опорожнил... Некоторые сначала нагадят, а потом начинают требовать: водку ему, значит, со льдом!.. Виски ему, е-мое, с содовой!.. Ты разливай, в конце-то концов!.. - недовольно прорычал Валера. - Десять минут уже держишься. Чего вцепился?

Глеб, докая сокрушенно языком, разлил. Они выпили.
- И все-таки, Кир, - сказал Валера, - не пойму я, зачем тебе радия?
- Все. Зациклился на радии, - сокрушенно констатировал Глеб.
- Кир, скажи ты ему, что ты на дежурстве, а то не уймется ведь! Он уж от волнения опять все сожрал! А ну прекрати пихать провиант себе во чрево! - рывкнул он на Валера. - Как потом его оттуда прикажете доставать?
- Да пошел ты... - отмахнулся Валера. - Мне вот просто интересно, на кой ляд ему радия? Тебе не интересно - можешь покинуть помещение.
- А может, это военная тайна, - усмехнулся Глеб.
- Господи, какая военная тайна?.. - поморщился Кирилл. - На всякий случай. Есть проблемы... Барновский сказал «носи», ну и ношу.
- А в чем проблемы-то? - спросил Валера, поправляя очки.
- Обстановка в резервации в последнее время какая-то беспокойная, - ответил Кирилл. - Творится что-то непонятное.

- Ах да, ограбили кого-то две недели назад, - кивнул Валера. - Или три, не помню...

Кирилл покачал головой и вздохнул.

- Позавчера было новое ограбление, - сухо сказал он. - Тетку одну из бухгалтерии прямо у собственного подъезда обчистили. Поздно вечером. Рядом, естественно, никого не было. Как всегда...

- Она что, при себе много денег носила? - пожал плечами Валера.

- Это же глупо.

- Деньги здесь ни при чем, - ответил Кирилл. - Хотя и их тоже забрали. Фокус-покус в том, что с нее сняли все золото. Серьги с камушками и два кольца.

- Можно подумать, - заметил Глеб, - будто раньше в резервации не было ограблений.

- Почему же, - сказал Кирилл. - Были. Но не так часто. Два раза в год - это еще куда ни шло... А тут второе за месяц.

- Может, простое совпадение, - предположил Валера, не переставая усиленно работать челюстями.

- Слишком много совпадений, - хмуро проговорил Кирилл. - Наркотики эти дурацкие еще...

- Во-во! - сказал Глеб, поднимая вверх указательный палец. - Я что говорил?

- Что «во-во!» - отмахнулся Кирилл. - Что сразу «во-во»? Ну, проблемы, и что?.. Где их не бывает? Да, мне не нравится сегодняшняя ситуация. Но это не значит, что наступает конец света! Проблемы надо решать, и все.

- Что с оптимиста взять? - развел руками Глеб. - Меня удивляют в этом скандале с наркотиками только две вещи. Во-первых, почему они появились в резервации только сейчас? По моим представлениям это должно было случиться много раньше. А второе: почему ваш Барновский решил начать распутывать этот клубок в конторе? Это же смешно! Если пара наших засветилась с порошком, значит, надо искать его в конторе? Во логика! Скажи, Серебро, глупо же искать начало цепочки там, где находится ее конец?

- Это точно, - согласился Валера. - Не там начали.

- Погодите... - пробормотал Сергей. - Какие... э-э... такие наркотики?.. Вы о чем, собственно?..

Все уже начинало потихоньку плыть у него перед глазами.

- Я к этому отношения не имею, - сказал Кирилл, пожимая плечами.

- Барновский со мной не делился соображениями. Думаю, что с подачи Филина.

- Устроили шмон в приборах и в столах, идиоты, - сказал Глеб. - Был скандалчик. Филин ваш кого-то послал в конкретном направлении. А нарвись он не на Семкина, а на другого - получил бы по зубам.

- А вот это интересный вопрос, - произнес Валера. - На засыпку, Кир. Если дать представителю власти по зубам, на сколько розыгрышей могут отстранить? Что на этот счет в правилах сказано?

- Ничего не сказано, - проговорил Кирилл. - Не было таких случаев.

- Скоро, наверное, будут, - заверил Глеб. - А посему неплохо было бы определиться в этом отношении. Поднять этот вопрос на нынешнем собрании...

- Подними, подними... - невесело усмехнулся Кирилл. - На этом собрании еще не такие вопросы поднимут. И так тошно... Пропажки еще эти дурацкие...

- Какие пропажки? - тут же встрепенулся Валера.

- Да так... - попытался уклониться Кирилл и засопел.

- Ну-ка, ну-ка, Кир, - заинтересованно заговорил Валера и даже прекратил есть. - Ты что имеешь в виду? Про тех пропавших, что год назад исчезли? Или что-то другое?

- Может, замнем, а? - вяло проговорил Кирилл.

- Шиш! - твердо заявил Валера. - Слово не воробей.

- Вот вечно вы... - сказал Кирилл недовольным тоном. - Пристанут и выпытывают служебные тайны. Пользуетесь, гады, моей добротой.

- На то она и доброта, - изрек Глеб, - чтоб ею пользоваться. Что ей, любоваться, что ли?

- Вы ею злоупотребляете! - сказал Кирилл и стукнул кулаком по столу.

- Минуточку, - сказал Глеб. - Мы не злоупотребляем - мы доброупотребляем!

- Маевский, заткнись, а? - нетерпеливо бросил Валера. - А ты, Кир, колись давай, в конце-то концов! Знаешь ведь прекрасно, что дальше этой комнаты информация не уйдет.

- Да знаю, знаю... - проворчал Кирилл и вздохнул. - Короче, в резервации снова пропал человек. И опять - конторский. Из ваших.

- Да ну! - выпалил Валера.

- Вот тебе и ну, - сказал Кирилл хмуро.

- И опять без нарушения четности? - спросил Валера, возбуждаясь.

- Опять без нарушения, - ответил Кирилл. - Я не понимаю... Ведь больше года прошло, и снова то же самое! Петрович теперь с меня точно не слезет, Ищи, копей... И кражи на меня повесили, и это теперь еще...

- А как фамилия? - спросил Глеб.

- Котельникова, - буркнул Кирилл. - Двадцать пять лет. Инженер-конструктор.

- А что, она при таких же странных обстоятельствах исчезла? - поинтересовался Валера.

- Похоже на то, - ответил Кирилл. - И вообще, мне об этом Барновский только вчера сказал. Я даже в обстоятельствах дела еще не успел разобраться. Пропажу-то обнаружил на днях, после сверки...

- Ах, точно! - Валера хлопнул себя по лбу. - Сверка же была. Точно, точно... Система, однако, вырисовывается, - проговорил он многозначительно.

- Не знаю я, что там вырисовывается, - уныло сказал Кирилл, - только мне проблем на шею прибавилось. И вообще, хватит об этом! - неожиданно твердо заявил он. - Давайте сменим тему. Иначе открываю прицельный огонь! Чего пристали к бедным полицейским? Май, приказываю наливать!

Глеб беспреслововно налил. Валера заворчал недовольно и стал рассержено выкладывать на кусок хлеба содержимое всех банок подряд.

Они выпили и несколько минут молча закусывали. Сергею было уже совсем хорошо. В груди потепело и окружающее совсем не казалось таким мерклым, как вчера и даже сегодня утром. Ему было хорошо здесь, среди этих трюх. Даже просто сидеть и молча слушать, и медленно пьянеть, пьянеть... Все равно все будет хорошо, монотонно говорил ему кто-то внутри мягким успокаивающим голосом. Все будет нормально, все образуется. Да, тебе выпало испытание, но ты пройдешь его, обязательно выдержишь... Не забывай, что никакие испытания не длятся вечно, для них тоже есть предел.

И тогда возник кто-то второй, там же, в глубинах души, и тоже стал говорить. А вдруг этот предел настолько далек, что сливается с горизонтом, усомнился этот второй. Вдруг он не достижим, и это - навсегда? Всем известно, как заканчиваются любые испытания: или ты проходишь их, или проходит время. И если время вышло, а ты не успел, то ты проиграл. Но зачем же сдаваться раньше времени, парировал первый, зачем делать выводы заранее, зачем отступать без боя? Ты же всегда считал себя по натуре борцом, так в чем же дело? Будущее покажет, ведь все еще только начинается... И потом, разве это первое испытание в твоей жизни, разве ты до сих пор не справлялся с ними?

Да, это так, согласился второй, но только те испытания не могут сравниться с этим. Там хоть что-то зависело от тебя, а здесь ничего...

Правильно, ответил первый, а как же ты думаешь? Ты взрослеешь и мужаешь - неужели испытания должны оставаться прежними? Вся жизнь - игра, а чем дольше играешь, тем уровень сложности выше. Разве когда-нибудь было иначе?

Постой, но в любой игре тебе известно, чем все должно кончиться, сказал второй. Тебе известен финал, и поэтому ты знаешь, что нужно делать. Но здесь же все не так!

А разве тебе не надоело играть в такие игры, насмешливо спросил первый. Эка невидаль - игра с заранее известным финалом!.. И потом, почему ты убедил себя, будто тебе так уж плохо здесь? Вспомни истину, что жизнь есть лишь то, что мы сами думаем о ней. Разве это не так, ты же сам много раз на своей шкуре убеждался в этом... Но ведь до сих пор не было такой жуткой ситуации, робко заметил второй. Да чем же эта ситуация лучше или хуже других, удивился первый. И вообще, что такое «лучше», «хуже»?.. Ситуация просто другая. Настолько другая, что в какой-то степени даже интересна тебе, разве нет? Признаться, ты же всегда был отчасти романтиком, ты же никогда не любил однообразие, монотонность и предопределенность. Они же душили тебя, они отравляли тебе жизнь. Да ты просто оказался не готов к резкой перемене в твоей судьбе, но это же не означает, что перемена произошла к худшему? Ведь это лишь перемена, голая и лишённая оценок перемена. Только ты сам оцениваешь ее, только ты, не забывай об этом. Сейчас ты находишься всего лишь в нулевой точке, и самое важное еще предстоит. И потом, почему, собственно, ты решил, что от тебя здесь ничего не зависит, а?

Второй голос молчал, он то ли исчез совсем, то ли притих на время, и Сергею вдруг очень не захотелось, чтоб он заговорил снова. Ему было лучше с первым, ему с ним было спокойней. К черту, решительно сказал себе Сергей. Так просто я не сдамся, мы еще посмотрим!... От этого внутреннего восклицания он словно бы очнулся, вышел из прострации и опять оказался в комнате.

Видимо, он отключился больше чем на несколько минут, потому что в комнате было повсюду накурено. Глеб и Кирилл, слегка раскрасневшиеся, о чем-то спорили, размахивая сигаретами. Коренным образом сменить тему разговора, очевидно, не удалось, поскольку спорили о мэрии, принципах власти в резервации, опять же о полиции и выборах, которые уже совсем на носу. Валера молча откинулся на спинку дивана, и сигарета висела в самом уголке его рта. Очки у него, по обыкновению, немного сползли к носу.

- Я уж подумал, не уснул ли ты, - сказал Валера. - Ты так сидел, наклонившись над тарелкой, что было не понятно, спишь - не спишь...

- Да так, - проговорил Сергей. - Задумался слегка.

- Это бывает, - сказал Валера. - Не куришь?

Сергей отрицательно помотал головой.

- Тяжело тебе будет, - сообщил Валера. - Лучше кури.

В голове у Сергея уже начал клубиться туман. Голова была тяжелая-тяжелая, и он чувствовал, что если сейчас приляжет или откинется на спинку дивана, то отключится. Плеснув в стакан сока, он залпом его выпил.

- Ну, что набылся? - спросил его Кирилл. - Все в башке перепуталось, да?

- Есть немного, - кивнул Сергей.

- А... Ерунда... - махнул рукой Кирилл. - На самом деле все просто.

- Проще некуда... - мрачно усмехнулся Сергей. - Четность, нечетность... Плюс-Проход, минус-Проход... Запутался тут с вашей веселой арифметикой.

- А ты, Сергей, здесь поосторожней с арифметикой, - назидательно сказал Глеб, потрясая указательным пальцем. - Тут у нас, знаете ли, плюсы и минусы имеют очень даже практическое применение. Этого, знаете ли, абстрактной науке даже и не снилось.

- Это я уже понял, - пробормотал Сергей. - Вы мне лучше вот что скажите... Стало быть, вы смертников завозите, да?

- Это не мы, между прочим, - тут же сказал Валера. - Мария этим заведует, Кравец энд компани.

- А вот если он жить останется?! - с напором спросил Сергей.

- Кто-нибудь из них, а? Живет себе и живет. И помирать не собирается...

- Да, бывало и такое... - сказал Валера. - Совершенных систем не существует.

- С точки зрения цинизма, - изрек Глеб, - это плохо. Гроша ломаного не стоит такая плюс-нечетность, которая не влечет за собой минусовую.

- Да, конечно... - закивал головой Сергей, вспомнив Кравца. - «И жизнь твоя и смерть твоя принадлежат обществу»... Как же!

Часть третья. ТЕНИ В СУМЕРКАХ

Ветер постепенно оттащил облачко в сторону, и солнце стало бить прямо в глаза. Сергею это очень не понравилось. Он в очередной раз выглянул из кабины. Суэта возле транспортера продолжалась. Кроме рассерженной Федоткиной, скучающего Володи Лобана и недовольных грузчиков в компании появился Барновский и, неизвестно почему, заведующая столовой. По всей видимости, с оформлением груза произошла очередная накладка, и назревало разбирательство. Толпа шумела и размахивала руками. Водитель прибывшего грузовика на том конце транспортера тоже был крайне недоволен. Он не был виновен в накладке, быть крайним ему очень не хотелось, и поэтому он принимал активное участие в происходящем скандале, размахивал какими-то листками, как мог вносил свою лепту во всеобщий шум и гам. Пару раз включали транспортер, чтобы передать бумаги, потом грузчики, махнув рукой и предоставив начальству возможность разбираться, ушли в будку играть в домино. Волынка грозила затянуться надолго.

- Да, господин вновь прибывший, - сказал Глеб. - На смерти основана вся жизнь в резервации! На смерти!

- А есть еще и человеческий взгляд, Май! - вдруг выпалил Кирилл.

- Ну, выжил «смертник» - и слава богу. Все-таки он - сначала человек, а потом уже - халаяская нечетность!

- В резервации гуманистические воззрения не пользуются популярностью, - заметил Глеб. - Здесь популярны законы Ома. Все говорят только о плюсах и минусах. Самому Майклу Фарадею не снилось такое повальное увлечение физикой среди населения.

- Обычно если Маевский начинает видеть мир в циничном свете, - пропыхтел Кирилл, - это значит, что он доходит до кондиции.

И они снова выпили. Через некоторое время Сергея неумолимо повело. Потом был провал в памяти, и Сергей обнаружил себя уже в ванной комнате. Он ополаскивал лицо холодной водой, затем сидел на краю ванны, упершись в нее широко расставленными руками. Рядом стоял Валера и что-то беспрерывно и возбужденно говорил. Затем появился Кирилл и, гудя, выволок обоих в коридор. Шатало Сергея здорово, взгляд не фокусировался на предметах, а в голове стоял монотонный гул. То ли в это ж время, то ли потом, уже позже, они с Кириллом стояли перед кухней и Сергей, схватившись за его плечо, оспешим голосом твердил: «Я вырвусь отсюда! Я все равно отсюда вырвусь, Кирилл!...» Рядом, пошатываясь, стоял Глеб и все время бормотал: «Куда это сунул сигареты?..» Сергей пытался заглянуть Кириллу в глаза, словно хотел увидеть в них подтверждение своим словам. Он тряс его за руку и все повторял, стиснув зубы: «Все равно вырвусь... Ну, скажи, не молчи!.. Ведь вырвусь?!» Но Кирилл почему-то отводил взгляд в сторону, кусал губы и нервно спрашивал Глеба: «Ну, ты дашь мне сигарету, наконец?». А Глеб все моргал, шатался, не переставал себя ощущивать и спрашивать: «Сунул ведь куда-то, трах-тарарах...» «Я не муха, понимаете!..» - отчаянно рычал Сергей. «Ты успокойся, - говорил ему Кирилл. - Все через это проходят. Привыкнешь». «Это катарсис, - потрясая пальцем, значительно изрек Глеб. - Или катехизис... В общем, очищение через потрясение. Во!..» «Иди ты со своим ках... зах... тьфу! - отмахнулся Кирилл. - Ему просто надо привыкнуть... Слушайте, а чего мы все в предбаннике столпились?..» Потом снова следовал провал в памяти, а за ним - последняя картинка этого дня, которую Сергей помнил.

Он стоял совершенно один на неосвещенной кухне, прижавшись лбом к прохладному оконному стеклу. Компания гомонила за стенкой в комнате. Он понятия не имел о времени, но, по всей видимости, было уже довольно поздно, поскольку на улице дарилась темень, а горящих окон в домах напротив было немного. Сергей монотонно, словно заведенный, шептал: «Я вырвусь... все равно вырвусь...», и заворочено смотрел на окна. Эти окна, как и эти дома, и уличные фонари, и черные неосвещенные тротуары с мусорными урнами были уже из другого мира. Все расплывалось у него перед глазами, окна медленно теряли свои очертания, постепенно превращаясь в причудливые огни, напоминавшие звезды на ночном безоблачном небе. И словно звезды, дразнящие своей обманчивой близостью, они были так безнадежно и так недоступно далеки, что становились от этого еще более желанными.

Скажу я тебе, мы - странные животные.
Нас унесло в сторону, но в своем безумии
мы
уверили себя, что все понимаем правильно.

Карлос Кастанеда. «Сказки о силе»

Сергею надоело щуриться от солнца, он вышел из машины и направился к забору, в тень. Там он сел на холодный бетонный бордюр и прислонился спиной к редкой дощатой ограде. Тотчас же от толпы отделилась высокая, длиннорукая и рыжеволосая фигура Володи и вразвалку приблизилась к Сергею.

- Привет, таможня, - сказал Сергей. - Дашь добро?

- С ними дашь, - махнул рукой Володя. - Заколебали, бюрократы... Тьфу ты! - воскликнул он. - Опять забыл: ты ж не куришь! Я-то думал, угощусь дивильной сигареткой. У грузил сроду приличного курева не бывает.

- И чего это тебя в последние дни на такие досмотры запягают? - понтересовался Сергей. - Вроде, грузы не почтовые...

- Ой, Серега, не сыпь мне соль на раны, - сокрушенно сказал Володя. - Мы ж люди маленькие. Мне шеф сказал - я исполняю. Утром знаешь, какая почта была, о-го-го! Вспотел даже - столько посылок!.. И Федоткина сегодня тоже как ужаленная носится. Попала

какая-то вожжа под хвост... Сейчас вон сюда всю марию сгонят! Сиди теперь, загорай, пока они выясняют отношения. Потом еще в консервах этих идиотских да в носках копайся. Чего уж они там хотят найти, не знаю. Сами с бумагами как положено не могут разобраться, а туда же лезут, сыщики несчастные...

Мимо них быстрым шагом к собравшимся прошли Нефедов с очень недовольным выражением лица и сумрачный Филин с неизменной «беломориной» во рту.

- Ну, все... - ворчал Володя. - Груз принять не могут, а! Как первый раз замужем...

Сергей откинул назад голову и прикрыл глаза. Он был бы даже не прочь вздремнуть - минувшая ночь оказалась почему-то беспокойная. Опять снилась всяческая чушь. Он помнил лишь сцену, где присутствовали многие и многие: друзья, родители, жена и дочь, сослуживцы... Все поздравляли его с благополучным исходом из резервации, все наперебой хлопали его по разным местам и наперебой говорили всякие приятные вещи, а он все время ощущал себя не в своей тарелке. Что-то мешало его счастью, чувствовалась какая-то непонятная натянутость, кто-то мерзко и злорадно хихикал где-то глубоко внутри, и Сергей никак не мог понять, в чем дело. И только случайно подойдя к зеркалу, он с ужасом отшатнулся. Вместо привычного изображения он увидел в нем ухмыляющегося и взлохмаченного Яшку Кононова в засаленной телогрейке...

Минуту спустя включился транспортер. Шумная толпа вокруг него стала постепенно рассасываться, и скоро восстановился обычный рабочий ритм, к которому Сергей уже успел привыкнуть. Он посидел у забора еще некоторое время, после чего вернулся в машину - ожидать окончания погрузки.

На глаза попался Артем. Он увидел его на той стороне дороги, в тени заброшенной автобусной остановки. Парнишка был в своей вязаной шапочке. Он бродил вдоль дороги и чертил в пыли какие-то фигуры. Иногда он совершал странные скачки в сторону и при этом смежно взмахивал руками. Сергей уже привык к тому, что Артема можно было встретить в самых разных уголках резервации в самое разное время. На эти обстоятельства здесь никто не обращал внимания, Артем давно уже стал неким символом резервации и ее неизменным атрибутом.

Через пятнадцать минут погрузка закончилась, Сергею сунули в кабину бумаги, и он поехал к промтоварному магазину. Очевидно, обитатели его уже отчаялись дожидаться товара, потому что пришлось несколько раз посигналить, дабы привлечь к себе внимание.

Из магазина вышел вечно помятый и вечно недовольный грузчик Витек, под два метра ростом, и стал ставить в двери распорки. При этом он не преминул поворчать в плане того, что, дескать, еще бы на ночь глядя привезли... «Давай не бухти, - дружелюбно сказал ему Сергей. - Работай, негр, пока солнце еще высоко». Витек уковылял открывать дверцу машины, а из магазина вышла светловолосая продавщица. О ней Сергей знал лишь то, что она обладала редким именем Тина и, в отличие от подавляющего числа женщин в резервации, хоть изредка, но бывала в компании с подругами в заведении Баркова. Сергей, как обычно, поздоровался с ней и протянул бумаги. Она забрала их и, как показалось ему, хотела что-то сказать, но потом передумала, какое-то время постояла, прикрыв глаза и подставив солнцу лицо, и затем исчезла в глубине магазина. Сергей навалился на руль и зевнул. Лечь сегодня, что ли, пораньше, подумал он. Черта с два получится с этими обормонтами...

На этот раз Витек управился с коробками довольно быстро. Времени было уже четыре часа. Сергей развернулся и поехал к марию ставить машину на прикол.

У входа в марию он увидел Филина в компании с местным водителем мусоровоза по имени Клим. Этот тип был высок, худощав, немногословен и почему-то всегда небрит. При разговоре Клим постоянно щурился, отчего никогда нельзя было разглядеть выражение его глаз. Ходил он постоянно в коротких кирзовых сапогах с загнутыми голенищами, поскольку работа его была связана с мусором и свалкой, что находилась в самом северо-западном углу резервации, за пустырем, перед железной дорогой. Насколько Сергей уже успел понять, в резервации Клима недолюбливали и практически никто с ним не общался. Сейчас они о чем-то негромко переговаривались с Филиным. Мусоровоз Клима стоял тут же неподалеку.

Сергей заглушил двигатель и вышел из машины. Филин махнул рукой, и Клим, сплунув под ноги, побрел к своей машине, пиная по пути камешки. Попутно вытащив из нагрудного кармана портсигар, Филин

неторопливо приблизился к Сергею.

- Как работается? - спросил Филин бесцветным тоном, словно это его ничуть не интересовало, и спросил он лишь, чтоб с чего-то начать.

- Ничего работается, - ответил Сергей, ловя на себе колющий испытывающий взгляд.

Впрочем, Филин быстро отвел глаза и стал прикуривать. Сейчас еще что-нибудь спросит, подумал Сергей с неприязнью.

- Хотелось бы узнать... - произнес Филин, пыхнув едким облаком «беломора», умолк, глубоко затаился и выпустил дым через нос.

- Узнай, если хочется, - ответил Сергей бесстрастно.

- Хотелось бы узнать, - повторил Филин, кашлянув, - какие ты имел контакты с нашей конторой раньше?

- С какой «вашей конторой»?

- Не придуривайся. С Когановской конторой.

- Какие имел контакты? - переспросил Сергей.

- Да, - сказал Филин. - Кого из конторских ты знал до того, как попал в резервацию? Хотелось бы узнать.

- Так ты же спрашивал уже меня об этом, - сказал Сергей. - А я отвечаю.

- М-да?... - проговорил Филин, кусая ус. - Ну, не знаю... Может, и спрашивал... Забыл, значит.

- Виктор, - сказал Сергей, - чего это ты так много внимания уделяешь моей персоне?

Филин криво ухмыльнулся.

- Не принимай на счет своей персоны слишком много, - произнес он, щурясь от дыма. - Что ты за птица такая, чтоб тебе уделять больше внимания, чем другим?

- Вот и я хотел бы знать. Мне кажется, что ты ко мне относишься как-то... ну, настороженно, что ли...

- М-да? - снова выдавил Филин. - Мало ли, кому что может показаться. Бывают люди чересчур мнительные и впечатлительные, что тут сделаешь?... Есть от этого одно хорошее средство. Знаешь, какое?

Сергей промолчал, и Филин продолжил, глядя куда-то в сторону:

- Каждый должен заниматься тем, чем ему положено. И не лезть со своим уставом в чужой монастырь.

- Я и занимаюсь своим делом, - холодно сказал Сергей.

- Ну-ну... - сказал Филин. - Давай занимайся... А мы посмотрим.

- И никогда не был мнительным, кстати. А насчет устава... - проговорил Сергей, нахмурясь. - Я что, разве здесь какие-то права качаю? Ты меня можешь в чем-то упрекнуть?

- К примеру, в том, - сказал Филин сухо, - что ты до сих пор не оформил расписку в отделе особого назначения.

- Что-что? - удивился Сергей. - Первый раз слышу. Какую еще расписку?

- Это тебе пусть Кравец объяснит, - проговорил Филин отрывисто.

- Хорошо, я к нему зайду и узнаю, - сказал Сергей. - Я все равно собирался...

- Что-то долго собирался, - заметил Филин и снова кашлянул.

- Сейчас зайду и разберусь, - сказал Сергей. - Счастливо оставаться.

Он пересек площадку и стал подниматься по ступеням.

Кравец Сергей застал за перебором груды папок на своем столе. Очки лежали среди вороха бумаг, а вид у него был усталый.

- А-а, появились, - на лице Кравца мелькнула улыбка. - Проходите, молодой человек. Ну, как адаптация? Вид у вас сегодня не такой мрачный, как в первый день. Сколько вы уже в резервации?

- Сегодня ровно две недели, - ответил Сергей. - Привыкаю потихоньку. Владимир Николаевич, есть некоторые неясности. От Филина я сейчас узнал о какой-то расписке, которую не дал. Вы ничего в прошлый раз не сказали...

- Ах, это... - поспешно сказал Кравец. - Я просто забыл или не успел. Нас, кажется, тогда прервали... Это обычная формальность. Погодите, я найду бланк...

Он полез куда-то в стол, порылся и извлек на свет листочек бумаги размером с тетрадный.

- Вот она, - сказал он, надевая на нос очки. - Ничего особенного. Я, такой-то, с правилами распорядка проживания на территории резервации ознакомлен. Обязуюсь их соблюдать и так далее... Вот возьмите, - Он протянул расписку Сергею. - Внизу подпись... У нас каждый дает такую расписку. Ну, знаете, на всякий случай, мало ли что. Обычная перестраховка. Понимаете, эти расписки возникали раньше, чем решили ввести анкеты. Формально-то их не отменили, а смысла в них практически нет.

- Значит, проблема не стоит выеденного яйца, - проговорил Сергей.
- Чего же он тогда так за это уцепился?

- Кто? - не понял Кравец.

- Да Филин, - ответил Сергей задумчиво.

- Не обращайтесь внимания, - посоветовал Кравец. - Филин любит придирается.

Сергей взял со стола ручку и поставил на листке подпись.

- Хочу еще уточнить некоторые детали, - сказал Сергей. - Так сказать, из первоисточника.

- Пожалуйста.

- Например, как часто проводятся розыгрыши?

- Вообще-то это не розыгрыши, - улыбнувшись, заметил Кравец. -

Мы же не призы разыгрываем, как вы понимаете. Это в обиходе их «розыгрышами» окрестили. Официально они называются «жеребьевками». Вы спросили, как часто мы их проводим? Другими словами, вы хотите оценить свой шанс, так?

- Да, - сказал Сергей. - Просто хочется иметь полную картину.

- Ситуация выглядит следующим образом, - проговорил Кравец. - Никакого специального графика жеребьевок нет. Каждую жеребьевку мы проводим сразу после того, как произойдет исход из резервации очередного человека. То есть следующий человек определяется заблаговременно, чтоб не делать это в спешке. Потом он просто ждет своего часа.

- Мне говорили, что такой человек не один... То есть, я хочу сказать: вы готовите нескольких сразу?

- Обычно их два-три. Буфер кандидатов, так сказать. По той же самой причине: перестраховка от всякого рода неожиданностей. Получается, что ближайшие два-три исхода всегда определены. Теперь что касается вероятности. Сразу скажу, что шанс при жеребьевке крайне мал.

- Один к тремстам двенадцати, насколько я понимаю.

- Почему? - удивленно спросил Кравец.

- Ну, вы же присвоили мне номер триста двенадцать...

- Дело в том, что у нас сквозная нумерация, - пояснил он. - Даже если человек выбывает, его регистрационный номер никому впоследствии не назначается. Для облегчения учета. На сегодняшний день в резервации имеют право на выход двести шестьдесят два человека, включая вас. Так что ваша вероятность несколько выше. Впрочем, это тоже негусто.

- Но все равно же есть какой-то средний показатель того, как часто люди покидают резервацию?

- Конечно, есть. Ну вот, смотрите... «Смертники», как их все называют, к нам попадают в среднем - один человек в два месяца. Сколько времени проживет «смертник» - тоже вопрос открытый... За последний год, скажем, было шесть «смертников», в прошлом - семь... Так как каждый из них дает две нечетности, плюсовую и минусовую, то в год у нас происходит в среднем около пятнадцати исходов. Вот и считайте.

Сергей на минуту задумался.

- Если пятнадцать человек в год, - проговорил он, прикинув, - то получается что-то в районе семнадцати лет. Значит, я смогу выйти отсюда через семнадцать лет?

- Ну, если вам будет хронически не везти в жеребьевках, то да, - сказал Кравец. - А не исключено, что вам повезет уже в на следующей жеребьевке. Тогда всего несколько месяцев.

- Мне никогда не везло ни в каких лотереях, - произнес Сергей хмуро. - Так что на этот счет я не обольщаюсь.

- Всего за все время существования резервации ее покинуло сорок три человека, - подытожил Кравец. - Вот такая статистика. - Он отвернулся к окну и продолжил, глядя на улицу:

- К сожалению, мы никак не можем увеличить число исходов. И эти-то «смертники» с такими усилиями достаются... Спасибо, что еще городские власти помогают. Почти со всеми больницами города работаем непрерывно. Но выше головы не прыгнешь. Дело это добровольное и чрезвычайно щепетильное. Никого же насильно не заставляешь умирать именно здесь. Я вообще иногда удивляюсь, как там снаружи агенты еще умудряются уговорить этих одиноких бабушек и дедушек ехать сюда и отдать свою смерть на благо другим. Значит, мир все же не без добрых людей...

- А не одинокие? - спросил Сергей. - Они не соглашаются?

- Это бывает исключительно редко, - ответил Кравец. - Сами посудите: если у умирающего есть родня, зачем ей такие проблемы? Если и бываю такие случаи, то только за определенные деньги. - Он отвернулся от окна и поймал удивленный взгляд Сергея. - А вы как

думали? И деньги, между прочим, немалые. Хорошо хоть, они идут из городской казны, а не за наш счет... Я могу посоветовать вам, молодой человек, только одну-единственную вещь, - добавил Кравец, снял очки и устало помассировал веки. - Сами ищите «смертника». По нашим правилам, если вы находите такого, то одна ступень принадлежит вам, а вторая - власти, и идет, так сказать, в общий фонд.

- Не понял, - сказал Сергей. - Какая еще ступень?

- Имеется в виду плюс- или минус-нечетность, - пояснил Кравец.

- Вы сами решаете, какой из нечетностей вам воспользоваться, а вторая остается в распоряжении резервации и идет на жеребьевки.

- Где же его найдешь? - пробормотал Сергей. - Этого «смертника»...

- Ну, вы помните в анкете вопросы о тяжелобольных родственниках и так далее? - Кравец глянул на него пристально. - Думайте сами. Тут уж нет никаких готовых рецептов.

- Да нет у меня, слава богу, никаких тяжелобольных... И живу я отсюда далеко. О, боже, - выдохнул Сергей. - И что, есть такие прецеденты?

- Бывали, - кивнул Кравец. - А что поделаешь? Это один из выходов. Больше ничего вам предложить не могу. Про льготы вы уже знаете? - спросил он.

- Что вы имеете в виду?

- Право на первоочередной исход.

- Слышал в общих чертах... Но лучше напомните.

- Человек имеет первоочередное право покинуть резервацию в следующих случаях. Первое: если его жизни или здоровью угрожает серьезная опасность; второе: если он находится в резервации по договору временного пребывания; третье: если он имел законную возможность покинуть резервацию ранее, но по каким-либо причинам ею не воспользовался. Раньше льгота распространялась еще на одиноких детей, которые оказались здесь без родителей, но теперь таких уже нет. Нам повезло: их оказалось немного и мы переправили их наружу в первую очередь, как только представилась возможность.

- Владимир Николаевич, а откуда вы берете «временщиков»? - поинтересовался Сергей.

- Городские власти помогают, - ответил Кравец. - Куда мы вообще без помощи города денемся? Они ищут. Бывает, что сами находят. Приходят и предлагают свои, так сказать, услуги. Но вы же понимаете, какой это, в основном, контингент? По сути, это люди, которые хотят заработать, ничего не делая. Мы стараемся их услугами пользоваться в исключительных случаях. Когда уж сильно прижмет, допустим, по медицинской части. Вы же понимаете, что это за собой влечет. Право на первоочередной исход, который он как бы отнимает у людей. Вы, может быть, уже знаете, что их в резервации не очень-то любят. Кстати, редко, но были случаи, когда «временщик» после истечения срока оставался в резервации.

- Даже так? - удивился Сергей. - Первый раз слышу.

- И тем не менее такие случаи имели место быть.

- Но ведь бесплатное питание и прочее по истечении срока договора отменяются?

- Разумеется, - кивнул Кравец. - Вы знаете нашего мусорщика Шаповалова?

- Клима?

- Пожалуйста, живой пример. Бывший «заложник». Передумал возвращаться обратно, устроился на работу здесь и уже два года живет. Хотя право на первоочередной исход за ним сохранилось. Он в любой момент может прийти и потребовать, чтобы его вернули. И мы вернем.

- Забавно, - проговорил Сергей задумчиво. - Чем же его прельстила резервация?

- В чужую душу не залезешь, - сказал Кравец и сделал паузу. - Ну, что? Есть еще какие-нибудь вопросы?

- Вроде бы, нет, - ответил Сергей и поднялся со стула.

- Кстати, я должен вас официально предупредить о следующем, - сказал Кравец. - Согласно нашего распорядка, если вам каким-то образом станет известно о возникновении в резервации незапланированной нечетности или угрозе ее возникновения, вы обязаны незамедлительно сообщить об этом мне, мэру или начальнику полиции. Запомните! Только этим трем лицам - больше никому! Информация такого рода, как вы должны понимать, является сугубо конфиденциальной. Не забывайте, что здесь не существует чьей-то частной смерти.

- Это я уже уяснил, - невесело сказал Сергей. - Только что вы понимаете под угрозой возникновения незапланированной нечетности? В переводе на нормальный язык, это если кто-то захочет покончить с

собой тайком от всех?

- Не обязательно покончить, - сказал невозмутимо Кравец. - Может, кто-то просто пытается скрыть какую-то информацию, которая не принадлежит только ему. Понимаете о чем я говорю? Не обязательно сразу же слеза бежать, достаточно позвонить и сообщить. И главное, не принимать самостоятельных решений. Теперь ясно?

- Пожалуй, да, - сказал Сергей. - Я это учту.

- Ну, тогда счастливо, - сказал Кравец. - Желаю вам удачи. Если возникнут вопросы, заходите.

Дым в «Мирке», как всегда, стоял столбом. Сергей прошел к стойке, сделав рукой приветственный жест Баркову.

- Чего изволите? - поинтересовался тот, привычно улыбаясь в бороду.

- Плесни кофейку, - сказал Сергей, - если есть, конечно.

- И все? - удивленно сказал Барков. - А кушать не станете разве?

- Ну, дай какой-нибудь бутерброд, - сказал Сергей, зная, что Барков все равно уговорит.

Аппетит, на который Сергей в последние дни не жаловался, сегодня почему-то опять улетучился. Впасть в меланхолию совершенно не хотелось. Как бы себе так приказать не впасть, подумал Сергей и поглядел через плечо на столы в баре. За одним из столиков сидела женская компания. Среди женщин он заметил Тину, и в тот момент, когда он взглянул на нее, ему показалось, будто она отвела взгляд.

- Ты чего опять кислый, братец? - спросил Барков, подвигая к нему блюдо с бутербродом и чашечку с кофе. - Видишь, у меня сегодня дамы. Иди давай к ним.

- Не обращай на меня внимания, - сказал Сергей, взяв чашку и сделав глоток. - Это у меня ненадолго.

- Есть причины? - спросил Барков. - Будем устранять.

- Да, в общем-то, причин нет... Так... Скоро пройдет.

- Значит, плохо работаешь над собой. Тщательнее надо, братец.

- У тебя будет сегодня пожар? - с деланным недовольством спросил Сергей и взял с блюда бутерброд. - Не переводит разговор в ненужное русло... Бутерброд-то короткий. Быстро кончится.

- Это другое дело, - удовлетворенно произнес Барков, - Такое русло Барков любит! Пятнадцать минут - и дело в шляпе. Нина уже поставила в духовку.

- И чего же она поставила?

- Чего поставила, то и будешь жрать, - заверил Барков. - Все равно не пожалеешь. Еще не было случая, чтобы у Баркова кто-нибудь о чем-нибудь пожалел!

- Немного саморекламы никогда не повредит, - заметил Сергей и откусил половину бутерброда.

- Никогда, - согласился Барков, - Так... Если ты не идешь к дамам, то дамы идут к тебе... Привет, красавица.

У стойки возникла Тина.

- Виделись как будто бы, - сказала она, усмехаясь.

- Это я чтоб разговор завязать, - сказал Барков.

Лицо у Тины было немного раскрасневшееся и возбужденное. Она сдула со лба волосы, мимолетно оглядывая Сергея.

- Ты лучше вина еще бутылку открой, - сказала она.

- О чем разговор, - проговорил Барков, - Сделаем, Тина. Сергей что-то тебя спросить хочет, - он еле заметно подмигнул Сергею.

- Да? - сказала она, повернув к нему голову. Глаза у нее были голубые-голубые, а губы - тонкие и упрямые. - О чем же?

Рука Сергея с чашкой замерла возле рта. Барков ехидно посмеивался в усы, вытирая бутылку вина от пыли. Тина излучающе глядела на Сергея, поджав губы, а он оказался почему-то совсем не готов. Кусок пришлось срочно проглотить, не дожевав.

- Погоды нынче, в-э... - протянул Сергей, - стоят нестабильные... Резко... мнэ-э... континентальные. Не находите?

- Не искала, по правде говоря, - сказала Тина.

- Напрасно, - сказал Сергей. - Кто ищет, тот всегда найдет. А что новенького сегодня снаружи прислали?

- Не знаю, мы еще не разбирали, - ответила она. - Сам же на ночь глядя привез! И вообще, не надо про работу. Скучно.

- Вот что братцы, - произнес Барков, - Смотрю я на вас, смотрю... Мне кажется, вы друг другу подходите. Советую над этим подумать.

- Бутылку-то давай, - сказала Тина. - А то девки уже сигналият.

- Забирай и бутылку, и Серегу, - сказал Барков, снова подмигивая Сергею. - Парень, что надо. Свежак! Смотри, Тина, уйдет ведь товар, не залежится!..

- Да перестань ты... - вставил Сергей, хотя это было совершенно бесполезно.

- Надеюсь, он не скоропортящийся? - спросила Тина насмешливо.

- Нет, что ты! - всплеснул руками Барков. - Но ты учти, что нет в мире ничего вечного. И у каждого товара есть свои сроки годности. Не мне тебе говорить, Тина.

- Учту, - произнесла она, улыбнувшись.

Барков откупорил бутылку и выставил ее на стойку. Тина взяла ее, задержала на несколько секунд взгляд на Сергее, затем пошла обратно к своему столику.

- Ты подумай, подумай! - крикнул ей вслед Барков. - Только недолго!..

Сергей покачал головой и допил кофе.

- Не переживай, тезка, - доверительно сказал Барков, - Я этот вопрос еще поработаю. Сделаем в лучшем виде.

- Ты лучше сделай то, что у тебя там в духовке, - сказал Сергей. - Похоже, аппетит возвращается. Что ты добавляешь в кофе, злодей?

- Секрет фирмы, - таинственно проговорил Барков. - Между прочим, я ведь не шучу насчет Тины. Тебе необходимо к кому-то прислониться, пойми. - Тон у Баркова стал серьезным. - Я по себе знаю, как тяжело быть неприкаянному. Друзья - друзьями, а женщина - это другое. Я настоятельно советую, Серега, прислонись - легче будет. Всю жизнь к сестричкам Голубевым не побегаешь. Да и зачем тебе нужны места общественного пользования, скажи-ка? К тому же слухи бродят, будто кто-то из чиновников на наших сестер бочку стал катить. Кто-то в мариин, видать, на них большой зуб имеет...

- Свято место пусто не бывает, - заметил Сергей.

- Так-то оно так, - согласился Барков. - Только ты все же прислушайся к моему совету. Ты же знаешь, что Барков просто так не посоветует.

- Стало быть, обзавестись семьей, - сказал Сергей с вздохом, - наплодить детей, отрастить живот... Да?

- Ну, детей в резервации не наплодишь - это ж под страхом смертной казни.

- Да это я образно. Пузо, подтяжки, домашние шлепанцы... И ранняя мизантропия. Идиллия - ничего не скажешь.

- Я сам прошел этот путь. Глянь на меня, я вполне доволен и даже не рвусь на волю. Понимаешь, мне неплохо в резервации! Ну, подумаешь, свобода передвижения ограничена... А ты вспомни Робинзона Крузо! Ему было значительно хуже, но и то он обрел свое душевное спокойствие. Двадцать восемь лет, кажется, куковал, да? Главное найти свой смысл жизни в новых условиях, Серега. Не бороться с ними, а перестроиться под них.

- А как же быть с прошлым? - спросил Сергей, - Оно, как известно, и составляет личность человека. Предлагаешь его забыть?

- Прошлое? - сказал Барков, и по его лицу пробежала тень. - Если это необходимо, то забыть. Почему бы и нет? А ты найди в себе силы родиться заново! Конечно, это непросто... Но ты докажи всем назло, что это возможно!

- Разве это нужно, - сказал Сергей с сомнением, - кому-то что-то доказывать? Тем более назло.

- Тогда докажи себе, - не унимался Барков. - Самому себе, в конце концов!.. - Он ненадолго умолк, задумавшись, и почесал бороду. - Возьми, к примеру, меня. Несколько лет назад я сказал себе: начини с нуля и докажи, что ты что-то можешь! Здесь не было ничего... Ни черта тут не было! Этот бар я, как ребенка, лелеял и выращивал вместе с Ниной. Вот этими руками... Я сам его придумал и сам создал. И покажи мне в резервации хоть одного, кто был бы этим недоволен! Ты думаешь, это было легко? Нет, Серега, мы с Ниной пахали, как пчелки! И ничего у нас с ней не было, кроме голого энтузиазма. Ничегошеньки! Зато все эти годы мы были заняты и никогда не думали о тяжелой участи, не питали иллюзий относительно будущего. Времени просто на это не было. И сейчас я ни о чем не жалею. Наоборот, все больше идей в голову приходит... - Он с хозяйским видом оглядел бар. - Хочу я все-таки световое оформление здесь сделать. Как-никак, в конце двадцатого века живем... После перевыборов начну мэра обрабатывать насчет денег. Сейчас, перед выборами, бесполезно... Они там, в мариин, все как ненормальные носятся... Но потом я все равно добыюсь, тезка. Если уж Барков что-нибудь удумал, он не утомонится, пока не сделает. Ладно, - спохватился он. - Пойду, гляну, как там у Нины дела.

- Налей еще кофе, - попросил Сергей.

Барков поспешно сделал ему новую порцию кофе, посоветовал мужественно потерпеть еще минут десять и исчез.

Сергей, слушая музыку, мелкими глотками пил кофе. Несмотря на то, что был уже шестой час, Кирилл не появлялся. Возник Барков с готовой выпечкой, и в баре возбужденно загудели. Народ потянулся к стойке. Сергей взял пару пышущих жаром и ароматно пахнущих пирожков и ушел вглубь зала, к стойке возле окна. Пирожки были очень горячие, аромат разжигал аппетит, но так просто к ним было не подступиться. Тем не менее к половине шестого с пирожками все-таки было покончено. Кирилл по-прежнему не было. Это было несколько странно и совсем не походило на него. В легком недоумении Сергей покинул бар и пошел к Кириллу домой.

Кирилл оказался дома, но был крайне задумчив и хмур. Он даже не снял свою униформу. Словно лев в клетке, он расхаживал по комнате и остервенело грыз кончик фломастера. Какие-то бумаги были разбросаны по его письменному столу. Сергей бухнулся на диван и уставился на Кирилла, который чисто машинально поздоровался с ним, не выходя из своих размышлений.

- Кир, ты чего? - спросил Сергей.

Кирилл не ответил - он остановился посреди комнаты и посмотрел куда-то в пол.

- Новые проблемы? - сказал Сергей. - Издай хоть звук. Опять что-то стряслось? Новое ограбление?

- Переплюнь... - буркнул Кирилл, не поднимая взгляда.

- А чего ты тогда как мятник?

- Думаю, Серега, думаю... Черт знает, что делается. Дым скоро из ушей повалит!

- Слушай, хватит тут маячить, - недовольно сказал Сергей. - Ну-ка, сядь, родной, сюда. - Он похлопал по дивану рядом с собой. - Сделай перерыв.

Кирилл перестал ходить по комнате, но сел не на диван, а за стол с бумагами.

- Ну, - сказал Сергей требовательно. - Расслабься. Мы ж с мужиками договаривались. Я тебя в баре жду...

Кирилл вздохнул и почесал в затылке.

- Забегался я сегодня, - проговорил он. - Вроде территория-то небольшая, понимаешь, а - забегался. Все пытаюсь с пропажей этой девчонки хоть как-то разобраться...

- Выясняешь обстоятельства исчезновения? - спросил Сергей.

- Ну да... - сказал Кирилл, - Пытаюсь выяснить. И ничего не понимаю!..

- Думаешь, можно что-то понять? - сказал Сергей. - Сам же говорил, что все концы, как в воду...

Кирилл в задумчивости стал кусать по привычке нижнюю губу.

- Что бы это ни было, за этим все равно стоят люди! - произнес он хмуро. - Какие-то сволочи...

- погоди, а почему ты так решил? - с сомнением сказал Сергей. - А вдруг за этим стоит резервация? И вообще, на фоне резервации с ее развеселыми принципами пропажа человека выглядит куда менее таинственно.

- Никакая резервация за этим не стоит! - выпалил Кирилл и хлопнул ладонью по столу. - Не верю я в это! Сам посуди... - Он схватил со стола один из листов. - Котельникова эта на предыдущей сверке в начале марта была? Была. Дальше. Спустя две недели после сверки она берет какой-то бессрочный отпуск в конторе. Объясняет это тем, что ей надоело заниматься черчением и, дескать, она вообще хочет сменить сферу деятельности. Чем она собралась заниматься - не сказала. Были какие-то намеки на частные ясли или что-то еще в этом духе... По крайней мере, в марию с подобным заявлением она не обращалась. То есть ушла с работы, и все. И никто ничего не знает... Идем дальше... - Кирилл схватил со стола другой листок. - А дальше тоже интересно! Примерно в это же время она покидает свое место жительства. Жила она в четырнадцатиэтажке, квартира сорок восемь. Семья Семеновых. Был я и у них. Интересная вещь, Серега, выходит! Семеновым она знает, что сказала?

- И что же она сказала Семеновым? - заинтересованно сказал Сергей.

- Она сказала им, что по ее просьбе ООН переселил ее в другую квартиру, в другом доме. Якобы к подруге. Прикидываешь?! - воскликнул Кирилл. - А наш народ ведь скромный, нос в чужие дела не сует, верит на слово...

- Стало быть, история с ее переселением - это блеф? - догадался Сергей.

- Чистой воды! - ответил Кирилл. - Котельникова пропадает с работы, пропадает из дома, никто про нее ничего не знает, на сверку она

не является... Все это делается сознательно. Вот что все это означает, а?

Сергей молчал. Кирилл вскочил из-за стола и опять начал бродить по комнате перед его носом.

- Постой, Кир... - сказал Сергей. - Если, как ты говоришь, полтора года назад произошло то же самое...

- А это неизвестно! - вставил Кирилл. - То же самое или не то же... Это можно только предполагать.

- Ну, хорошо. Предположим, что случай аналогичный... Есть тут закономерность? Хоть в чем-то?

- Вот и пытаюсь выявить эту закономерность, - забормотал он, разводя руками. - Связать этот случай с прошлым...

- Я вижу, что пытаешься, - хмыкнул Сергей. - Есть успехи?

- Бог его знает... - бросил Кирилл. - Тут девчонки, там девчонка... У обеих примерно одинаковый возраст, обе работали в конторе. Обе исчезли почему-то незаметно для окружающих. Да так, что точную дату не установишь! Понимаешь, Серега, вроде бы и есть что-то общее, а зацепиться не за что...

- Слушай, а тогда... Ну, полтора года назад... Ты же тоже все это выяснял. Тогда-то ты что выкопал?

- Да ни фига! - мрачно сказал Кирилл. - Бегал в мыле, как идиот... Ходил, вынюхивал. Шерлок Холмс, понимаешь... А с Бурзой тогда, так вообще был дохлый номер. Полный ноль. По-о-лный!

- А это еще кто? - не понял Сергей.

- Бурза? Ну, парень-то тот конторский...

- Это который вторым пропал?

- Ну да. Я же рассказывал!.. Сначала Смирнова исчезла, потом он. Через несколько месяцев.

- Но ты не называл его фамилии. Ну, и что дальше?

- Что-то?.. - Кирилл на мгновение остановился. - Я же говорю - ничего. Ни-че-го. Человек словно в воду канул. Ни единой ниточки. Вот тебе, Зеленин, разбирайся!.. Найди, блин, то, не знаю, что. Со Смирновой-то я в то время еще побегал немного. С тем поговорил, с этим... С хозяйкой квартиры, с Тиной...

- погоди, - перебил его Сергей. - Ты говоришь, с Тиной?

- С Тиной, - сказал Кирилл. - А что? Да ты же ее знаешь! Продавщица из промтоварного...

- А она каким боком...

- Да подружками они были с этой Смирновой. Понимаешь, когда я с Тиной разговаривал, показалось мне, что она не все говорит. Вроде что-то скрывает. Но клещами же не станешь вытягивать! А может, и на самом деле показалось... Короче говоря, все, с кем я тогда говорил, только руками разводили. А я, значит, вынь да положь результаты! Да еще в обстановки полной секретности.

- Заранее-то не отчаивайся, - сказал Сергей. - Может, на этот раз повезет.

- Ага, жди... - буркнул Кирилл. - А знаешь, что самое гнусное и непонятное во всех этих случаях? - спросил он.

- То, что ни разу не нарушилась четность? - предположил Сергей.

- Догадливый, - вздохнул Кирилл. - Вот в этом-то и дело. Не зафиксировано никаких отклонений... Что же получается, елки-палки, а? - Он всплеснул руками. - Они что, здесь где-то все прячутся?

Кирилл, наконец, сел на диван рядом с Сергеем. Отбросив в сторону карандаш, он помотал головой и взлохматил волосы.

- Слушай, Серега, - проговорил он уныло. - Барновский теперь не слезет с меня, пока я ему не представлю какие-нибудь результаты. Перед выборами все как на иголках сидят... А если еще начнутся панические настроения, совсем хорошо будет.

- Значит, так, - заявил Сергей твердо. - На сегодня достаточно шевелить извилинами. Пошли давай. Мужики-то ждут.

- Серега, у меня такое настроение, - сказал Кирилл, - что, если я пойду, то сильно напыжусь.

- Я не понимаю, почему все на тебя повесили? - спросил Сергей. - А Филин у вас на что?

- Да у него тоже забот хватает, - отмахнулся Кирилл. - Он же как участковый у нас... Теперь вот еще с Петровичем наркотики ищут.

- Ладно, пошли - облегчишь душу, - сказал Сергей, заставляя Кирилла подняться с дивана. - Эка невидаль - напынешься!

- «In vino veritas», - произнес Глеб, прикрыв глаза. - «Истина в вине». - Поставив пустую рюмку, он критически осматривал банку из-под шпрот. - Интересно, - процедил он, - какой мудрец поставил еду

возле Серебряковича, а? Это грубый политический просчет.

- Нет, я все время поражаюсь!.. - сказал Валера, жуясь. - Этот наглец ходит к своей Луизе и постоянно возвращается голодный. Да ты, между прочим, еще сюда должен приносить жратву!

- Я вообще глубоко сомневаюсь, - заметил Глеб, - что у тебя внутри есть какие-то другие органы, кроме желудка. Знаешь, что напишут на твоей надгробной плите? «В его венах тек желудочный сок».

- Куда это вас снова понесло? - выпалил Кирилл. - Мы совсем не про то говорили... Чего ты со своей жратвой!.. Я на чем остановился? Сам даже забыл...

- Вы были весьма недовольны существующей ситуацией, - указательный палец Глеба грозно поднялся над головой. - Ты удивлялся, почему, дескать, люди, чем дальше, тем больше сволочуют! Почему это они, гады такие, не торопятся друг другу на помощь... Я, что ли, спорю, насчет спасения ситуации? Спасать ее, родную, рано или поздно все равно придется. Этим человечество только и занимается... Всю дорогу, после того, как обгадятся, начинают спасать ситуацию. Се человек!.. - Он вздохнул. - Только вы-то, поручик, хотите, чтоб изначально в людях присутствовало то, что не может в них присутствовать.

- Почему это не может! - сказал Кирилл рьяно. - Почему сразу и не может?! Конечно, дерьмо разгребать никому не охота. Проще кричать, что это в принципе невозможно...

- А, старая песня, - ухмыльнулся Глеб, откидываясь в кресле. - Про воспитание нового поколения, про яблони на Марсе... «Мы наш, мы новый мир построим...»

- Воспитание, значит, ты тоже отрицаешь? - с напором спросил Кирилл.

- И не собирался, - ответил Глеб. - Я не люблю рубить шашкой с плеча. Воспитание - воспитанием...

- Но кто воспитает самих воспитателей? - изрек Сергей философски.

- О! - многозначительно произнес Глеб. - Считайте, что это я сказал... Так что же выходит? Воспитывали, значит, воспитывали, а потом таких вот воспитанных, таких вот добрых и сострадательных в один прекрасный момент какой-то любопытный малый взял, да и накрыл колаком. Дай, думает, поглажу, чего будет? Или, положим, ничего не подумал этот малый. Накрыл себе полторы тысячи людешечек, да и ушел. Вот и спрашивается: сдюжит или нет наше воспитание? И что станет с хваленными нравственными категориями в принципиально иных условиях? Не пошатнутся ли, родненькие? Или, положим, не обратятся ли в свою противоположность?

- К чему это ты клонишь? - нахмурился Кирилл. - Что ты опять гонишь? Словоблуд...

- К тому, мой Кирилл, - сказал Глеб с вздохом, - что против лома нет приема. Изначально хомо сапиенс есть овца с овечьими инстинктами, и приобретенные ею всевозможные коллективистские, стадные и братские привычки рассыпаются в прах, когда столкнутся, допустим, с этим нашим любопытным малым. Неизменными останутся только инстинкты. Человек рождается один и умирает один! В муках, боли и непонимании. И нет ему дела до остальных.

- Почему это, собственно, инстинкты неизменны? - вставил Сергей.

- Это, знаете ли, вопрос спорный...

- Да погоди, Серега, - сказал Кирилл. - Не уводи в сторону... А разум? Разум на что дан?

- Ой, - испуганно сказал Глеб. - Опять магическое слово. Ты меня уже им страшал, полиция.

- Разум, - повторил Кирилл, пристально глядя на Глеба, - как ни крути, он отличает человека от животного.

- Каждый вид животных чем-нибудь отличается от остальных, - сказал Глеб. - У каждого своя гипертрофия. Ну, разум... И что с того? Вы, констебль, читали Экклезиаста?

- Пошел страдать своим Экк... - Кирилл запнулся. - Эзи... тыфу ты!.. Тоже мне!

- А вы все-таки почитайте на досуге, - посоветовал Глеб, поглаживая бороду. - Молиться на него не обязательно, а прочесть полезно. А вот я тебе даже процитирую...

Он встал со своего кресла и стал копаться на полке с книгами.

- Я все равно считаю, - сказал Кирилл уверенно, - хоть резервация, хоть всемирный потоп, хоть конец света... Если людям даны мозги, то ими надо пользоваться. В любой ситуации. И друг другу помогать. И если мы не можем разрушить резервацию, то мы должны хотя бы сделать так, чтоб каждому из живущих здесь не было плохо!.. Мы должны держаться друг за друга. А то ползает какая-то сука и грабит людей! - Он вдруг стукнул кулаком по столу. - Сволочь

такая...

- Да где она?.. - сказал Глеб, продолжая перебирать книги. - Аргентум, неужто ты взял Библию? Ты же язычник...

- Я бы, конечно, почитал, - сказал Валера, выркая по столу глазами. - Бумага хорошая такая, мягкая... Палыч, наверное, опередил. Животом все маялся...

Кирилл плеснул себе водки, махом выпил и некоторое время сидел, молча и задумчиво уставясь на рюмку.

- А может, ее для того и придумали, - проговорил он, - чтоб заставить всех сплотиться? А? Резервацию-то эту проклятую... Чтоб мы все, наконец, чесаться начали?

- Все вместе? - тут же поинтересовался Глеб, не поворачиваясь. - Или каждый по отдельности? А как вы себе представляете коллективную ческу?..

- Все вместе, - буркнул Кирилл, неуверенно кивая. - Ну, и каждый сам, наверное, тоже...

- Нет, Кир, - сказал Сергей. - Слишком натянуто. Ты рассуждаешь так, будто этот наш некто, создавший резервацию, рассуждает так же, как мы. А это совсем не обязательно.

- Ага, нашел таки, - сказал Глеб. - Сейчас, сейчас...

- Ну и пусть - натянуто, - сказал Кирилл Сергею. - Наплевать. Это будет моя личная гипотеза. Тут у каждого в резервации гипотез по несколько штук...

- Несколько десятков штук, - поправил Валера, снова набивая чем-то рот.

- Вот, к примеру, - сказал Глеб, повернувшись с раскрытой книгой. - «Сказал я в сердце своем о сынах человеческих, чтобы испытать их Бог, и чтобы они видели, что они сами по себе - животные: потому что участь сынов человеческих и участь животных - участь одна; как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества пред скотом; потому что все - суета!»

- Ну и что, - сказал Кирилл, нахмурился. - Это личное мнение этого твоего... Эс... клз... Как его там, гада? Что-то про клзamu...

Глеб отложил книгу и вернулся в кресло.

- Ты тут конец света поминал, - сказал он и вздохнул. - Давайте будем помогать друг другу красиво умирать... Только скажи на милость: какая разница, как умереть? В коллективе или в одиночку? В любви к ближнему или в ненависти? Надеюсь, ты не станешь мне тут гнать про царствие небесное и прочую муть?

- Да ничего я тебе не стану... - безразлично махнул рукой Кирилл. - Это ты у нас любишь обсасывать тему, пока от нее один скелет не останется. Философ, понимаешь...

- Ну, надо еще посмотреть из чего, собственно, состоит скелет, - проговорил Глеб.

- Обсосет, понимаешь, обсосет... - проворчал Кирилл. - Мозги, значит, запудрит... Цитатами всякими завалит... А потом возьмет и забудет.

- Правильно, - согласился Глеб. - Не хватало еще все помнить. Это только наш Валерик все записывает и подводит какую-то основу. Что с технократа взять? Валерик, ты уже закончил сто сорок восьмой том полного собрания гипотез? Серега, а ты себе подобрал?

- Чего? - спросил Сергей.

- Гипотезу, - пояснил Глеб. - Если надо, нет проблем - Серебряков даст. Бери из средних томов. Как пользоваться, знаешь? Берешь гипотезу, ставишь перед зеркалом, зажигаешь свечку, и каждый вечер по два молебна после еды...

- Ну, пошло-поехало, - скривился Валера.

- Только ты, Сергей, определись заранее, - сказал Глеб. - С умислом тебе нужна гипотеза или без умисла.

- Это как - с умислом? - поинтересовался Сергей.

- Весь массив гипотез, - пояснил Глеб, откидываясь в кресле, - разделяется на два подмножества: одно - те, которые утверждают, что за резервацией стоит чей-то умысел, другое подмножество - гипотезы, говорящие, что все это не специально. Дескать, так уж вышло. Так вот, у нашего пицекйлера в арсенале только первый тип. Уж очень он любит инопланетные страсти. Лично я с подозрением отношусь к гипотезам, за которыми проглядывается чей-то умысел. Не лежит у меня душа ко всяким чуждым разумам... Есть в том какая-то натяжка.

Глеб промолчал, затем закурил, пустил в потолок пару колец и закрыл глаза.

- Шутки шутками... - заговорил Валера, снова что-то перемалывая челюстями. - А если и вправду волна ограблений пошла... Вот ты, Кир, говоришь, надо ситуацию исправлять, а как? Патрули, что ли, пускать

по ночам будете? Или введете комендантский час?

- Не знаю... - процедил Кирилл и вперил взгляд куда-то за окно.
- Вот будут перевыборы - пусть решают. И про грабежи, и про наркотики, и про остальное.

- А этот самый грабитель... Он один? - спросил Валера.

- Вроде один, - вздохнул Кирилл. - Черт его знает. Эти бабы приметы толком описать не могут... У страха глаза велики. На лице какая-то сетка, фигура высокая... Ну, что я сейчас, всех высоких подозревать буду? Да и вообще, я же не следователь, в конце концов!

- Тебе еще вслед не ворчат: «И куда это, мол, полиция смотрит?» - поинтересовался Глеб, не открывая глаз.

- Начинается потихоньку, - хмуро ответил Кирилл.

- Народ, - сказал Сергей, беря бутылку. - Что-то общественное настроение падает. Нехорошо это...

Народ согласился, тут же было разлито и выпито. Водарились некоторая пауза. Валера по своему обыкновению соорудил очередной огромный бутерброд и стал его с шумом пожирать, то и дело поправляя сползающие очки. Кирилл подпер щеку ладонью и отрешенно смотрел в окно. Глеб вытащил из стопки книг под торшером одну и, покусывая ус, очень быстро ее листал и при этом щурился от сигаретного дыма.

- Я вот у тебя, Валера, - сказал Сергей, - все хочу спросить: ты на самом деле уверен, что существует некий замысел, за которым стоят... м-м... Ну, за которым кто-то стоит?

- Конечно, уверен, - Валера понизил голос и покосился на Глеба.

Тот лишь ухмыльнулся.

- Ты что, думаешь - я просто так?.. - снова заговорил Валера. - Я, между прочим, тебе не Маевский. Надо искать... Надо пытаться искать! Любая деятельность оставляет следы, так ведь? Ты понимаешь, - глаза его стали бегать, - ведь информации вокруг много! Надо только захотеть ее увидеть и систематизировать. Задача со многими неизвестными и, возможно, многими решениями. Разве не интересно приблизиться к пониманию хоть на йоту? Да здесь просто никто этим не занимается. Все на всех забило... Если резервацию нельзя понять с помощью приборов, то, значит, ее нельзя понять вообще - вот же их подход! А между прочим, здесь живет полторы тысячи человек! И они, между прочим, оставляют массу следов. Так что пищи для размышлений достаточно.

- То есть ты полагаешь, что можно попытаться порешать эту задачу, исследуя людей в резервации? - спросил Сергей.

- А почему бы и нет? - сказал Валера. - Только не всех людей, а некоторых.

- Это каких же? - поинтересовался Сергей.

- Подозрительных, - ответил Валера. - Или странных.

- А-а, понял, - произнес Глеб. - Опять старая песня про инопланетных резидентов...

- Маевский, уйди! - недовольно рявкнул Валера. - Я не с тобой разговариваю. При чем здесь сразу инопланетные резиденты? Чего ты все утрируешь-то? Сиди и не вякай! Читай Экклезиаста.

- Тем не менее, - как ни в чем не бывало сказал Глеб, - я хочу предупредить нашего новобранца. Наш сыщик грешен тем, что любит превратно истолковывать ситуации. К тому же он плохо разбирается в людях. Так что, Серж, будь начеку, когда он предложит тебе какую-нибудь аферу.

- И много ты лиц занес в список странных? - поинтересовался Сергей у Валеры.

- Их, может быть, не так и много, - сказал Валера, - но вполне достаточно, чтоб поломать голову.

- Ну кто, например?

- Ну, например, Клим, - ответил Валера. - Крайне подозрительная личность, я считаю. Можно сказать, что сам пришел в резервацию. Зачем, спрашивается? Ведь он выполняет здесь самую грязную работу. Ни с кем не общается и живет где-то чуть ли не на свалке... Ведь может в любую минуту уйти, а сидит! Какого лешего он здесь сидит?

- Из чего непременно следует, что Клим является агентом чуждых сил, - саркастично вставил Глеб. - Не стоит усматривать злого умысла в том, что можно объяснить глупостью.

- Между прочим, его прошлое никому не известно, - проговорил Валера. - И, между прочим, в резервации не он один без прошлого... Твой любимый мистер Барков, кстати, тоже.

- Барков? - удивленно сказал Сергей. - Что ты против него-то имеешь, Валера? Уж Барков-то...

- Да? - хмыкнул Валера, поправив очки. - А ты спроси-ка у него про его прошлое.

- Ну и спрошу, - сказал Сергей. - А что такого?

- Вот и спроси, - кивнул Валера. - Тоже пришелец из неизвестности. Откуда он взялся в резервации, кем был раньше - никто не знает.

- Но Барков, насколько я помню, - задумчиво произнес Кирилл, - появился здесь еще до возникновения резервации. Правда, совсем незадолго.

- Вот то-то!.. - изрек Валера. - Перед самым возникновением. Кстати, Кир, ты же как-то говорил, что он и не Барков вовсе.

- Я говорил? - удивился Кирилл. - Это когда?

- Давно говорил... По пьяни как-то.

- Может быть... - пожал плечами Кирилл. - Откуда я могу это знать? Я что, к нему в паспорт заглядывал?

- Ну, забыл ты уже, - сказал Валера. - То ли Филин тебе это сказал, то ли еще кто - я уж не помню... Но ты про Баркова говорил, это факт. Так что, он тоже шкатулочка с секретом.

- Ладно, бог с ним, - сказал Сергей. - А кто еще?

- Есть еще занятные личности...

- Понимаете, господа, - сообщил Глеб, - для нашего детектива все, кто поступает с его точки зрения нелогично, попадают в ранг агентов враждебных сил. Наш детектив считает, будто люди есть ходячие логические схемы, которым даешь на вход ситуацию, открываешь справочник и смотришь, какова же должна быть реакция. Ага, реакция не совпадает! Помечаем эту схему, как подозрительную...

- Вот, например, Артем... - Валера не обратил внимания на словонаизяние Глеба. - Я считаю, что это не просто сумасшедший. Если он вообще сумасшедший.

- Что это ты имеешь в виду? - спросил Сергей настороженно.

- А кто официально проверял его умственное состояние? - сказал Валера, хитро прищурясь под стеклами очков. - Дайте глянуть медицинское заключение! Хотя, в принципе, даже если оно и есть, это не так и важно... Ведь раньше Артем был вполне нормальный, правильно, Кирилл? Ты ведь должен помнить.

- Я помню... Обыкновенный был парень, учился в школе... А потом вдруг крыша стала съезжать. Как раз перед тем, как резервация... А-а, я понял, к чему ты!.. - воскликнул Кирилл. - Ты опять хочешь увязать... Думаешь, он прикидывается?

- Почему бы и нет? - сказал Валера.

- Но он же проходит через Оболочку! - сказал Кирилл.

- И что из этого следует?

- Значит, получается, что он на самом деле сумасшедший.

- Это мы так придумали! - выпалил Валера возбужденно. - Мы сами придумали для себя такое объяснение... Раз проходит, значит - псих. А вдруг это все совсем не так, вдруг это только прикрытие? Чтоб никто не домогался, почему ему можно через Оболочку, а другим нельзя.

Глеб хмыкнул и с вздохом покачал головой. Валера вытащил сигарету и торопливо закурил.

- Понимаешь, Серега, - заговорил он, - меня мало волнует, сумасшедший он на самом деле или нет. Меня другое интересует: зачем он постоянно в город ползает? И к кому? Вот загадка.

- В город? - переспросил Сергей. - Артем ходит в город?

- А ты думал, что он только в лесу грибы собирает? - усмехнулся Валера. - Ходит он и в город, и черт его знает еще куда... Не проверишь, к сожалению. И иногда не с пустыми руками, между прочим. Вот Кир знает.

- Ну, бывают у него какие-то сумочки, - опять пожал плечами Кирилл. - Барахло разное, тряпки... Ерунда всякая.

- А вы что, каждый раз его досматриваете? - с сомнением сказал Валера.

- Да как ты за ним уследишь? - недоуменно сказал Кирилл. - Ему же ничто не мешает ночью уйти или придти.

- То-то и оно.

- Прикажешь его круглосуточно караулить?

- Да в магазин он ходит, господа, - лениво сказал из кресла Глеб.

- У нас же вечно, кроме консервов, ни хрена нет! Или к родственникам в гости...

- Нет у них родственников снаружи, - хмуро сказал Кирилл. - Я точно это знаю.

- И магазины, между прочим, по ночам не работают! - язвительно бросил Валера в сторону Глеба.

- А ты видел, что он ходит по ночам? - озадаченно спросил Сергей у Валеры.

- Лично я не видел, - ответил Валера. - Но есть люди, которые

видели. Так что информация к размышлению имеется.

- Все равно я не могу понять... - произнес Кирилл, почесывая затылок. - Даже если за этим стоят какие-то силы... Зачем тому же Артему это нужно? Или другим, кого ты там подозреваешь... Идти против своих же? Как это так?

Кирилл вдруг встал, расстегивая на груди пуговицы куртки.

- Что-то жарко стало, - пробормотал он. - Пойду умоюсь чуток...

Нетвердой походкой он вышел из комнаты.

- Дай-ка мне, Валера, сигарету, - сказал Сергей. - Выйду-ка на балкон, подышу-ка воздухом, что-то и впрямь душно.

Он взял у Валеры сигарету, прикурил, поднялся с дивана и, откинув штору, вышел на балкон.

За две недели он уже успел привыкнуть к близкому соседству иного мира, и теперь научился смотреть на дома через дорогу спокойно и даже равнодушно. Уже темнело, поток машин на магистрали редел, а число освещенных окон в домах росло. Через пару минут на балкон выскочил Валера с зажженной сигаретой в зубах. Вид у него был возбужденный, очки совершенно съехали вниз и были на грани падения. Он неожиданно прикрыл за собой дверь и вплотную приблизился к Сергею.

- Я не стал тебе при Маевском говорить, - понизив голос, лихорадочно забормotal он. - А то он опять все обгадит. Понимаешь, не все так тривиально!.. Можно, конечно, ничего не замечать, если задаться целью ничего не замечать. А можно ведь и наоборот, между прочим!

- Ты это о чем? - непонимающе проговорил Сергей.

- Есть у нас в конторе один мистер. По фамилии Лыткин, - глаза Валеры бегали из стороны в сторону. - Довольно нелюдимый мужичок. Короче, себе на уме. Но в «Мирок» в последнее время частенько похаживает. И бывает - напивается. Я-то в «Мирке» редкий гость, но как-то заглянул, было это месяца три назад, а может и больше... Зимой, это точно. А он, этот Лыткин, там сидел за столом с какими-то местными мужиками. Все были основательно надрамись. Ну, я взял чего-то погреть и подсел к ним. Кстати, не специально - просто там место было...

Валера почему-то умолк, поправил очки, сделал несколько затяжек. Казалось, он погрузился в воспоминания. Сергей облокотился на перила и молча ждал.

- Разговор у них был пьяный, - продолжил Валера. - Все это неважно, а важен только один момент из их болтовни. Шла у них, значит, обычная перепалка, которые бывают между нашими и местными мужиками. Ты же представляешь себе такие наезды? Ну, вот... Лыткин-то, значит, и говорит: достали вы, значит, меня все уже! Имел я вашу резервацию... И пошло-поехало в таком духе. А мужики на него: резервация, мол, такая же наша, как и ваша. А идите, говорит Лыткин, со своей развatomой резервацией туда-то! Мне, говорит, здесь, значит, недолго осталось. Неужто в розыгрыше повезло, спрашивают мужики. А имел я ваши долбаные розыгрыши, говорит Лыткин. Я, мол, и без них обойдусь. Это как же так, спрашивают мужики. Тут он, значит, язык-то прикусил. Причем резко прикусил! Пьяный-пьяный, а какой-то контроль остался. Потом разговор на другую тему переключился... Да они и сами забыли уже через пять минут обо всем - я ж говорю: основательно нагружен народ был. Да только я-то, Серега, не забыл! Я-то взял на заметку мистера Лыткина. Ты чувствуешь, чем пахнет? - Валера заглянул Сергею в глаза.

- А чем тут может пахнуть? - с сомнением сказал Сергей. - Мало ли кто чего по пьяни ляпнет!

- Не такая уж это пьяная брехня, - уверенно сказал Валера. - Я, кстати, пока и не предлагаю делать выводы. Я предлагаю пока за ним понаблюдать. Согласен?

Сергей озадаченно молчал.

- Ведь ты же еще не сломаешься! - с надеждой в голосе воскликнул Валера. - Я же вижу...

- Еще нет, - проговорил Сергей уверенно.

- Вот видишь! - выдохнул Валера. - Давай, Серега!.. Чем черт не шутит? Хотя бы ради прикола...

- Ну, хорошо... - после некоторого раздумья сказал Сергей. - Давай попробуем. Только я плохо представляю, как это будет выглядеть.

- Это уже детали, - торопливо заговорил Валера. - Главное, что мы решили взяться за дело! Одному как-то не с руки... А вдвоем легче, веселее, да и вообще... С теми парнями, - он махнул рукой в сторону комнаты, - ничего не выйдет! Они не подходят. Вот ты - другое дело, Серега, я сразу смекнул.

- Не совсем, конечно, понял, что во мне такого... - произнес Сергей насмешливо. - Но все равно, спасибо за доверие.

Он сделал несколько затяжек. Странное, смешанное чувство вдруг овладело им. Он выстрелил недокуренную сигарету в сумерки.

- Я тебе его на днях покажу, - сказал Валера. - Посмотришь, что за фрукт. И, вообще, старайся при случае крутиться возле него. В баре или еще где... Он, между прочим, в баре постоянно торчит. И любит за воротник заложить. Прислушивайся... А я в конторе попробую чего-нибудь разнюхать. Следы все равно есть! - выдохнул он возбужденно. - Не может не быть следов... Проболтался раз, проболтался два, три...

Он умолк ненадолго и забарабанил пальцами по перилам балкона.

- А знаешь, почему мне вдруг так стало беспокойно? - спросил он Сергея.

Сергей не ответил, глядя вниз на слабо поблескивающие в ответе окон листья деревьев.

- Когда Кирилл недавно рассказал про очередную пропажу этой девчонки из конструкторского, - сказал Валера, - тут во мне что-то и екнуло... Оно, между прочим, и раньше екало, но тут... Чую, что это все не просто так! Люди в резервации исчезают бесследно, а четность не нарушается - значит, тут что-то есть! И делаются эти загадочные дела именно людьми! Людьми, а не неведомыми силами. Ну, или, если быть точным, - через людей. С помощью их. Значит, через людей можно попытаться выйти на эти силы!

- А вот Кирилл-то считает, что за этим стоит обычная уголовщина, - сказал Сергей.

- Да знаю я, - махнул рукой Валера. - У нашего Кирилла очень приземленное понимание всех вещей, поэтому я даже и не пытаюсь его на это дело подбить. Тем более, что у него своих проблем по горло. А вот ты, Серега, - это самое то! С тобой мы чего-нибудь сделаем. Хорошо, что ты вовремя нарисовался. В одиночку я бы не раскисался...

- Удачно, стало быть, я подвернулся под руку? - усмехнулся Сергей.

- Ты человек новый, - проговорил Валера. - Это многое значит, между прочим. У тебя еще не потухли все желания, у тебя еще свежий взгляд на вещи... Да и два ума всегда лучше. И потом, еще одно, - хитро прищурился Валера. - На твоём неожиданном появлении здесь можно хорошо сыграть.

- Например? - сказал Сергей.

- Допустим, ты - эмиссар снаружи... Или еще что-нибудь в этом роде! Лыткин довольно путливый - это нам на руку. Есть, кстати, такой вариант...

Балконная дверь распахнулась, и перед ними возник Глеб с раскрытой книгой в руке.

- Конспирируемся потихоньку? - изрек он. - Бесполезно. Дом окружен чекистами, господа офицеры. Ваша явка провалена.

Валера сокрушенно сплюнул вниз и выбросил вслед окурок. Из глубины комнаты на балкон выскочил растрепанный Кирилл. Лицо и шея его были мокрыми, куртка наполовину расстегнута.

- Вот и конец балкону, - обронил Сергей. - И парашюты раскрыться не успеют...

- Слушайте, мужики, - проговорил Кирилл невнятно. - Там, кажись, Палыч очухался. Бормочет чего-то...

- Восставший из ада, часть сотая, - произнес Глеб. - Сходи, мой серебряный, глянь. Я что-то в последнее время перестал понимать его закланания. Палыч, похоже, подколол себе другой тезаурус.

- Почему бы тебе не сходить? - недовольно сказал Валера. - Совсем обленился.

- Не упрямясь, мой серебристый, - провоцировал Глеб. - Давай скорее, пока отдельно стоящие предметы не начали падать. Сделай ему укол водки. У тебя лучше получается.

Сварливо бормоча что-то себе под нос, Валера ушел в комнату.

- Кажется, я в ауте... - тяжело проговорил Кирилл, мотая головой, как собака, вышедшая из воды на берег. - Перебор... А ты чего опять с книжкой выпал? - рыкнул он на Глеба. - Я вот этого не понимаю... Как можно пить и одновременно читать книжки? - он, качаясь, попытался заглянуть ему в глаза. - Маевский, как ты дошел до такой жизни?

- Вы действительно в ауте, поручик, - заметил Глеб. - Я вот тут вам хотел прочесть, кстати...

Он поднес книжку к лицу и прочел вслух: «Крылья знаний меня от людей отлучили, Я увидел, что люди - подобные пыли. Опален мой камыш и подернут золою, И теперь я бессилен исправить былое».

- О! - изрек Кирилл и громко икнул. - Неужто он еще и стихи пишет?

- Кто? - не понял Глеб.

- Этот твой Клизо... м-м... э-э... глито... аста... Блин, что-то там про астму, вроде...

- Тундра, - сказал Глеб. - Это уже не он.

- А кто? - с испугом сказал Кирилл. - Какая-то другая зверюга?

- Сирийский поэт десятого века, - ответил Глеб. - Хочешь, почитать дам? Мандармам - вне очереди.

- Не надо, - сказал Кирилл и попятился. - Мне твоих цитат хватает.

Из комнаты донеслись возгласы Валеры вперемешку с бранью. «Маевский! - кричал он. - А ну, иди сюда!..» Затем что-то с грохотом упало и послышался приглушенный утробный звук.

- Ничего поручить нельзя, - посетовал Глеб с вздохом. - Только-только начался вечер повзвиз...

Он захопнул книгу и тоже ушел в комнату. Кирилл со второй попытки сунул в рот сигарету, но не зажег, а навалился на перила и замер, закрыв глаза.

- Кир, ты в норме? - спросил Сергей. - Вид у тебя, надо сказать...

- Не, все в порядке... - пробормотал Кирилл. - Пошло оно все к черту...

Потом он медленно открыл глаза и хотел было прикурить, но на полпути рука с зажигалкой замерла и опустилась обратно.

- Я тут подумал, Серега, - серьезным тоном сказал он, - и решил..

И знаешь, что я решил?

Он развернулся к Сергею и его сильно шатнуло.

- Я решила, что с завтрашнего дня... ты будешь жить у меня, - сказал он заплетающимся языком. - Это лучше... И для тебя, и для твоих этих... Галушко, да?

- Но... - удивленно произнес Сергей.

- Молчи! - рявкнул Кирилл, тыча пальцем ему в грудь. - Решение окончательное и это... Обжалованию, короче, не подлежит... Ты понял? - спросил он, грозно надувая щеки.

- Но... - снова попытался что-то сказать Сергей.

- Не сопротивляться решению... э-э, представителя правопорядка! - выдохнул Кирилл и снова икнул. - А то я тебя арестую и доставлю силой. Понял? Вот и все.

Узкий длинный ноготь Тининого пальца прочертил на его груди белесую полоску. Она приподняла голову с подушки и заглянула ему в глаза.

- Ну вот о чем ты опять думаешь? - спросила она с вздохом.

Он не ответил.

- Ну скажи: о чем? - Тина подперла щеку ладонью. - Проснуться не успел, и уже о чем-то думает... Скажи, а то укушу!

- Да так... - отозвался Сергей.

- Наверное, о своей семье переживаешь, да? - сказала она.

- Почему обязательно о семье? - сказал Сергей, не сводя взгляда с трещины на потолке. - Почему ты решила, что мне больше не о чем подумать?

- О чем?

- Скажи, неужели тебе никогда не хотелось отсюда вырваться? За столько лет - и не хотелось?

- Мне? - спросила она. - Отсюда? А зачем?..

- Что значит «зачем»? Свобода есть свобода... Или она тебе тоже не нужна?

- Ну, а куда мне вырваться-то? - сказала она слегка недоуменно.

- Кто мне разрешит-то вообще?

- Допустим, разрешили, - сказал Сергей. - И тебе, и Дениске твоему. Не уйдешь?

- А куда? - искренне удивилась Тина. - Мне кто-то жилье, что ли, предоставит... обстановку и остальное? Кому мы нужны!

- Ну, отыщешь своего муженька... Поможет, наверное.

- Ха-ха, - произнесла она. - Его теперь найдешь! А помощь мне его не нужна. Помощничек... Не напоминай мне про него.

- Ладно, - смиренно согласился Сергей.

Он повернулся к ней и стал теребить цепочку на ее шее.

- И про свободу такую твою, - сказала она с вздохом, - это несерьезно, Сережка. Такая свобода никому не нужна.

- Так уж и никому?

- Во всяком случае, женщине. Дур-рашка, - Она щелкнула его по

носу. - Разве ты не знаешь, что женщине не нужна свобода? Ей нужен ласковый и надежный присмотр. И опора. Не знал что ли? Ну, не щекочись...

- Знал, - сказал Сергей. - Бывают же исключения, тем не менее. Хорошо, - сказал он. - Если тебе нужен присмотр и опора, почему ж ты тогда столько лет одна?

Лицо ее стало серьезным. Она села, натянув на себя одеяло.

- Привыкла, - ответила она, сдунув волосы со лба. - И потом, мне хватило моего дорогого. Я теперь разборчивая.

- Понятно, - сказал Сергей.

- Чего тебе понятно? - беззлобно проворчала Тина и снова щелкнула его по носу. - Если б в резервации была достойная кандидатура, тогда - другое дело.

- В конторе вон сколько мужиков, - сказал Сергей. - Выбирай - не хочу.

- Вот и не хочу, - сказала она. - Зачем строить серьезные отношения с человеком, который тут временно. Сегодня он здесь, а завтра его нет. Не игрушки же, правда?

- А я, Тина? - спросил Сергей.

- Что - ты?

- Я ведь тоже отношусь к рангу временных явлений. Сегодня я здесь, а завтра - нет. Зачем со мной связалась?

- А бог его знает... - после некоторой паузы ответила она. - Сама не понимаю.

Тина замолчала, внимательно посмотрела на Сергея своими голубыми бездонными глазами и поджала упрямые губы. Между бровей ее образовалась небольшая складка. Он нежно разгладил ее пальцем.

- Да не хмурься ты, - сказал он. - Я что-то не то сказал?

- Ты знаешь, - тихо произнесла она, - мне иногда кажется, что в твоём появлении здесь есть что-то мистическое... Я почему-то сразу обратила внимание на тебя. В самый первый раз, как только ты в магазин зашел.

- Да просто новое лицо, - сказал Сергей. - Это вполне объяснимо.

- Не знаю... - пожала плечами Тина. - Э-эй!.. Ты, что ли, уже пожалел, да?

- Ну вот, - сокрушенно заметил Сергей. - Совершенно нельзя задать абстрактный вопрос. Вот весь ваш брат такой! Или ваша сестра...

- Барков меня, наверное, заколдовал, - сказала она. - Ходил и бухтел над ухом: «Смотри, какой парень! За полцены уступаю...» Этот кого хочешь уболтает.

- Это точно, - согласился Сергей.

- Слушай! - сказала она. - Я поняла. Твой зеленоватый оттенок глаз, видимо, воздействовал мне на подсознание. Я же балдею от всего зеленого! Как в тот первый раз, неделю назад, в баре глянула тебе в глаза - так и все.

Она потеребила его за нос и, вытянув шею, посмотрела на будильник, стоявший на прикроватной тумбочке.

- Уже одиннадцать часов! - воскликнула она и присвистнула. - Ну ты и даешь! Ну ты и монстр спать!

- Почему сразу я? - сказал Сергей удивленно.

- Да я сроду так поздно не вставала! - сказала она. - Это все твоё влияние. Ты как мой Денис - тот тоже до полудня по выходным дрыхнет. Лушай, надо же чего-нибудь поесть сделать, а то встанет - ничего не готово... Сережка, а ты хочешь есть?

- Не хочу, - сказал Сергей. - Кофейку попью и пойду.

Тина стремительно выскочила из постели, набросила на себя халат и исчезла из комнаты, а через некоторое время с кухни стали доноситься бульканья и повывкивания. Сергей медленно сел на постели, посидел с минуту неподвижно, потом потянулся и стал одеваться.

Когда, умывшись, он появился на кухне, Тина сидела на табурете и глядела в окно. На подоконнике шипела кофеварка, натужно выдавливая из себя капли жидкости в чашку. На плите в кастрюльке закипала вода. Сергей сел за стол.

- Кстати, о Баркове, - сказал Сергей. - Ты давно его знаешь?

- Сергей? - переспросила Тина. - Как только он у нас появился. Это было незадолго до резервации.

- А откуда он взялся? - поинтересовался Сергей.

- А кто его знает? - ответила она. - Я не спрашивала, он никогда не говорил. Помню только, что он как-то очень быстро сошелся со своей Ниной. Она его обогрела, приютила... Люди говорят, что Барков необычайно похож на ее покойного мужа - может, из-за этого Нина к нему и привязалась. У нее муж от рака лет семь назад умер. Или больше...

Завонил стоящий на подоконнике телефон.

- Все хочу у тебя спросить, - сказал Сергей, - на кой черт тебе телефон на кухне? Первый раз такое вижу.

- Тина сняла трубку.

- Здравствуй, - сказала она и через некоторое время добавила: - У меня... А что, он может быть где-то еще, да?

- Кирилл, что ли? - спросил Сергей, вставая.

Она кивнула, однако трубку не отдала, а прижала к груди. Глаза ее хитро сощурились.

- Ну-ка, ну-ка!.. - прорывалась она. - Где это, интересно, ты можешь быть еще?! Живое говори, а то укушу!

Он подпрыгнул к ней, стиснул в объятиях и отобрал трубку.

- Алло, - сказал он. - Привет. - Зажатая Тина покусывала его за плечо и щекало боча.

- Ты это... на весь день пропал? - спросил Кирилл. Голос у него был озабоченный.

- Нет. Скоро приду, - Сергей с трудом сдерживал смех. - Что-нибудь случилось?

- Ничего... Я тут голову ломаю... - задумчиво заговорил Кирилл. - Ерундистика, понимаешь, какая-то получается...

- Кир, ты хоть в субботу-то отдохни, - сказал Сергей сочувственно. Пальцы Тины продолжали яростно тыкать его между ребер.

Кирилл пробормотал в трубке что-то невнятное, потом поспешил и сказал:

- Ну ладно, давай...

Трубка зашипела короткими гудками, Сергей бросил ее на рычаг, перехватил Тинины запястья и стал кусать ее за шею. Она взвизгнула и, вырвавшись, отскочила.

- То-то, - назидательно сказал Сергей. - Смотри, а то съем.

Кофеварка уже завершила свой труд и Тина поставила на стол дымящиеся чашки. Они сели.

- Чего это Кирилл такой? - спросила она. - Голос у него какой-то замученный.

- Проблем невпроворот, - сказал Сергей. - Видишь, даже по выходным работает. Хотя его никто не заставляет.

- Ну, он же очень ответственный, - согласилась Тина. - Я знаю. И добрый очень. О тебе вон как переживает: где ты да как ты? Как будто ты куда-то можешь подеваться.

- Тина, - проговорил, задумавшись, Сергей. - Можно я спрошу у тебя об одной вещи? Из прошлого.

- Из прошлого? - повторила она с интересом. - Только не о муже.

- Нет, о другом, - сказал Сергей. - О той истории с пропажей твоей подружки... Скажи, ты тогда Кириллу все рассказывала? Все, что знала?

По лицу ее пробежала тень. Она нахмурилась и опустила глаза.

- Или не все, Тина?

Она молчала. Только покусывала нижнюю губу.

- Ты что, не хочешь об этом говорить? - осторожно поинтересовался Сергей.

- Почему - не хочу... - пожала она плечами. - Странно... А зачем ты об этом спрашиваешь? Какое ты имеешь к этому отношение?

- Вообще-то никакого, - ответил он. - Но просто... Раз Кирилл этим занимается...

- Кирилл занимается этим? - недоуменно произнесла Тина и пристально взглянула ему в глаза. - Он опять занимается этим?

Сергей замаялся в нерешительности.

- Не понимаю, - отрывисто сказала она. - Зачем ворошить старое?

- Я подробностей не знаю... - Он попытался уклониться. - Это его полицейские дела...

- Давай не придуривайся! - строго сказала Тина. - Я все вижу. Не знает он! Что произошло-то? Я же знаю, что дело было практически закрыто! Зачем опять...

- Ну почему - закрыто... - пробормотал Сергей. - Вовсе оно не было закрыто...

- Сережка, не юли! - требовательно сказала Тина. - Я тебя прошу. Мне-то ты можешь сказать? Или ты мне не веришь?

- Да верю, верю, - сказал он с вздохом.

- Тогда выкладывай как на духу! - с напором сказала она. - Кстати говоря, ты сам затеял этот разговор!

Не отвертеться, мелькнула у него мысль. Бесплезно.

- Снова девчонка из конторы исчезла, - проговорил Сергей. - Обнаружили после недавней сверки. Только, Тина, ради бога меня не закладывай!

Рука Тины, сжимавшая чашку, неподвижно замерла возле рта.

- Двадцати пяти лет от роду, - добавил он. - Очень похожий случай. И снова никаких концов.

Она молчала. Лицо ее стало вдруг серьезным-серьезным - ни следа не осталось от недавней Тининой веселости.

- Тина, что с тобой? - спросил Сергей, трогая ее за руку.

- Значит, это случилось снова, - произнесла она бесцветным голосом и поставила на стол недопитый кофе. - О, господи...

- Да в чем дело? - непонимающе сказал он. - На тебе лица нет. Он присел перед ней на корточки, взял ее за плечи и заглянул в лицо.

- Тина, - сказал он, - Теперь мне, что ли, из тебя клещами вытягивать? Она медленно подняла на него взгляд. Казалось, даже глаза у нее стали не голубыми, а серыми. И потухшими.

- Дай мне сигарету, - попросила она тихо. - На подоконнике...

Сергей протянул ей пачку сигарет и зажигалку. Она закурила и выпустила в пол струю дыма. В наступившей тишине стало слышно, как от кипящей воды мелко позвякивает крышка на кастрюльке.

- Кипит, - сказал он, покосившись на плиту.

Тина не обратила на это внимания. Она только плотнее запахнула халат и молча курила, делая одну короткую затяжку за другой.

- У меня такое чувство, - сказал Сергей, - будто ты что-то знаешь. Ведь знаешь, да?

- Ничего не знаю... - хрипло произнесла она, и пепел сигареты упал на полу ее халата. - Все что знала, я Кириллу еще тогда рассказывала.

- Так уж все? - сказал он. - Что-то не верится.

- Не хочешь - не верь, - после некоторой паузы сказала она.

- Тогда почему ты так расстроилась?

- Так... - Тина посмотрела куда-то в стену. - Неприятно, и все. Разные воспоминания... Не обращай внимания. Слушай, - она повернула к нему свое хмурое лицо. - И на этот раз, говоришь, тоже ничего не выяснили?

Сергей отрицательно помотал головой.

- Никаких конкретных людей, фамилий?..

- А чего это ты так заинтересовалась? - спросил он. - То - «не обращай внимания», то...

- Ты можешь сказать или нет!? - бросила Тина нервно.

- Ничего конкретного, - ответил он.

Она докурила сигарету и затушила окурок в пепельнице.

- Ты ничего больше не хочешь мне сказать? - осторожно поинтересовался Сергей. - Ну, не мне, так хотя бы Кириллу?

- Бесплезно это все, - тихо обронила Тина. - Пустая трата времени.

- Почему? - спросил Сергей.

- Не знаю - почему!.. - быстро сказала она. - Предчувствие... Интуиция, если хочешь. Никого здесь в резервации не найти.

- Но почему? - снова спросил он.

- Говорю же, что не знаю! - недовольно ответила Тина. - Чувствую - вот и все! По крайней мере, Женьки Смирновой здесь точно нет.

- А другие?

Она пожала плечами.

- А как думаешь: есть ли хоть какая-то связь?

- Ничего я не думаю, - сухо проговорила Тина.

- А интуиция? - сказал Сергей, не сводя с нее взгляда. - Шестое чувство?

- Слушай, не надо! - раздраженно выпалила она. - Ну, не привязывайся к словам, ладно? Ничего я не знаю! И вообще, ничего я не говорила. Замяли...

Она поднялась, легко отстранила Сергея и подошла к плите, на которой продолжала неистовствовать вода в кастрюле.

- Тина... - начал было он.

- Хватит, Сережа, - уныло, но твердо сказала она, не поворачиваясь. - Сейчас Денис проснется, кормить надо. Не хочу больше об этом. И вообще, у меня плохое настроение.

- Ладно, - пожал плечами Сергей. - Как скажете.

Тина вытащила из тумбы пакет с рожками и стала торопливо его надирать.

- Тебе чем-нибудь помочь? - спросил он.

- Не надо, - ответила она. - Ребенка покормлю - буду стиркой заниматься. У меня стирки на целый день.

- Тогда я пошел, Тина, - сказал Сергей.

- Конечно, - обронила она, бросив на него мимолетный взгляд через плечо. - Пока. Завтра повзони, ладно? А дверь захлопни.

Он покинул квартиру Тины, вышел на улицу и направился к дому. По дороге он размышлял о странностях женского характера.

хроническом непонимании его мужчинами. А ведь Тина явно что-то знает и скрывает, думал он. Ну, ничего, сказал он себе, все равно узнаем со временем. Если сама раньше не расскажет.

Перед самым домом он вдруг вспомнил, что на днях собирался в очередной раз зайти к Ревичу. День вперед долгий, подумал он, и с Кириллом на пару вдвоем поскрипеть мозгами еще успеется, а старик будет рад поболтать. Ладно, зайду ненадолго, решил Сергей и свернул к четырнадцатитажке, где на восьмом этаже жил библиотечарь.

- Восьмого июля был тогда понедельник. Точное время возникновения Оболочки установить не удалось - известно лишь, что это произошло в *ночь* с воскресенья на Понедельник. По крайней мере, утром, когда люди шли на работу, Оболочка уже функционировала, и резервация, как явление, уже состоялась. А об этом еще никто не подозревал, представляете? Люди выходили утром на работу и скапливались на южной границе перед Магистральной. Они не могли выйти и ничего не понимали!.. Конторские, наоборот, шли на работу сюда, словно в мышеловку. Пока постепенно стало доходить, что надо прекратить всякое передвижение, пока стали отчаянно выкрикивать предупреждения всем подходившим, уже почти половина служащих конторы попала в резервацию!.. Потом они тоже поняли, ринулись обратно... И началось. Крики, слезы, истерики!.. Местные, конторские - все вперемешку!.. никто ничего не соображает, все лихорадочно бегают вдоль Оболочки. Позже понаехала милиция, городские власти, военные. Они с той стороны толпятся, мы - с этой. Что делать - никто не знает. Все крутом оцепили, с Москвой стали связываться, и пошло, и поехало!.. Это был просто бред. Это был сплошной кошмар! Неделю или больше люди просто ночевали возле Оболочки, жгли костры, дежурили, все надеялись на что-то!.. Господи, Сережа, я никому не пожелаю такое пережить!..

Ревич тяжело вздохнул, покачал головой, прервавшись на некоторое время.

- А ведь нам еще повезло, - продолжил он, - Хотя тут, вообще, неуместно говорить о везении, тем не менее могло быть значительно хуже. Во-первых, дорога, проходящая через резервацию, была на тот момент закрыта на ремонт. Вы понимаете, что было бы, если бы утром по ней пошли набитые людьми автобусы, а? Сколько бы их здесь скопилось? Это же ужас!.. А во-вторых, повезло в том, что были каникулы, и школа практически пустовала. Ведь сколько могло сюда попасть нездешних детей - это же представить страшно! Столько несчастных детей, боже!..

- А власти? - глухо спросил Сергей. - Они пытались помочь?

Ревич горько усмехнулся и стал покусывать дужку очков.

- Что они могли, господи!.. - произнес он утробно. - Как можно помочь, когда не понимаешь, с чем ты столкнулся. Что они могли!.. - повторил он тихо. - Пожалуй, только то, что и сделали. В первые же дни в срочном порядке протянули заграждение вокруг резервации, наставили в округе предупреждающих плакатов, дали объявления через местные средства массовой информации. Транспортер сразу же установили, стали доставлять продукты. Что они еще могли сделать? Уж я-то прекрасно знаю, что здесь были бессильны любые средства. Если даже физическая природа Оболочки осталась тайной за семью печатями! Приборы ничего не зафиксировали: ни полей, ни излучений - о чем тут можно говорить? Кого здесь можно в чем-нибудь упрекнуть? А тем более, наша резервация была на тот момент далеко не первой, печальный опыт уже был. В том числе и в нашей стране. Результаты, как известно, повсюду нулевые. Конечно, первоначально понаехало и ученых, и журналистов, и разных чиновников. Даже военные прибыли. Пару недель ради приличия покрутились, поразводили руками, выражали сочувствия, а потом все и поутихло. С голоду умереть, дескать, не дадим, а как жить - решать вам! Вот и стали решать, когда поняли, что глупо и бесполезно питать иллюзии. Позднее стали налаживать все наши, так сказать, здешние институты. Создавать наш собственный регламент жизни. Сами понимаете, без этого нельзя, жить-то как-нибудь надо!.. Так постепенно и родились и эти жесткие медицинские правила, и регулярные сверки населения, и запрет на рождение детей и все остальные наши прелести!.. Сначала все это казалось диким, потом привыкли со временем. Вот и живем себе уже четыре года. Сначала дни считали, потом месяцы, а сейчас уже никто ничего не считает. Смирение и покой. Даже к жеребьевкам стали без дрожи относиться.

Он умолк, покусывая губы. Молчание длилось около минуты, после

чего Сергей поинтересовался:

- А насколько она вверх простирается, Оболочка?

- Вопрос, конечно, интересный, - сказал Ревич. - Насколько Оболочка простирается вверх!.. Неизвестно, Сережа. Пытались понять, каковы геометрические формы у Оболочки, но так толком ничего и не поняли. То, что не сфера - это точно. В конечном итоге, кажется, пришли к мнению, что Оболочка - это что-то типа столба. Есть ли у нее верх, где этот верх - неизвестно. Ее же ничем не исследуешь, да еще эта «полупроводимость» мешает!.. Как, спрашивается, оценить размеры Оболочки, ежели никакими приборами она не регистрируется? Да еще проблема в том, что снаружи, в принципе, можно понагнать ученых, техники, оборудования, то да се!.. И что? Кто сюда добровольно пойдет? Было несколько добровольцев, как водится, да только ничего из этого не получилось. Не так-то все просто. Поначалу думали как-то вертолеты приспособить, какие-то канаты, тележки!.. Еще были другие проекты, самые неосуществимые!.. Дело-то понятное, людей жалко, сторука чего не напридумываешь? Потом, когда один вертолет разбился, пыл очень быстро угас. Два летчика погибли, кстатн говоря.

Ревич вздохнул, снял очки и умолк, потирая веки.

- А вглубь? - спросил Сергей.

- Что - вглубь?

- Насколько она вглубь уходит?

- А то же самое!.. Никто не проверял. Во-первых, я не представляю, как это можно сделать. А, во-вторых, зачем? Тоннель рыть? Несерьезно, Сережа.

- А канализация?

- Помилуйте!.. Это только на Западе канализационные трубы такие, что можно идти во весь рост. А у нас!.. Чтoб помереть, в нашей канализации, и Оболочка не нужна! - Он на мгновение задумался. - Все это не то!.. Нельзя эту проблему пытаться решить примитивными способами.

- А кто-нибудь пробовал насильно пройти сквозь Оболочку? - спросил Сергей.

- Насильно - это как? - сказал Ревич, вскинув брови.

- Ну!.. Несмотря на ощущения.

- Но вы же пробовали! Разве вы не ощутили, что вот еще шаг и - конец?

- Ощутил, - сказал Сергей. - Тем не менее!.. Кто-нибудь проверял?

- Да, были такие, конечно, - сказал Ревич. - В самые первые дни. Рискнули. Один ведь что удумал? Решил не доверяться своим чувствам. Раз ноги подкашиваются, силы покидают, то он просто-напросто прикрутил себя к рулю грузовика, ноги - к педалям!.. Короче, продумал все до мелочей, и дал газу.

Ревич сделал паузу и водрузил очки обратно на нос.

- Ну и?..

- А как вы думаете? - Он невесело усмехнулся. - Хорошо, что на шоссе ни в кого не врезался. Понимаете, мне кажется, нельзя так уж недооценивать ту силу, которая создала Оболочку. Ведь едва столкнувшись с принципами резервации, уже сразу начинаешь понимать, что с нахрапу, с наскоку ничего тут не сделаешь! Вы согласны со мной? Если б все так было просто!.. Потом еще кто-то один тоже возомнил себя Икаром. Это быстро прошло. Такие примеры, хоть и чужие, здорово отрезвляют, поверьте.

- А отчего они умерли?

- Ни от чего. Просто перестали жить, и все. Известен вам такой диагноз?

Он откинулся на спинку дивана и скрестил на груди руки. В тишине было слышно тиканье настенных часов да приглушенные звуки хозяйского магнитофона за дверями комнаты.

- Я вам больше скажу, Сережа, - проговорил Ревич. - Было ведь, кстатн, много попыток обмануть принцип разумности. Какие только пути не пробовали, а-э, что вы!.. Самое простое, конечно, это сон, да? Ну, первое, что в голову приходит!.. Пробовали сон. Что дальше? Анабнос пробовали, гипноз пробовали, пьяными до бессознательного состояния напивались!..

- А клиническую смерть? - спросил Сергей.

- Были и такие идеи, - кивнул Ревич, - Только с клинической смертью шутки-то, знаете ли, плохи. Она, между прочим, от обычной ничем не отличается, насколько я знаю. Да и затея эта сильно походит на русскую рулетку.

- Хотите сказать, что потом могут не откатать?

- Не только это. Неизвестно, как на этоотреагирует Оболочка. Вы бы, например, рискнули? Вот видите!.. Я же говорю, это не та

задача, которую можно решить, посидев и пошевелив мозгами вечер-дугтой. Это было бы слишком просто.

- Как же, по-вашему, тогда эту задачу вообще решать? - спросил Сергей.

- Как угодно, но только не тривиальными методами, - вздохнул Ревич. - Тривиальные методы заранее обречены на провал. Решение не лежит на поверхности, вот в чем дело.

- А есть оно вообще? - усомнился Сергей. - Решение-то?..

- Тут мнения расходятся, - произнес Ревич, разводя руками. - Каждый считает так, как находит нужным считать. Помните, я вам уже говорил, что здесь каждый сам для себя определяет, что такое для него резервация. И, может статься, что не следует даже пытаться найти какое-то общее решение. Понимаете меня? Я вам не рассказывал, Сережа, о проекте глобального анабиоза? - спросил он. - Был такой в свое время. Знаете, в те времена, когда еще вокруг резервации отиралась всякого рода научная братия, среди прочих бродила одна идея. - Он задумался на какое-то время. - Так вот, согласно этой гипотезе предполагалось, что Оболочка есть некое бионергетическое образование и представляет собой как бы симбиоз, некоторый сплав, что ли, индивидуальных разумных энергетик всех населяющих резервацию людей. То есть, якобы, каждая конкретная энергетика мыслящего индивидуума в резервации представляет собой элемент Оболочки. Понимаете? Она состоит из них, будто из кирпичиков. Получается, что население резервации само держит себя в энергетическом коконе. Причем кокон этот поляризован, что каким-то образом и связано с четным количеством индивидуальных энергетик. Чтобы разрушить Оболочку, утверждал автор, можно попытаться погрузить всех резервистов одновременно в анабиоз или какое другое состояние, что временно ликвидировало бы Оболочку, ну и так далее...

Он замолчал, что-то вспоминая, и Сергей поднялся с кресла.

- Как? - немного разочарованно произнес Ревич. - Посидите уж еще! Боюсь уж быстро... Чаю не хотите - тогда так просто побудьте! - Нет, спасибо, - сказал Сергей. - Засиделся я у вас. Домой надо идти, а то у Кирилла там уже, наверное, предохранители в мозгу перегорели.

- М-да-а... - протянул Ревич. - Кирилл хороший. Вы держитесь за него, Сережа. В резервации многие изменились за эти годы. А Кирилл молодец.

- Вот он-то меня и ждет, - сказал Сергей, направляясь к двери. - Ну, до свидания. Спасибо за то, что уделили мне время.

Кирилл отложил листки, встал с дивана и, скрестив руки на груди, снова стал рассказывать по комнате. Возле стола он на несколько секунд остановился, взял пустую пачку из-под сигарет, озабоченно повертел ее в руках и почесал в затылке.

- Может быть, небольшой перерывчик? - предложил Сергей. - А то голова гудит...

- Я все равно чувствую, что это он, - пробормотал Кирилл, сверля взглядом пачку. - Не могу доказать, но вот чувствую!

Он бросил пачку обратно на стол и продолжил свое рассказывание.

- В конце концов, почему тебя заклонило именно на Климе? - спросил Сергей устало. - Среди полутора тысяч человек достаточно людей с таким же телосложением и ростом.

- Но среди людей с таким же телосложением и ростом будет очень немного тех, кто станет по ночам срывать с женщин сережки!

- Тебе фигуру нападавшего описала только одна пострадавшая. А вдруг у нее такое же предвзятое отношение к Климу, как и у тебя? Я полагаю, в резервации у многих предвзятое отношение к нему. Тут ничего удивительного нет.

- Да при чем здесь предвзятое отношение? - поморщился Кирилл.

- Я же не говорю, что надо идти и арестовать его!

- А что же ты предлагаешь, Кир?

- Думать надо, - сказал Кирилл. - Пусть это окажется не Клим, но я все равно его проверю. Понимаешь, Серега, меня беспокоит, что этот грабитель слишком нагло действует. Или это непрофессионализм, или он просто не боится. Вопрос: почему он не боится? Если этим занимается Клим, то наступит момент, когда он допустит ошибку. А так как я взял его под пристальное наблюдение, то любой ближайший прокол его будет засвечен. Вот тогда он и будет у нас вот где! - Кирилл потряс в воздухе рукой, сжатой в кулак. - И вообще - у меня интуиция!

- А доказательства? - сказал Сергей.

- Хорошо, - вздохнул Кирилл после паузы. - Давай собирать

доказательства, факты... Только на это опять уйдет время! Ты знаешь, сколько времени ходит запрос, когда мы его посылаем наружу? Кстати, скоро должен придти, наверное...

- Кто должен придти? - не понял Сергей.

- Запрос, - ответил Кирилл. - Я просил Филина послать в город запрос насчет Клима. Он у нас запросами занимается. Пусть они там в городе проверят по своим каналам его прошлое. Так что темная лошадка должна скоро немного посветлеть.

- Слушай, давай все-таки немного передохнем, а? Чаю хоть хлебнем.

- Чаю, чаю... - пробормотал Кирилл. - Я вот сигареты, понимаешь, забыл купить. Идти придется.

Он сел на диван и откинулся на спинку, заложив руки за голову. Однако в этой позе он пребывал недолго. Резко развернувшись к Сергею, он заговорил:

- Тут вот что еще интересно... - глаза его прищурились. - Ситуация с Климом имеет одну особенность. Дело в том, что Клим может покинуть резервацию в любой момент, когда пожелает.

- И что это объясняет?

- Да то, что если, предположим, Клим решил в ближайшее время слинять из резервации, что тогда?

- И что тогда?

- Да он хапает, по идее, все, что успевает. Потом ищи ветра в поле! По крайней мере, если он скоро подаст заявку в ООН, я не удивлюсь. Боюсь только, если такое произойдет, то мы можем не успеть его взять.

- Кир, не беги впереди паровоза...

- Ты сам прикинь: зачем здесь, в резервации, это награбленное золото? Что с ним тут делать? Козау ясно, что оно предназначено для переправки наружу. Ты чувствуешь, как все сходится?

- Я чувствую непреодолимое желание выпить чаю! - сказал Сергей с напором.

- Ладно, черт с тобой, - махнул рукой Кирилл. - Иди делай чай, а я сбегать до киоска, пока он не закрылся. Непреодолимо, понимаешь, охота курить.

С озабоченным видом Кирилл вышел из комнаты и через некоторое время входная дверь за ним захлопнулась. Сергей сгреб все листки с записями и направился на кухню. Он включил под чайником газ, уселся за стол, нашел один из листков и пробежал его глазами. Прыгающим почерком Кирилла там было написано: «1). Смирнова Евгения Петровна, 29 лет, техник участка опытного оборудования, не замужем, Январская, 8 - 51, Ахметзянова К.С. 2). Бурза Андрей Владимирович, 33 года, ст. инженер отдела 08, женат, Солдатова 4 - 14, семья Турских, 5 мая не вышел на работу. 3). Котельникова Светлана Анатольевна, 25 лет, инженер-конструктор, не замужем, Солдатова 8 - 48, семья Семеновых». В результате взволнованных и эмоциональных рассказов Кирилла о своих попытках расследовать эти странные случаи, найти хоть какие-то следы, ведущие к разгадке, или хотя бы намеки на них, в результате их многочасовых обсуждений вырисовывалась следующая картина. Примерное время пропажи первой девушки определялось как февраль-март прошлого года. Именно тогда она не появилась на очередной квартальной сверке в марте. Любопытным было, что незадолго до того, третьего февраля, Смирнова неожиданно для всех уволилась с работы, не дав по этому поводу никаких вразумительных объяснений. Но на объяснениях никто особенно в то время и не настаивал (в конце концов, это личное дело каждого - когда и при каких обстоятельствах увольняться), и все прошло довольно незаметно. Подруг, кроме Тины, у Смирновой в резервации не было, да и Тина (как выяснил у Кирилла Сергей) практически ничего интересного не сообщила. С ее слов выходило, что для нее исчезновение Смирновой было такой же полной неожиданностью, как и для всех остальных. Бабка Ахметзянова, у которой жила Смирнова, была законченной алкоголичкой с весьма ограниченным кругом потребностей и индифферентным отношением ко всему окружающему. Она абсолютно никак не прореагировала на исчезновение своей квартирантки и даже не смогла вспомнить, когда видела ее в последний раз. Второе исчезновение произошло спустя два месяца. Случай с Бурзой выглядел чрезвычайно просто. Он просто не вышел на работу пятого мая, хотя четвертого был и на работе, и дома. Прочесывание территории резервации опять ничего не дало. Но самое странное было в том, что в обоих случаях не нарушилась четность. Это было самое необъяснимое явление, которое давало пищу для всевозможных толкований. В кругах, имеющих доступ к этой информации, поговаривали даже о появлении нового принципа резервации, который еще только предстоит понять.

Во избежание возможной паники мэррия стала предпринимать отчаянные попытки ограничить распространение информации о пропажах, и это ей вполне удалось. С необъяснимостью, как водится, смирились, а оба дела постепенно замяли. На последующих свертках никто больше не пропадал, и страсти постепенно улеглись. Возможно про все это со временем и забыли бы, если бы спустя год история вдруг не повторилась, причем с развитием событий по знакомой схеме.

Инженер-конструктор Котельникова почти точь-в-точь повторила сценарий исчезновения Смирновой с некоторыми неприципиальными различиями. Она не стала увольняться из конторы, а взяла бессрочный отпуск с двадцать четвертого марта этого года, спустя три недели после свертки. На работе она объяснила свой уход тем, что хочет попробовать себя на стезе воспитателя детишек, в семье хозяев сочинила что-то про переезд на другую квартиру, якобы по указанию ООН. В общем, как и в первый раз, ни у кого не возникло никаких подозрений, и Котельникова благополучно канула в Лету. Стабильность резервации снова оказалась нетронутой, и в очередной раз запахло паникой. Вырисовывалась таинственная система, по крайней мере, первый и третий случай имели явное сходство. Обе девушки были не местными, обе вели довольно отчужденный образ жизни и почти ни с кем не общались, обе жили на одиночном подселении - словом, имели достаточно необходимых условий, чтобы исчезнуть как можно более незаметно. Главнейшие вопросы заключались в том, действительно ли они хотели этого и зачем они хотели этого, или же они стали слепыми жертвами чьей-то неведомой воли. Вот уже две недели Кирилл отчаянно пытался найти хоть малейшую зацепку в этом деле, целыми днями носился по резервации, поднимал материалы годичной давности, повторно опрашивал всех возможных и невозможных свидетелей. По вечерам он вовлекал в эту головоломку Сергея. С Кирилла ежедневно что-то требовал Барновский, ситуация осложнялась еще и тем, что через две недели в резервации предстояло отчетно-перевыборное собрание, вероятность утечки информации была очень велика, и все это, конечно, не играло на руку теперешней власти. Кирилл буквально лез из кожи, добросовестно пытаясь родить хоть какую-нибудь видимость результата, но дни шли за днями, ничего, кроме абстрактных гипотез различного толка не появлялось, времени до выборов оставалось все меньше и меньше, лицо Барновского становилось все более хмурым, а вид у Кирилла - все измученней.

Чайник на плите закипел. Заваривая чай, Сергей продолжал размышлять. Вспомнилась сегодняшняя случайная встреча с Лыткиным. Это произошло днем в столовой. Несколько дней назад Валера показал Сергею щуплого приземистого, усатенького Лыткина. С того дня в разговорах между собой они стали называть его «клиентом». А сегодня Сергей заметил Лыткина за одним из столов и намеренно сел рядом. Он наблюдал за ним в течение всего обеда. Заурядный одинокий инженер в возрасте сорока с чем-нибудь лет. Ходит покорно на работу, кушает в столовке гречневую кашу с котлетой, ждет удачи в розыгрыше, ворчит на Вселенную и потихоньку спивается... Никак этот Лыткин не тянул на таинственную фигуру, знающую способ проникнуть через Оболочку. Ну никак не тянул. Но переубедить Валеру, с азартом взявшего раскручивать это дело, было невозможно. Да с другой стороны, Сергею и не особо хотелось его переубеждать. Будь что будет, думал он. К тому же из головы в последнее время никак не выходила поговорка про тихий омут и его обитателей...

Вернулся Кирилл. Он бросил на стол уже распечатанную пачку сигарет и опустился на табурет. Сергей стал разливать чай в чашки. Кирилл бросил взгляд на листки с записями, лежащие на столе.

- Ну что, пришла в голову какая-нибудь светлая мысль? - спросил он. - Сейчас Петровича встретил. Требуется хоть что-нибудь. Я его понимаю, с одной стороны... Выборы на носу, по резервации всякие идиотские слухи ползают... Но что я ему дам? Рожу, что ли, этих пропащих душ? У нас народ ведь дурной - разорутся на собрании, бочку на полицию начнут катить...

- И что - Барновского могут не переизбрать? - спросил Сергей, размешивая сахар.

- Теоретически, конечно, все возможно, - сказал Кирилл. - Да дело-то, понимаешь, не в этом... Думаешь, Петрович об этом больше всего переживает? Ну, сместят его - а толку? Лично я считаю, что лучше кандидатуры все равно у нас нет. Барновский разве виноват, что такие дела пошлал, да еще как назовет перед самими выборами? - Он торопливо отхлебнул из своей чашки, едва не обжегшись. - Просто дурацкое стечение обстоятельств. Не переизберут Петровича - будет только хуже, вот и все.

- Слушай, Кир, - сказал Сергей, - а не может так быть, что кому-нибудь это на руку? Не в политических ли целях вся эта кутерьма?

- Ну, ты загнул... - искренне изумился Кирилл. - Ты что, Серега? Какие политические цели? Снимать с людей обручальные кольца - в политических целях? Или исчезать по непонятной причине? Смешно! Ты что, как Маркс, что ли, заговорил там... о кризисе общества, или еще что-то в этом духе?..

- Ладно, ты не распался, - проговорил Сергей. - Это я к слову... Кир, ну ведь выше головы не прыгнешь, правильно? Придется тебе их, действительно, рожать.

- Это тоже отпадает, - снова вздохнул Кирилл. - Рожать-то запрещено, вот в чем фокус-покус...

- Ну, а если нет их в резервации, этих исчезнувших-то...

- Да здесь они где-то, - отмахнулся Кирилл. - Как пить дать... Раз четность не нарушилась, значит - здесь. Сам прикинь! Спрятались где-то - не пойму только, на кой ляд им это нужно.

- Почему ты так уверен, что они именно здесь? - спросил Сергей. - Тебе не приходило в голову, что они могли найти способ покинуть резервацию, не нарушая четность?

- Тайком от всех? - скривился Кирилл. - И как это - «покинуть»? Да еще не нарушая? Никто не знает, как это сделать, а несколько человек знают и никому не говорят! С какой это стати? Для чего?

- Для чего да почему - это уже второй вопрос, Кир, - сказал Сергей. - Кто знает, с чем это связано? Может быть, это не каждому дано. Речь не о том, почему они себя повели так, а не иначе, а о том, какие вообще здесь можно делать допущения. Понимаешь, что я хочу сказать?

- Понимаю... - протянул Кирилл. - Ты хочешь все усложнить. А я, наоборот, пытаюсь упростить... Конечно, я не исключаю вероятности, что все это связано с чем-то таинственным. В конце концов, в резервации же живем, всякое здесь возможно, но... - Он в озабоченности замялся. - Понимаешь, вот не верю я в сверхъестественное, и все тут! Люди за всем этим стоят, понимаешь - люди! Их только надо раскусить. А ты что, веришь, что они, действительно, нашли способ уйти отсюда? - вдруг спросил Кирилл, пристально уставясь на Сергея.

- Да не то чтобы верю, - сказал Сергей. - Я тоже не любитель умножать число сущностей сверх необходимости... Просто я не сбрасываю это со счетов, Кир. Всегда как бы держу в голове такую вероятность. А ты сбрасываешь. И Барновский тоже сбрасывает, насколько я понял из твоих рассказов. Напрасно, я считаю.

Наступила пауза. Из головы у Сергея все никак не выходили слова Тины о тщетности поисков пропавших. Кирилл шумно засопел и стал торопливо пить горячий чай большими глотками.

- Ну, не знаю... - бормотал он при этом. - Не знаю... Вот помнишь, ты мне на той неделе советовал прощупать, есть ли связь в работе Котельниковой, Смирновой и Бурамы? Я два дня потратил на все это и ничего не выудил. Не было у них никакой связи в тематике. Смирнова так вообще техником работала, никакими разработками не занималась, чуть ли не провода на что-то там наматывала...

- Ты накапливай себе информацию, накапливай, - сказал Сергей ободряюще. - Никогда заранее не знаешь, что может пригодиться в будущем. Сейчас ты не видишь связи, а потом, глядишь, хоп - и осеняло!

- Не, в конторских делах я больше копать не буду, - заверил Кирилл. - Не там надо искать.

- Но все трое были конторские, - напомнил Сергей.

- Это простое совпадение, - отмахнулся Кирилл. - Чего ты так прикопался к этой конторе? Ты как Филин, что ли, хочешь ее во всем обвинить?

- Интересно, а в чем это Филин обвиняет контору?

- Да во всех смертных грехах... И в том числе в возникновении резервации. Первый раз узнал, что ли? Да ладно, это его личное дело... Ты мне лучше вот что скажи, - вдруг произнес Кирилл. - Появились у тебя все-таки какие-нибудь светлые мысли или не появились? Я же вижу, что у тебя шарики-ролики скрипят. Подкинь что-нибудь, только не про контору, я прошу...

- Скажи-ка мне, Кир, - задумчиво проговорил Сергей, - а как после этих исчезновений повели себя родственники пропавших? Как они отреагировали?

- Да как еще они могут отреагировать? - удивился Кирилл. - Не знаю... Они же все за пределами резервации живут - как ты за ними угладишь? Им сообщили, и все, а что еще-то? Что ты вообще имеешь в виду?

- Что ты знаешь о дальнейшей судьбе родственников? Были ли

там какие-то странности? Или этим никто не интересовался?

Кирилл пожал плечами.

- Можно сказать, что никто и не интересовался... Я не знаю, это миря такими вопросами занимается. Я помню только, что после пропажи Смирновой мать ее перестала сюда ходить. Так это понятно... А через несколько месяцев она, кажется, уехала из города. Квартиру, вроде, продала и уехала куда-то к родне. Ну, а что тут странного? Они с матерью вдвоем жили, родня в другом городе... Вполне объяснимо, я думаю.

- Получается, что мать ее не считает, будто ее дочь где-то здесь прячется. Так?

- Да откуда я знаю, что там ее мать считает! - встрепетул Кирилл. - Я с ней и не общался сроду. Ты что хочешь этим сказать?

- Ничего, - спокойно ответил Сергей. - Я только интересуюсь. Давай дальше.

- А что дальше... - Кирилл нахмурился. - К Бурзе этому тоже частенько жена бегала. Он исчез - она перестала бегать, вот и все.

- Она-то в другой город не уехала?

- Не слышал. Наверяд ли... Сынишка у них был еще маленький. Это надо узнавать, честно говоря...

- Вот и узнай, - сказал Сергей. - У вас же есть свои каналы в городских властях. Сделай запрос.

- Серега, - напористо произнес Кирилл. - Ты можешь конкретно сказать, что ты предлагаешь? Не ходи, понимаешь, кругами!..

- Объясню конкретно, - сказал Сергей. - Я предлагаю попросить городские власти установить за семьей Бурзы и Котельниковой легкую слежку. Ненавязчивую такую. Желательно найти фотографии пропавших или хотя бы составить их подробное описание. В общем, это уже дело техники. Многое зависит от того, насколько власти согласятся нам помочь. Короче, идея тебе ясна? - спросил Сергей. - Нужно проверить, не объявились ли наши пропавшие за пределами резервации. Только сделать это аккуратно, чтобы никто ничего не понял. Потому что наши ошибки должны оставаться только с нами.

- Ах, вот ты о чем!.. - несколько разочарованно протянул Кирилл.

- Это и есть твоя светлая мысль?

- А что тебе не нравится?

- Ну, я же говорю, не верю я в это...

- Я не прошу тебя поверить, Кир, - настойчиво сказал Сергей. - Я прошу тебя выяснить.

Кирилл вздохнул и почесал в затылке.

- Или это неосуществимо? - спросил Сергей.

- Да как сказать, - пробормотал Кирилл. - Сложно - не сложно... Барновского можно сюда подключить... Через мара надо... Не нравится мне это, конечно. Но если ты считаешь...

- Других идей пока нет, - заметил Сергей. - А проверить никогда не помешает. Так ведь должен рассуждать полицейский? Если это можно сделать, то это надо сделать.

- Ладно, - вздохнул Кирилл. - Попробуем что-нибудь придумать. По идее, ты прав: лучше хоть что-то предпринимать...

- Тем более, что тебе самому ничего не надо делать. Главное - правильно обработать начальство. Ну, а если ничего не выйдет, то не страшно. Отрицательный результат тоже на дороге не валяется.

- Завтра, - проговорил Кирилл. - Завтра поговорю с Барновским. И с Посаженовым.

Он замолчал, напряженно глядя в потолок.

- Ну, хватит напрягаться сегодня, - сказал решительно Сергей. - Пойдем лучше в бар!

Кирилл не отреагировал. Он навалился на стену, скрипнув табуретом, и вытянул ноги.

- А ты знаешь, о чем я тебе еще не рассказывал? - устало усмехнувшись, поинтересовался он.

- О боже, - выдавил Сергей. - О чем же еще, черт подери?

- Помнишь тогда с Валерой про Артема говорили? - медленно произнес Кирилл. - Ну, что он, мол, в город по ночам ходит. Валера еще какие-то гипотезы толкал... Я-то, конечно, во всякие эти идеи не верю, а что-то у меня внутри после того заело! Не выходит из головы, хоть тресни.

- Стал сомневаться? - спросил Сергей. - А нет ли в словах нашего Валеры частицы правды? Нет, Кир... Вряд ли Артем прикидывается. Вот в это уже я не верю.

- Не в этом дело! - сказал Кирилл. - Мне самому стало интересно узнать, куда и когда он ходит. Вот зудит где-то внутри... Я знаю, что пока не выведаю, то так и будет зудеть. Короче, решил я, Серега, за

Артемкой последить немножечко. Стал я, значит, за ним в последние дни приглядывать. Стараюсь почаще возле их дома бывать. Особенно ближе к ночи. И представляешь, Серега, вот смех смехом, а за эту неделю он дважды ходил в город ночью! Ты прикидываешь: ночью! В город! Куда? Зачем?

Кирилл резко оторвался от стены и развернулся к Сергею.

- Ночью - значит, чтобы никто не видел, - проговорил он сосредоточенно. - Но вот на кой ляд? Первый раз он пошел где-то после двенадцати, а вчера - в час.

- А я думаю, чего это вы так допоздна дежурить стали? - сказал Сергей. - А почему же ты раньше мне не говорил?

- Не хотел до времени, - ответил Кирилл. - Думал, мало ли что... А вчера все же решил, что неспроста это, Серега. Понимаешь, оба раза у Артемки с собой ничего не было. Ни сумки, ни свертков никаких... Налегке шурует парень. И по одному маршруту. Как из дома выходит, сразу сворачивает, и мимо стройки напрямик к Магистральной. По этому маршруту его очень трудно засветить. Только если специально задаться этой целью, как я...

- А он тебя видел? - осведомился Сергей. - Или ты - перебежками?

- По разному, - сказал Кирилл. - Не должен был видеть, по идее... Но вот какая штука, - Кирилл щелкнул в воздухе пальцами. - Все время, пока я за ним шел, у меня было такое ощущение, что я не один его пасу. Словно затылком чувствовал. Как будто кто-то Артема контролировал... Не знаю, может, показалося... Ночью всякое может показаться. Короче, чертовщина какая-то. Что все это означает, а? Ты знаешь, я даже в один момент засомневался: вдруг он вовсе и не того, - Кирилл покрутил пальцем у виска. - Шутки шутками, Валера всякого может набрехать, конечно... Но даже я засомневался, Серега! Не так чтобы на полном серьезе...

- Погоди-ка, - сказал Сергей. - Что ты дальше-то решил делать?

- Пока ничего, - ответил Кирилл. - В личные контакты с семейством Чистяковых, я считаю, вступать еще рано. Пока копим информацию, наблюдаем... Я еще знаю, что хочу? Попробовать в следующий раз дожидаться его возвращения из города! Интересно, долго он там бывает или нет?

- Кир, мне не нравится, что ты шатаешься по ночам в одиночку, - серьезно сказал Сергей.

- А кого мне бояться? - воскликнула Кирилл.

- Не знаю... Нехорошо это. Предчувствия, что ли...

- Вот веришь или нет, - вздохнул Кирилл, - а в последние дни у меня тоже какие-то такие ощущения появились... Сам не пойму. Что-то ноет и ноет... И еще странная штукавина, Серега! Сон вдруг стал сниться! Один и тот же. Сроду со мной ничего подобного не было...

Кирилл снова вздохнул и сдвинул брови.

- И сон-то какой-то странный. Будто иду это я неизвестно куда, а вокруг ничего не видно. Не то вечер, не то ночь - непонятно. Какие-то сумерки... И будто туман кругом... Я, значит, все иду и иду, ничего не понимаю, а из этого мрака какие-то тени выскакивают! Мелькают передо мной туда-сюда, слева направо... А я почему-то знаю, Серега, что это люди, но кто - различить не могу. Словно расплывается все перед глазами. И главное, я нутром чувствую, что это опасные тени, а сделать ничего не могу... Они, значит, мелькнут, и снова в сумерках исчезают. А я все иду и иду. А потом вдруг наткнусь на что-то невидимое, как бы на какую-то преграду, что ли... Неожиданно так, резко! И сон - раз - и кончается. К чему это, а?

Он умолял, облизнул губы и пристально посмотрел на Сергея.

В комнате зазвонил телефон.

- Петрович, наверное, - пожал плечами Кирилл и ушел с кухни.

Сергей допил остывший чай, встал и пошел следом. Когда он зашел в комнату, то застал Кирилла с недоуменным выражением на лице, стоящего возле телефона и вертящего в руках телефонную трубку.

- Ничего не понимаю... - пробормотал он. - Кто-то спросил, получили ли мы почту? И голос какой-то странный... Пацаны что ли бабуются?

Он положил трубку на рычаг и почесал в затылке.

- Какую еще почту? - буркнул он непонимающе. - Мы сто лет уже ничего не выписываем... Мам! - крикнул он, выходя в другую комнату. - А где у нас ключ от почтового ящика?

Через минуту хлопнула входная дверь: Кирилл вышел из квартиры. Сергей сел на диван, и тут же вновь зазвонил телефон.

- Да, - сказал он, снимая трубку.

На том конце не ответили, только слышно было, как кто-то невидимый очень шумно дышит в трубку.

- Ну что, будем в прятки играть? - поинтересовался Сергей.

В трубке хихикнули, потом хриплый голос спросил:

- Ну?

- Баранки гну, - сказал Сергей.

В трубке не то засопели, не то зачавкали, потом раздались короткие гудки.

- Хм, - произнес Сергей задумчиво и положил трубку. - Пацаны, говоришь?..

Ему почему-то показалось, что не пройдет и минуты, как позвонят снова. Но прошло больше, чем минута, никто не позвонил, зато вернулся Кирилл. Выражение лица у него было странное, какого Сергей еще никогда у него не видел. В руке он сжимал листок бумаги.

- Ты чего это? - удивился Сергей. - Что за письмо?

- А это не письмо, - ослабившись, проговорил Кирилл. - Полюбуйся.

Сергей взял протянутый ему листок бумаги. Он был сложен вдвое. На одной стороне его размашистыми печатными буквами было написано: «Зеленину», а на другой такими же буквами - «Не суй свой нос в чужой вопрос. Меньше знаешь - лучше спишь. Мы несколько раз предупреждать не будем».

- Забавно... - проговорил Сергей озадаченно. - Стало быть, «мы»?.. Слушай, сейчас опять кто-то позвонил!

- Что сказали?

- Ничего. Видимо, ждали, какая будет реакция. Кир, это не пацаны! Кирилл бухнулся на диван и стал методично колотить ладонями по коленям. В его глазах сверкала огонь.

- Нет, ты посмотри! Кто-то будет меня учить! - почему-то весело выпалил он. - Ну, что ты об этом думаешь?

- Да ничего пока что... - пробормотал Сергей. - Интересно, а какой чужой вопрос имеется в виду?

- А это неважно! - воскликнул Кирилл. - Это, Серега, неважно...

Он опять вскочил на ноги и по своему обыкновению стал ходить по комнате, насупив брови и закусив губу.

- Это неважно! - повторил он, взмахнув рукой. - Они не будут несколько раз предупреждать... Ты понял главное?

- Нет, - честно признался Сергей. - Я вообще не понял, чему ты так обрадовался.

- Это означает, - он вырвал у Сергея записку и потряс ей в воздухе, - что мы на верном пути! Это означает, что противник начал нервничать. Это означает, что мы их где-то зацепили! А раз мы их зацепили... - он подскочил к Сергею и ткнул его пальцем в грудь. - Раз зацепили, то рано или поздно должны клубочек этот распутать!

Когда зазвонил телефон, Сергей даже вздрогнул. Он снял трубку.

- Это Кирилл? - поинтересовался на том конце провода.

- Его нет, - ответил Сергей. - Что-нибудь передать?

- Серега, это Валера, - ответила трубка. - Это даже лучше, что Кирилла нет...

- Откуда ты? - спросил Сергей, косясь на настенные часы. Было уже около десяти.

- Я тебе из бара звоню, - очень быстро забубнил Валера. - Долго не могу с тобой говорить... Давай приходи.

- А в чем дело? - спросил Сергей и зевнул. - Времени, между прочим, знаешь сколько?

- Поговорить надо, а разговор не телефонный.

- Хорошо, сейчас приду.

Сергей встал с дивана, натянул джемпер и вышел из комнаты.

- Анна Васильевна, - сказал он матери Кирилла, - передайте Кириллу, что я ушел в бар. Если он, конечно, появится сегодня...

В «Мирке» он застал Валеру сидящим в одиночестве за одним из столиков у стены. Перед ним стояло несколько банок пива. Сергей пробрался к столику и сел рядом.

- Выкладывай, - сказал он, открывая себе одну из банок.

- Наш подследственный здесь?

- Здесь, здесь, - ответил Валера. - Он в последнее время почти каждый день здесь.

Лыткин пребывал в компании двух далеко не трезвых мужичков, и они о чем-то вяло спорили. На столе перед ними стояла далеко не первая бутылка водки и далеко не пустая пепельница. О чем спорила компания, не было слышно среди всеобщего гама, стоящего в баре. Лыткин был уже основательно нагружен. Он сидел, опершись на стол локтями и поджав губы, и очень часто прикрывал веки, замирая при

этом и становясь похожим на некую рептилию, греющуюся на солнце.

- С ним кто? - спросил Сергей, прихлебывая пиво. - Не ваши, я полагаю.

- Не наши. Они вполне, кстати, могут впервые сидеть за одним столом. Местное мужичье любит насажать на наших. По поводу и без повода, между прочим... У нас вчера конторе была небольшая попойка. Юбилей у одного «зама» случился... Я бы сроду на эту пьянку не пошел, если б не наш клиент. Знал, что Лыткин там будет, ну, и присоединился... Пили, ели, то да се... Я постарался, безусловно, к Лыткину поближе пристроиться. Ну, значит, сначала все было скучно и неинтересно. Я уж подумал было, ничего стоящего не будет. Но под самый занавес, когда многие уже были хороши, подсаживается к Лыткину один наш мистер из седьмого отдела... И начинает просить денег взаймы. Дай, говорит, на два месяца, я же, мол, знаю, что у тебя всегда есть. А Лыткин-то и говорит: какие два месяца, меня, значит, уже пару недель здесь не будет! Во как! С языка вроде как сорвалось! Второй-то спрашивает: а куда ты, значит, денешься? А Лыткин сразу вроде как спохватился, что не то ляпнул... Замаялся поначалу, а потом выкрутился. Хотя и бухой, а сообразил! Да повешусь, говорит, надоело все. И захихикал, значит. А я-то секу за ним и слушаю, только вида не подаю... Лыткин давай резко тему сворачивать, мол, нет денег, самому нужны и так далее... А я думаю: нет, брат, врешь! Раз разговор о сроках пошел, что-то тут не чисто. Лыткин же после того, как проговорился, даже помрачнел немного, протрезвел, затем домой засобирался... Вникаешь? - Валера выжидающе поглядел на Сергея. - Две недели, между прочим, срок маленький. Времени осталось всего ничего, понимаешь?

- Все это, конечно, забавно, - проговорил Сергей в задумчивости. - И какие шаги ты предлагаешь предпринять?

- Клиента надо брать! - уверенно заявил Валера и откупорил еще одну банку с пивом. - Счет на дни пошел, это точно. Предлагаю завтра встретиться и обсудить детали. Планчик набрасаем.

- Ладь, - не сразу ответил Сергей. - Надеюсь, ты не предлагаешь применять к нему меры физического воздействия?

- О чем ты говоришь? - Валера всплеснул руками. - Мы воздействуем на него словом. Главное, не дать ему перехватить инициативу в разговоре! Я потому и говорю, что надо как следует подготовиться. Сценарий разработать, запасные варианты... Отнесись к этому с некоторой долей несерьезности. Давай будем считать, что просто сыграем в такую игру. Даже если за этим ничего нет, то это же не смертельно, в конце-то концов. Ну, поигрались, развеяли скуку...

- Отчего бы не сыграть? - пожал плечами Сергей. - А в дураках мы потом не окажемся?

- Если только перед Лыткиным. Тебя это сильно волнует?

- Меня другой момент интересует, - проговорил он озабоченно. - Если за этим что-то есть, как ты говоришь, то чего может стоить наша игра по нашим правилам? Может получится, что мы влезем со своими правилами в чужую игру. А они могут не сработать.

- Ерунда! - уверенно заявил Валера. - Раз во всем этом замешаны обычные люди, значит, правила должны быть те же. Ну, хотя бы часть правил! Пойми, Серега, кто бы или что бы не стояло за спиной резервации, улируется-то все в людей. Тут я с Кириллом согласен.

Некоторое время они молчали. Сергей допил свое пиво и покосился на стойку бармена.

- Не вижу Баркова, - сказал он. - Странно даже.

- А они с Филиным в подсобку куда-то ушли, - сообщил Валера.

- Минут уж пятнадцать назад.

- С Филиным? - переспросил Сергей.

- Похоже, по какому-то делу... Как зашел, сразу Баркова позвал, и они ушли. Вот это тоже, между прочим, странно. Какие это могут быть отношения у Филина с Барковым?

- Ну, значит могут быть... - проговорил Сергей.

- Долго, кстати, жить будет этот Филин, - хмыкнул Валера.

Сергей посмотрел в сторону подсобного помещения. Барков уже спешил к стойке обслуживать скопившихся там и ропщущих клиентов. Филин стоял в дверях и разминал в пальцах папиросу, медленно, внимательно и подробно оглядывая помещение бара, словно желая знать с точностью до мельчайших деталей, какие произошли изменения, пока его здесь не было.

- Вот ведь сканирует, - сказал Сергей. - Мюллер местного масштаба.

- К нам, кстати, идет, - бросил Валера. - Сейчас тебе, наверное, опять про этого транспортерщика вкручивать начнет.

Филин приблизился к их столику, но заговорил не сразу. Какое-то

время он напряженно о чем-то размышлял, рассматривая пивные банки и ожесточенно продолжая мять папиросу.

- Кирилл где? - наконец поинтересовался он у Сергея сухим тоном.

- Не знаю, - ответил Сергей, внутренне приготовившись к выпадам в свой адрес.

- Ну-ну, - в усы произнес Филин и кашлянул. - Давай-давай.

- Это ты о чем? - спросил Сергей.

- Все о том же, - проговорил Филин. - Не рассказывай мне сказки. Не знает он, где Кирилл...

- Да я не видел его сегодня после обеда, - сказал Сергей. - И потом, насколько я знаю, он работает в твоём департаменте. И это я у тебя могу спросить: где Кирилл?

- Ну-ну, - снова сказал Филин. - Спроси, спроси. А ты что ли не в нашем департаменте?

- По-моему, нет, - сказал Сергей.

- А по-моему, да, - сказал Филин, вонзая в него взгляд.

- Не понял, - сказал Сергей. - Виктор, перестань говорить загадками. Если есть вопросы по существу, спрашивай.

- Все ты понял, - криво ухмыльнулся Филин, - А если не понял, то скоро поймешь. Всею свое время.

Он, наконец, перестал теребить папиросу и закурил, выпустив из ноздрей струи дыма. Его колючий, исподобья, взгляд, казалось, пытался проникнуть Сергею в самую душу.

- Может быть, ты пива хочешь? - поинтересовался вдруг Сергей.

Ему стало интересно, как отреагирует на это Филин.

- Может, и хочу, - произнес Филин. - И что тогда?

- Тогда садись и пей, - ответил Сергей.

Каким-то неведомым образом Филин в считанные мгновения нашёл рядом пустой стул и сел за стол. Щурясь от дыма папиросы, зажатой в углу рта, он открыл банку и сделал несколько больших глотков.

- Значит, ты жаждешь вопросов по существу? - сказал Филин, вытирая пену с усов.

- Совсем не жажду, - сказал Сергей. - Я, может быть, наоборот, жажду у тебя что-нибудь спросить. Могу я хоть раз что-нибудь у тебя спросить, Виктор?

- Давай-давай, - prorонил Филин, покручивая банку с пивом в руке. - Спроси, а мы посмотрим.

- Говорят, ты считаешь, что контора виновата в том, что появилась резервация? - осведомился Сергей осторожно.

- Кто говорит? - холодно поинтересовался Филин, пыхнув дымом.

- Не помню, - сказал Сергей. Ему не хотелось упоминать Кирилла.

- Какая разница? Поделись взглядами, если не трудно. Чем же это бедная контора виновата?

- Бедная?! - желчно сказал Филин. - Ох, какая бедная!.. А ты не у меня спроси! - вдруг резко сказал он. - Ты вон у него спроси! - Указательный палец Филина выстрелил в грудь Валеры. - Пусть он тебе и расскажет, чем же она виновата!

- Пошло-поехало, - качнул головой Валера и отвернулся. - Слышали мы эти байки сто раз.

- Не нравится?! - с вызовом произнес Филин. - Видишь, ему не нравится! - сказал он Сергею. - А ты поинтересуйся-ка у своего дружка, чем это таким они у себя в конторе занимались четыре года назад. Или у Когана узнай. Они думают, что никому не известно, на какое ведомство они тут работали!.. Сейчас-то уже, конечно, не те времена, сейчас-то вы на хрен никому не нужны со своей оборонкой. А в те годы все важные ходили, все секретные...

- Ну и что дальше-то? - недовольно бросил Валера через плечо. - Что из этого следует?

- Вот и расскажи своему дружку, что следует, - процедил Филин. - Досекретничали, твою мать, вот и все! Про науку все любили раньше говорить... Она же требует жертв, ошибки неизбежны - и так далее!.. Что, не ту кнопку нажали, да? Не тот контакт припаяли? Или, может, не та реакция пошла? Не думали, что так все выйдет?

- Почему же не думали? - сухо заметил Валера. - Все продумали, все рассчитали. И нажали ту кнопку, какую должны были. Почему ты решил, что произошла ошибка? Все прошло по плану, между прочим. Эксперимент не шуточный, задуман на несколько десятилетий, как сверху говорят, так и делаем.

- Давай, давай, - сквозь зубы сказал Филин. - Шутник... Что ты еще можешь сказать в свое оправдание!

- Была нужда оправдываться, - хмыкнул Валера. - Заняться, что ли, больше нечем?

- А чем вам еще заняться? - скривился Филин. - Кого вы нужны?

Сначала спорили какую-то херню, наломали дров и теперь героически страдают! Корчат из себя самых несчастных в резервации и чего-то еще и хотят! Подавай им отдельные права! Привилегии, мать твою!..

- Оказывается, мы здесь обросли привилегиями! - сказал Валера саркастично.

- Только не надо из себя дурочку строить! - бросил Филин зло. - Не вы одни здесь такие умные...

- погоди, Виктор! - встрял Сергей. - Ведь это же только эмоции. Известно тебе хоть одно реальное доказательство?

- Какое еще тебе доказательство? - Филин вновь пронзил его взглядом. - Лично мне никакие доказательства не нужны, я себе давно уже все доказал. Кстати говоря, - произнес он, поднеся указательный палец почти к самому носу Сергея, - ты на досуге изучи внимательно карту резервации и посмотри, что находится в самом ее геометрическом центре.

- Ну, видимо, контора? - предположил Сергей после некоторой паузы.

- Вот и думай теперь, - как-то злое ухмыльнулся в усы Филин, - с кем ты пьешь пиво.

Валера лишь фыркнул, мотая головой, и взял со стола очередную банку.

- Но как тогда быть с другими резервациями? - сказал Сергей. - Если для тебя уже все ясно - объясни. Разве там есть подобные конторы?

- А ты был в других-то? - глухо сказал Филин. - Или хочешь там побывать? Давай, иди! Запомни, я не был в других резервациях, и мне глубоко начихать, что там в других резервациях. Меня волнует то, что происходит здесь. Потому что я родился здесь, вырос здесь и живу здесь всю жизнь. Не как некоторые, которые приехали сюда неизвестно зачем!

- А-а, намека ясен, - сказал Сергей. - Больше вопросов не имею.

- Зато я имею, - проговорил Филин.

- А я не имею желания на них отвечать, - сказал Сергей твердо.

- Ты ведь, Виктор, сюда не за этим приходил?

Филин вдруг метнул на него подозрительный взгляд.

- Ну-ну, - произнес он, кивая.

Затем он затушил папиросу, в несколько мощных звучных глотков осушил банку пива и встал.

- Что ж, - проговорил он, рассматривая пустую банку на ладони, - веселитесь дальше. Только один совет, Шепилов, - он недобро прищурился. - Не думай, что ты здесь один такой умный.

Он с хрустом сжал банку в кулаке, бросил ее на стол, развернулся и направился к выходу.

- Каждый сходит с ума по-своему, - заметил Валера.

Возле столика возник Барков. Вид у него был усталый. Он сел на стул, где только что был Филин.

- Здорово, братцы, - сказал он. - Мне показалось, у вас был, какой-то напряженный разговор?

- Да пошел он, - обронил Валера. - Шизофреник какой-то...

- Ничего особенного, - сказал Сергей. - Все было вполне в его стиле.

- А это у него бывает, - согласился Барков. - Мой вам совет: просто не обращайтесь внимания. Его же тоже можно понять в какой-то степени. Эту его ненависть к конторе. Не оправдать - нет, - а просто понять.

- Неужели? - удивился Сергей. - Никогда бы не подумал.

- Ты просто, видимо, не знаешь эту историю, - произнес Барков, поглаживая бороду.

- Это что-то про его дочку? - сказал Валера. - Как-то что-то слышал про это... Давно, правда... Все равно, пошел он подальше.

- Что за история? - спросил Сергей.

- Очень грустная, - сказал Барков, вздохнув. - Это случилось где-то года два или три назад... У Филина есть дочь, ей тогда было лет семнадцать, кажется. Аней зовут. И жил у Филина на подселении в то время один конторский. Молодой такой парень двадцати с чем-то лет... Очень красивый был, надо сказать. И завязался у него с дочкой Филина, значит, роман. Обстоятельства, сам понимаешь, провоцирующие... Но роман завязался, надо сказать, не сразу, а в один прекрасный момент. Так-то он был тихий скромный парень, и к дочке Филина как бы и не лез. Тут, вроде, все ясно, папаша - мужик серьезный, не дай бог дочку его обидеть. Тем более Филин в ней души не чаёт... Одним словом, рискованное это было дело - кленться к Филиновой Анютке. И тут происходит следующее. На каком-то из розыгрышей

парню этому выпадает жребий, понимаешь? Это означало, что жить в резервации ему оставалось два-три месяца от силы. Пацан-то и смекнул, видимо, что раз через два месяца его здесь не будет, то можно этим воспользоваться. А информация о кандидатах в то время была еще более секретная, чем сейчас. То есть даже Филин, работник полиции, не знал о том, что его жилец скоро исчезнет. Знал бы, так, может, и не случилось бы ничего... Ну и вот. Паренек своей потенциальной безнаказанностью и воспользовался. Уж неизвестно, каким образом он охмурил Аниютку, наверно, напел на уши и про женитьбу, и что никуда из резервации не уедет, и все в таком духе... Вскружил девке голову на полную катушку. Каким-то образом он уговорил ее ничего не говорить родителям, в общем - полная конспирация. И вот попользовался он ею какое-то время, а в один прекрасный день раз - и, как положено, исчез. Ищи ветра в поле... Для Аниютки Филиновской это был удар, братец, сам понимаешь. В общем, ее чудом откачали - она наглоталась каких-то таблеток. С месяц, наверно, Филин с женой ее выхаживали. Понимаешь, жить-то она осталась, но... Совершенно девчонка переменялась. Сначала думали, что с ума сошла, но нет, вроде, не сошла - резервация ее чувствует... Только интерес к жизни утратила почти полностью. Какой-то у нее внутренний надлом произошел. Ничего в жизни не надо, сидит весь день дома. Ну, сам понимаешь... У кого есть дети, тому больше и объяснять не надо. Что может быть хуже, чем поломанная судьба ребенка?

Барков замолчал, грустно глядя в окно. С минуту он что-то рассматривал там, а потом продолжил:

- С тех пор Филин и возненавидел контору и все, что с ней связано. В первые дни он вообще сам не свой по резервации носился. Хотели даже у него оружие забрать - боялись, как бы не пристрелил кого из конторских. Время, конечно, лечит раны, но не до конца. Рубцы все равно остаются. Ладно, мужики, - Барков тяжело поднялся. - Болтать можно долго, а работать все одно надо...

Выпив по последней баночке в полном молчании, Сергей и Валера покинули бар и разошлись каждый в свою сторону. Когда Сергей пришел, Кирилла все еще не было. Сергей разделся, прошел и поинтересовался у Анны Васильевны, не появлялся ли Кирилл. Кирилл не появлялся, ответила она обеспокоенно. Несколько раз ему звонил Барновский, был очень озабочен и недоумевал, почему Кирилл до сих пор не объявился. Звонил ли кто-нибудь еще, спросил Сергей у Анны Васильевны. Она ответила, что еще пару раз в течение получаса кто-то звонил, но ничего не говорил - только молчал, а потом вешал трубку. Сергей бухнулся на диван, но сообразить ничего не успел - раздался телефонный звонок. Опять Барновский, подумал он. До завтра, что ли, не терпится?

Он снял трубку.

Это оказался не Барновский. Это оказалась Тина.

- Привет, - произнесла она каким-то странным голосом. - Я звоню и звоню... Ты где ходишь?

- Дела, Тина, - ответил Сергей. - Что-то стряслось?

- Приходи, - проговорила она. Тон у нее был не то замученный, не то испуганный. - Мне жутко одной. Мне страшно... Надо поговорить.

- Тина, что произошло? - снова спросил он.

- Приходи немедленно, - требовательно сказала она. - Сейчас же! Сергей ничего не успел больше ответить, потому что Тина бросила трубку.

Нет, подумал он, тихий уютный вечерок сегодня вполне определенно не получится. Только-только собрался капитально расслабиться... Расстопить, допустим, камин, зажечь под образами свечи... Потом согреть кувшин грога, укрыться пледом в кресле-качалке и, попыхивая в полудреме трубкой, умиротворенно слушать раскаты грома и завывания ветра за стенами замка. И предаться размышлениям о странностях человеческого бытия. М-м-да. Есть на этот счет, барон, большие сомнения...

Тину в таком состоянии он увидел впервые.

Лицо ее было серьезное и очень взволнованное. В глазах сквозил страх, и она нисколько не пыталась его скрыть. Держа в руке зажженную сигарету, Тина все время куталась в вязаную кофту. Вслед за ней Сергей прошел на кухню. Тусклый светильник над столом освещал пепельницу полную окурков, початую бутылку коньяка и рюмку.

- Ты это чего? - озадаченно спросил он, поглядывая по сторонам. - Денис уже спит?

Тина села на табурет и вжалась в угол. Он примостился рядом и взял ее за руку.

- Выкладывай, - потребовал он, заглядывая ей в потухшие глаза.

- Помнишь наш разговор о Женьке? - тихо спросила Тина, глядя в пол. - Несколько дней назад? Я тебе тогда сказала неправду. Вернее, не всю правду...

Сергей молчал. Тина сделала несколько затяжек. Пальцы ее слегка подрагивали.

- А теперь? - спросил он после паузы.

- Теперь я хочу, чтобы ты знал все, - сказала она. - Я все эти дни думала, думала... Решала, имею я право говорить или нет... Потом я решила... - Она загнула губы и стала кусать губы. - Не хочу, чтобы что-нибудь случилось с Кириллом. Не хочу, чтобы что-нибудь случилось с тобой. И вообще, я не хочу, чтобы с кем-нибудь что-нибудь случилось!

- Это очень опасно, Тина? - спросил Сергей. - Ну, посмотри на меня...

Она, наконец, подняла на него свой печальный взгляд.

- Не знаю, - одними губами сказала она. - Но я боюсь, очень боюсь!.. Я не знаю, что за этим стоит и чем это может обернуться!.. Мне очень страшно, Сережа! - дрожащим голосом воскликнула она. - Не уходи сегодня никуда, ладно? Живи пока у меня! Я боюсь одна оставаться дома...

- Тина, Тина, - успокаивающе заговорил Сергей, поглаживая ее по волосам. - Во всем разберемся... Я только ничего не могу понять. Ты объясни...

- Я тогда сказала, - торопливо заговорила она, - что Женьку бесполезно искать в резервации... Это правда так, потому что я точно знаю, что ее здесь нет. Ее давно уже здесь нет, Сережа. Она ушла отсюда тогда навсегда, понимаешь? Я давно об этом знала.

- О чем знала? Что она собирается покинуть резервацию?

- Нет, подожди... - замотала головой Тина. - Послушай меня... Не перебивай. Это не так. - Она затихла, глубоко вздохнула, прикрыв глаза, и затем продолжила:

- Я не знала, что Женька собирается покинуть резервацию. Она мне никогда об этом не говорила. Правда однажды - где-то за несколько месяцев до ее исчезновения, - она спросила меня, как, мол, я отнесусь к тому, что когда-нибудь она исчезнет из резервации? Я, помнится, тогда ответила, что буду только рада за нее... Я-то ведь не восприняла это всерьез! Это сейчас, когда я вспоминаю наши разговоры, мне кажется, что она мучилась этим... Понимаешь, ей, видимо, надо было с кем-то поделиться, но она очень боялась. И потом, она никогда больше об этом со мной не говорила... Ведь когда она пропала, для меня это тоже оказалось полной неожиданностью и я, как и все, ничего не понимала. До того момента... - Тина облокотилась об стол, и пепел рассыпался по белой пластиковой поверхности, - ...пока не получила от Женьки письмо. Примерно через полгода после ее пропажи. Представляешь мое состояние? Я три ночи не спала...

Она замолчала ненадолго, докурила сигарету и затушила окурки в пепельнице.

- Хочешь коньяка? - спросила она.

Сергей отрицательно помотал головой.

- Обратного адреса не было, - продолжила хмурая Тина. - Женька писала, что никто не должен знать про это письмо, чтобы я сразу же его уничтожила... Что жива-здорова, что они продали квартиру и уехали к родственникам. Писала, как пытаются обустроиться на новом месте, ну, и все такое... О самом главном - почти ничего. Только в самом конце... - она тяжело вздохнула.

- Ты можешь показать мне это письмо? - вставил он. - Или ты его тоже выбросила?

- Почему - тоже? - пожала плечами она. - Я его сохранила. Конечно, я тебе его покажу, если уж решила все тебе рассказать.

Она встала, подошла к настенному шкафчику и извлекла оттуда несколько сложенных вдвое листов бумаги.

- Вот, - сказала Тина и положила письмо на стол. - Читай. Только все не надо, там ничего интересного - я тебе уже сказала, что там... Вот отсюда читай, - она показала пальцем, затем отошла к окну и стала смотреть в темноту двора, скрестив на груди руки.

Сергей склонился над письмом.

«... И еще, Тиночка, - гласили мелкие прыгающие строчки. - Ты, наверное, читаешь и удивляешься, почему я ничего не пишу о том, как я выбралась оттуда. Поверь мне, лучше тебе этого не знать... Я меньше всего на свете хотела бы, чтобы ты когда-нибудь узнала всю правду. Потому что это так страшно. Страшно и больно. Может быть, когда-нибудь ты и узнаешь правду. Может быть, ты и поймешь меня, а может - и нет... Я сама себя с тех пор не понимаю. Прошло уже три месяца, а я по-прежнему просыпаюсь по ночам от кошмаров и спрашиваю себя,

неужели это все произошло со мной? Неужели это была я? Дело в том, что я пожалела о случившемся уже через день. И с каждым днем я все больше и больше ненавижу и проклинаю себя. Господи, ведь я наказала себя до конца жизни! Никому - понимаешь, Тинка, никому! - не пожелаю испытать то, что испытала я. Иногда просыпаюсь утром и задаю себе вопрос: зачем я проснулась?

Последнее, Тина. О тех людях, которые устроили все это. Мне следовало бы молчать, но совсем молчать я не могу. Потому что в резервации осталась ты и другие. Я хочу, чтоб ты знала, кто замешан в этой истории. Да ты, наверное, их знаешь. Это сантехник из ЖКО Чистяков. Маленький такой, лысенький, сын у которых еще тронутый. И жена его еще. В общем, семейка... Живут они в своем доме на окраине резервации. Упаси тебя господь, Тина, когда-либо связаться с ними. Заклинаю, держись от них подальше. Это страшные люди, если их, конечно, можно назвать людьми... Говорю про них только тебе одной, на всякий случай - мало ли что. Просто помни об этом и не говори никому, если не хочешь несчастья мне. Хотя какое тут может быть счастье? Но если когда-нибудь ты увидишь или узнаешь, что у вас в резервации начнет твориться что-то похожее, если кому-нибудь может угрожать опасность - тогда попробуй что-нибудь сделать. Не хочу, чтобы кто-нибудь пострадал еще. А если из-за этого пострадаю я - что ж, значит, такова судьба моя. Значит, мне суждено выпить мою чашу до самого дна. Если, я, конечно, к тому времени не наглотаюсь таблеток. Знаешь, есть такая мысль... Наглотаться с вечера, чтоб больше поутру никогда не задавать себе эти дурацкие вопросы. Тинка, родная, прости еще раз, что я молчала так долго, прости, что заканчиваю на такой мрачной ноте, но так уж вышло... Только бог знает, будет ли мое следующее письмо. Будь счастлива и не поминай меня лихом. Женька».

Какое-то время Сергей сидел молча и барабанил пальцами по поверхности стола. Тина тихо подошла сзади и положила руки ему на плечи. Спокойствие, нарушенное еще в баре, теперь окончательно испарилось.

- Стало быть, Чистяков, - медленно произнес он.

- Ты знаешь, - сказала Тина уныло, - я как письмо получила, так больше в ЖКО ни ногой. Кран уже полгода течет, надо чинить, а как подумаю... Дрожь берет.

Черт подери, думал он, к чему бы все это? Интересно, не принесет ли чего Кирилл на закуску?.. Впрочем, Кирилла я увижу только завтра. Хотя, если у него чего есть на закуску, он поднимет из постели в любое время... Нет, ну каково тебе, родной, а? Сантехник из ЖКО - выдал! Вот тебе и тихая семейка, вот тебе и несчастные родители. В тихом омуте, в тихом омуте... Хотите покинуть резервацию, сэр? Это, знаете ли, элементарно, Ватсон! Идете в ЖКО и оформляете заявку... А что тут удивительного? У нас с этим, знаете ли, любой сантехник справляется...

- ... не слышишь, что ли?! - заглянула ему в лицо Тина.

- Извини, - пробормотал Сергей.

- Я говорю, придумайте с Кириллом как-нибудь, чтоб Женька не пострадала. Ведь можно же? А то начнут докапываться до ее родственников, адрес вычислят и все такое...

- Это, конечно, может быть, - согласился он и снова задумался.

Сидит себе, значит, такой сантехник, размышляя он, вентили починает, прокладки меняет, а на досуге, значит, может при желании кого-нибудь наружу переправить. В свободное, разумеется, от работы время, не вытирая промасленных рук... Ох, не боги горшки обжигают, ох не боги!..

- «Сидит сантехник на крыше...» - невесело пропел Сергей и ухмыльнулся, качая головой. - М-да, Тина...

- А мне теперь что делать? - в отчаянии спросила она. - Я Женьку не хочу подставлять, а с другой стороны... Я все эти дни сижу и не могу решить... А потом, думаю: а вдруг ее уже нет в живых? Не дай, конечно, бог... А я тут сижу и скрываю, получается!.. Что делать, Сережка?

- Погоди, Тина, - сказал Сергей озабоченно. - Никто же завтра не побегит этого Чистякова арестовывать. Во-первых, должно быть какое-то основание, во-вторых, тут надо хорошо подумать... Ох, и будет мозгового скринпу, чувствую!

Он снова пробежал глазами письмо. Тина тем временем налила себе в рюмку коньяку и выпила.

- Теперь ты представляешь мое состояние? - сказала она жалобно.

- Слушай, Тина, - сказал Сергей. - А почему она пишет про какие-то три месяца?

- Я тоже этого не поняла, - пожалла плечами Тина. - Письмо пришло через полгода после того, как Женька исчезла. Не знаю даже...

- Ты мне его отдашь? - спросил он. - Хотя бы эту часть?

- Господи, возьми целиком, - вздохнула она. - Какая теперь разница...

- Замечательно, - произнес Сергей, пряча листки во внутренний карман. - Кирилл будет страшно доволен. Представляю его физиономию.

Тина обвилась вокруг его шеи и он почувствовал ее горячее дыхание с привкусом коньяка.

- Знаешь что? - прошептала она ему в ухо. - Давай сегодня больше об этом не будем? Давай ляжем спать.

- Ты думаешь, мы сможем спать? - с сомнением сказал он.

Тина села к нему на колени и положила голову на плечо.

- Я думаю, сможем, - грустно улыбувшись, сказала она. - У нас же еще целая бутылка.

Кирилл вздохнул и несколько минут задумчиво глядел на крышу соседнего дома. Потом он заметил, что сигарета в его руке давно потухла и выбросил ее вниз.

- Еще день прошел, - сказал он Сергею, прислушиваясь к доносящимся из комнаты возгласам. - Устал сегодня опять, как собака. Все будто очумели, все чего-то требуют. Только и слышишь целыми днями: выборы, собрание!.. Заиграло очко-то у начальничков! Второе число совсем скоро. А результатов - ноль.

- Хочешь бросить результат к ногам избирателя? - спросил Сергей.

- Это не я хочу, - проговорил Кирилл. - Это они хотят. Барновский хочет, мэр хочет... Мне-то что? И вообще, у меня какое-то нехорошее предчувствие. Что-то скоро произойдет.

- Это ты о чем? - спросил Сергей. - Опять про свой сон?

- Не только... Обо всем, - ответил Кирилл хмуро. - О нашей ближайшей жизни. На душе неспокойно. Кстати, ты пока молчи про Чистякова. Ни к чему сейчас об этом трепаться.

- Само собой, - сказал Сергей. - Ты знаешь, и мне почему-то кажется: что-то случится скоро... Совпадение?

- А бог его знает...

Возгласы в комнате стали громче.

- Чего это они звук прибавили? - сказал Кирилл. - Опять нашла коса на камень. Иваныч, пошли в комнату, ну их в баню, эти проблемы!.. Хотя бы до завтра.

Они вернулись в комнату. Глеб и Валера опять о чем-то яростно спорили.

- А я предлагаю: по водке, - проговорил Кирилл, поморщившись.

- Ладно, ладно, - проворчал Валера. - Идите все в баню, я лучше что-нибудь съем.

С этими словами он взял кусок хлеба и стал накладывать на него из всех тарелок подряд.

- Вы мне лучше вот что скажите, - сказал Сергей. - Кто-нибудь задумывался над таким фактом, что принцип однократности в нашей резервации стоит как бы особняком? Это единственный из принципов, который действует избирательно на каждого индивидуума. Все остальные - на резервацию в целом.

- О, я смотрю у вас, стажер, еще не угас пыл задавать вопросы! - сказал Глеб. - Сколько ты у нас здесь? Уже ведь почти месяц? Ну, хотя, еще можно, пожалуй...

- А Серега прав, - сказал Кирилл озадаченно. - Мне так это даже в голову не приходило.

- Ну и что с того? - пожал плечами Глеб. - Подобных вопросов можно родить мешок. Что дальше-то? Я, помнится, в свое время тоже в часы уединения рождал их пачками. Хотите?

- Нет, - незамедлительно вставил Валера, жуя.

- Например, - продолжил Глеб, - может ли возникнуть больше одного Прохода одновременно? Или: где образуется Проход, если от точки нарушения четности до Оболочки существует, положим, два абсолютно одинаковых перпендикуляра? Вот в каком месте он появится?

- А действительно, в каком? - сказал Сергей. - Но ведь это, наверное, при большом желании можно экспериментально установить.

- Заставить умереть какого-нибудь очередного «смертника» на улице? - насмешливо поинтересовался Глеб. - В том месте, где ему укажут?

- Да кто ж на это пойдет? - пробормотал Кирилл. - И кто

разрешишь? Чего вы несете?

- К тому же неизвестно, - заметил Глеб, - как резервация исчисляет эти пресловутые перпендикуляры. И с какой точностью. До метра или до микрона?

- И где именно начинается Оболочка? - вставил Валера с набитым ртом.

Глеб разлил и они выпили. Какое-то время было тихо.

- А представьте себе, господа, - проговорил Глеб, закусывая, - что все резервации являются чем-то вроде раковых опухолей на теле планеты. Этакая болезнь планетарного масштаба. Почему бы нашей старушке Земле не подцепить какую-нибудь заразу на космических задворках? Воздушно-сопельным путем.

- Тогда, по идее, это не рак, - сказал Кирилл. - Раковые опухоли разрастаются. И заразиться раком нельзя...

- Ну сифилис, - смиренно согласился Глеб. - Или старческие пигментные пятна. Чай, не дэвка уже.

- Только не надо здесь устраивать соревнования, - заметил Валера, - кто больше всех не понимает в медицине. Дайте поесть-то.

- Нет, - сказал Кирилл. - Тогда лучше не так. Резервации - это лепрозории, где происходит изоляция больных. Или исправительно-трудоуемые колонии... Или АТП.

- Было дело, разрабатывали и эту тему... - продолжал Глеб. - В свое время популярно было считать, что смысл резервации заключается в том, чтобы якобы сформировать в изолированном сообществе людей некоторые качества. Некоторые новые, так сказать, свойства. Мне всегда было смешно слушать такие рассуждения. Также мне, - мастерская по переделке хомо сапиенса... Все это опять оттого же, что людям очень нравится считать себя пупом земли.

- Ну, может, не создание новых свойств, а поиск их у кого-то? - сказал Сергей. - Скажем, своеобразный отсев? Изолировали, стало быть, людей и рассматривают, выискивают каких-нибудь этаких индивидуумов... С какими-нибудь этакими отличиями.

- Ясно, ясно, - закивал Глеб и осклабился. - Формирование спецотряда для полета на Нептун. Илан в таком духе... Хе-хе...

- Не так утрированно, - заметил Сергей. - Вы здесь четыре года живете, ничего на себе не ощущаете, так? А может быть, за это время на вас провели массу исследований! Вас, скажем, прощупали неведомыми способами. Просто надо было, чтоб кролики не разбежались - вот и посадили их в клетку. На Нептун лететь совсем не обязательно. Впоследствии этот наш весельчак «некто» напишет, скажем, диссертацию и откроет клетку. И кролики разбегутся, так никогда и не узнав, на предмет чего их исследовали.

- Или, положим, не откроет клеточку, - ухмыльнулся в бороду Глеб. - На кой ляд она после всего сдалась? Какая-то ржавая, кривая, да к тому же вся в экскрементах...

- Или не откроет, - согласился Сергей.

- А весь этот словочизм?! - выпалила Кирилл. - Который в последнее время происходит? Это тоже часть диссертации?

- Может быть, так и задумано, - произнес Сергей. - Просто на определенном этапе исследования наш славный «некто» решил усложнить правила игры в резервации. Нагнать немножечко страху и посмотреть, что получится. Как кролики отреагируют.

- Да, это тоже было уже... - вяло отозвался Кирилл.

- Что было? - сказал Валера, не переставая жевать.

- Не так давно, вроде, - сказал Кирилл. - Май, ты же тогда толкал свою очередную идею!

- Каковую это? - спросил Глеб, поглаживая бороду.

- Про кроликов в лаборатории... Или это зимой еще было?..

- Ах, это... - вспомнил Валера. - Маевский тебе тогда доказывал, что не кролики, значит, а крысы.

- Ни фига он мне не доказал, - проворчал Кирилл. - Я это к тому, что тогда тоже выясняли: вдруг, мол, резервация - это испытание? Проверка каких-то качеств или проверка на выживаемость... Что ты там еще говорил-то?

- Минуточку, минуточку, - грозно сказал Глеб. - Вы, лейтенант, не приписывайте мне своих заморализованных подходов! Я говорил, что проверка, может быть, и испытание - почему бы и нет? Но ни про какие качества я не поминал. Это ты потом стал гнать чушь про испытание качеств. Благородство, коллективизм, смелость...

- А ты не гнал, да? - язвительно сказал Кирилл.

- Это не мой стиль, - ответил Глеб. - Ты можешь до такого бреда додуматься, не спорю. Тебе бы только нравственную основу подвести подо все. Хлебом не корми - дай поделить любое явление на плохое

и хорошее, на доброе и злое...

- А тебе лишь бы обгадить, - заметил Кирилл недовольно. - Если явление связано с людьми - как его не делить-то?.. Если человек так устроен! Если вокруг него все построено по принципу добра и зла...

- Это твоему человеку только так кажется! - воскликнул Глеб. - Это он по своей глупости и мании величия так возомнил. Также мне, царь природы! Большая разумом обезьяна... Кир, ты, как обычно, ставишь человека в центр Вселенной - в этом и беда. Вот когда ты перестанешь его туда ставить, когда ты поймешь, что Вселенная вертится вовсе не вокруг него, тогда тебе станет ясно, что нельзя везде и всюду пихать человеческие оценки. Представь себе, что этого «весельчака», как его обозвал наш Серж, может, больше всего интересует твоя мочеполовая система, а не твои моральные устои. Если его вообще что-либо интересует.

- Пока я человек, я буду ставить человека в центр Вселенной, - сказал Кирилл упорно. - Вот и овца думает, что она - центр Вселенной. Каждый считает себя...

- Позвольте не согласиться! - перебил его Глеб. - Овца, к счастью, ничего такого не думает. Она кушает себе травку и планов на завтра не строит. Тем и счастлива. Нам у нее учиться надо, сапиенсы!

- А откуда вы вообще знаете, что думают овцы? - изрек Сергей.

- Дарвинисты хреновы...

- Ладно, я беру тайм-аут, - сказал Кирилл. - От меня отстань. Вон Сергу обрабатывай, философ. Я это все уже слышал не один раз. Я лучше бутерброд съем, пока Васильич все тут не сожрал.

- Меньше надо копыа ломать, однако, - посоветовал Валера, усердно ковыряясь вилок в банке тушенки. - А то машут-машут сначала мечами, а потом начинают жратву искать... Когда уже поздно, между прочим. Кстати, сейчас хорошо бы кофе пошло, - заметил он.

- Кофе? - вскинул бровь Глеб. - Это такой жидкий и черный? Который из кофеина делают?

- Нет, - качнул головой Валера и поправил очки. - Его из кофеина только выращивают. Из молотого.

- А кто у нас сегодня за Махмуда? - спросил Кирилл.

- Драйвер, драйвер, - произнес Глеб.

- Тогда поджигай, - сказал Валера Сергею.

- Только сначала еще по одной! - потребовал Кирилл. - Сегодня классно идет.

Они выпили еще по одной. Глеб поднялся из кресла и стал копаться на полке с книгами. Валера откинулся на спинку дивана. Бросив в рот ломтик лимона, Сергей пошел на кухню разогревать чайник.

Кое-как он нашел спички в одном из настенных ящичков и зажег газ на плите. Он даже не посмотрел, есть ли в стареньком двухлитровом чайнике вода, и когда тот покорно зашумел, Сергей приблизился к грязному оконному стеклу. Улица Магистральная была сегодня особенно заполнена транспортом. И людей, неторопливо плетущихся вдоль тротуаров, казалось, тоже стало больше. А может, действительно, это ему только казалось? Может, он раньше просто-напросто не обращал внимания на такие мелочи? И теперь эти мелочи, эти отблески чужой жизни стали вдруг особенно заметными? Болезненно заметными...

Он не заметил, как в кухне появился Глеб, держа в руках маленькую раскрытую книжку, похожую на томик стихов.

- Вот послушай, - сказал он, поглаживая бороду. - Каково сказано...

Он перелистнул страницу и прочел вслух:

«Может быть, это точка безумия, Может быть, это совесть твоя - Узел жизни, в котором мы узнаны И развязаны для бытия...»

- Ты это про что? - Сергей с вздохом отвернулся от окна.

На него в упор смотрели серые глаза Глеба.

- Это не я, - медленно сказал Глеб, усмехнувшись в усы. - Это Мандельштам.

- Погоди... Ну-ка, повтори.

Глеб повторил. Возникла небольшая пауза.

- Люблю, знаешь ли, красивое слово, - сказал Глеб, щелкнув пальцами. - Ничего с собой поделатъ не могу.

В дверном проеме появился Валера и пристально оглядел их обоих.

- Какого черта? - сказал он. Потом он встал между ними, отобрал у Глеба книжку и бросил ее на холодильник.

- Уже все сожрал? - поинтересовался Глеб. - А здесь ничего нет, милейший.

- Я кофе хочу! - требовательно заявил Валера. - В конце-то концов!

- Тогда стой и дуй на газ, - посоветовал ему Сергей. - Ты что, правда все съел?

- Что за вопрос? - фыркнул Глеб. - Я бы на его месте обиделся.
- Конечно - не все? - сказал Сергей.
- Конечно - все! - сказал Глеб.
- А ну-ка... - пробормотал Валера и открыл холодильник.
- Смотреть на это не могу, - сказал Глеб скорбно. - Идемте скорее отсюда, Серж.
- Сигарету оставь! - буркнул Валера, звякая в недрах холодильника стеклом.

Они покинули его и вернулись в комнату. Удовлетворенно крикнув, Глеб упал в свое кресло и задрал ноги на стол.

- Па-а-пашу соблюдать общественный порядок! - тут же гаркнул Кирилл. - А то репрессирую, депортирую и реабилитирую!.. Посмертно.

- Кстаги, господа, насчет лепрозориев, - произнес Глеб. - Вариант с психушкой, по-моему, интереснее. По крайней мере, в отношении нашей резервации. Ситуация с Артемом как нельзя более точно показывает, кто здесь нормален с вселенской точки зрения.

- Они просто хотят нас всех свести с ума, - сказал Кирилл. - Я понял, мужики! Подталкивают к этому...

- Интересно, с какой целью? - спросил Сергей. - В чем тут прикол-то?

- А без всякого прикола, - ответил Кирилл и рубанул ладонью воздух. - Без всякой цели. А может, они нашим разумом питаются? Интеллектом, блин, нашим...

- Ничего-то вы не просекали, - покачал головой Глеб. - Они же намекают на то, что свобода и разум - это несовместимые вещи! Подумайте, как это верно! Разум есть оковы чувствам и инстинктам, ибо он способен их подавить. Правильно?

- Чего? - грозно сдвинул брови Кирилл.

- Подавляя инстинкты, человек разумный заставляет себя жить в соответствии с вымышленными ценностями, а не с теми, которые ему свойственны от природы. Всю свою разумную жизнь человек стремится к достижению счастья, идеал которого придумал себе сам...

- Эх его опять понесло, - сказал с вздохом Кирилл.

- Ты уже все? - участливо поинтересовался Валера с порога комнаты. - Быстро, однако.

Он сел на диван. В руках у него была открытая банка с каким-то салатом.

- Оставь немного-то, - проговорил Сергей, подвигаясь к нему.

- Черт подери, - пробормотал Кирилл. - Где же проходит эта самая идиотская граница?

- Какая граница? - спросил Валера, очень стремительно набивая рот салатом.

- Немного-то оставь, - повторил настойчиво Сергей, прицеливаясь вилкой в банку.

- Ну, которая разделяет нормального от ненормального, - сказал Кирилл, почесывая в затылке.

- Разве она существует? - Глеб пускал над головой какие-то невообразимые дымовые узоры. - В непрерывном-то мире? Спроси-ка у нашего апологета абсолютной относительности.

Кирилл хлопнул ладонью по столу.

- Для резервации граница существует! - выпалил он. - И резервация, сволочь этакая, умеет определять, кто псих, кто нет!.. Возьми, к примеру, Финлскую девочку. У нее явно что-то с головой случилось, это, может, и незаметно со стороны... Но какие-то отклонения все равно есть. Мне Виктор сам как-то говорил. Это же ясно: душевная травма и все такое... Какие-то следы остаются. Ан нет же! Не пускает ее Оболочка, хоть тресни!

- А они пробовали? - спросил Валера, старательно работая челюстями. - Они, может, и не пытались...

Сергей улучил момент и выхватил у него банку с салатом, пока еще в ней что-то было.

- Да пробовали!.. - махнул рукой Кирилл. - Я это точно знаю. Бесплезно.

- Погодите, народ, - проговорил Сергей, тоже жуясь. - Я вот что хочу сказать... Ты, Глеб, говоришь: путь к свободе через отказ от разума, да? Вроде как намеки такой нам дают. А что если путь к свободе - через смерть?

- Между прочим! - воскликнул Валера. - Дайте пожрать-то чего-нибудь, в конце-то концов!.. Серега, что за банка у тебя в руках? Где ты ее взял, обжора?

- «Memento mori», - проговорил Глеб размеренно. - «Memento vivere», но и «memento mori». Жизнь и смерть - одно не без другого. В сущности, господа, что мы знаем о смерти?

- А что о ней знать? - хмуро отозвался Кирилл. - Переходишь себе в мир иной, вот и все.

- Что с копа взять? - произнес Глеб. - Не скажи, не скажи... Я считаю, что смерть является самой малоизученной областью жизни.

- Слушайте, смените тему, - буркнул Кирилл. - Чего вы тут про смерть начали гнать? Не хочу про смерть.

- Что с вами, прапорщик? - спросил Глеб. - Какой-то вы чувствительный стали.

- Горит на работе синим пламенем, - сказал Валера, сокрушенно вздыхая. - Как стахановец.

- Если какая-нибудь сволочь сейчас начнет про работу расспрашивать, - процедил Кирилл, - сразу предупреждаю: дам в ухо. И открою огонь на поражение.

- Какая такая работа? - Глеб непонимающе вскинул брови. - Этот парень разве где-то работает? - спросил он, показывая пальцем на Кирилла. - И вообще, кто это такой? Кто привел сюда ОМОН? Это что, обыск?

- Чего пристали к бедным полицейским? - прорычал Кирилл. - Было приказано сменить тему! Почему не выполняете?! Лечь - встать, лечь - встать!

- Прошу прощения, ваше высбродие, - пролепетал Глеб, - не было указано, на какую именно тему... Не соблаговолит ли вашество уточнить: какой компакт-диск поставить?

- Давай про баб, - смягчившись, сказал Кирилл. - По ним сегодня еще не проезжался.

- А политика была? - осторожно поинтересовался Валера. - Нельзя ведь до политики... Есть же какие-то каноны, в самом-то деле...

- Ну хотя бы и про баб, - сказал Глеб, поглаживая бороду. - Вот, положим, по конторе усиленно циркулируют слухи, что у славных сестричек Голубевых отбирают-таки лицензию. Вот и ответьте, надзиратель, как представитель власти - правда это или нет?

- Ничего про это не знаю, - пожал плечами Кирилл. - По-моему, это слухи.

- Дыма без огня не бывает, - покачал головой Глеб. - Власти резервации хоть понимают, что это означает? Прикрыть деятельность сестриц! Глупее решения не бывает. Если оно существует, то его принимал импотент. Ну, не станет Голубевых - появятся Синичкины, Воробьевы и т.п.

- Может быть, это предвыборная провокация против нынешних властей? - предположил Сергей.

- Самое главное, что результат будет обратный, - сказал Глеб. - Во-первых, пользователи из разряда легальных перейдут в разряд нелегальных, только и всего. Во-вторых, бюджет резервации получит меньше налогов.

- А в-третьих, - добавил Валера, - поднимется народное восстание. Контора объявит, значит, голодовку. Нет, тут палку перегнуть опасно, это факт.

- Тем более у наших мужиков, - заметил Глеб, хохотнув, - так просто не перегнешь. Не иначе, каким-то тетушкам-католичкам из мэрии по ночам плохо спится. Деятельность девочек, видимо, подрывает их пуританские устои.

- Да просто кому-то не дают покоя их доходы, - сказал Сергей. - Или, может, это они сами? Устроили сестрички шумиху, чтоб тариф поднять.

- Но-но - поднять! - недовольно сказал Валера. - Куда еще поднимать-то? Совсем, что ли, уже... А ты вообще! - сказал он Сергею. - Не слышишь, чайник кипит? Ты, между прочим, воду-то туда наливал?

- Разве ее там не было? - удивленно спросил Сергей, вставая с дивана.

Компания с жаром принялась обсуждать высокие тарифы на услуги сестер Голубевых, а Сергей снова поплелся на кухню.

Видимо, какое-то количество воды в чайнике все же присутствовало, потому что он отчаянно трубил струей пара в окно. Сергей выключил под ним газ и подошел к подоконнику. Стекло оказалось полностью запотевшим и через матовую пленку уже не был виден тот чужой, параллельный мир. Что-то скоро случится, подумал он в который раз. И откуда взялось это предчувствие, преследовавшее его в последние дни? Может быть, я его сам себе сочинил, мелькнула у него мысль. Он нарисовал пальцем на запотевшем стекле кружок. Словно замочная скважина в двери, думал Сергей, глядя через него на крохотный кусочек чужого мира. Чайник еще продолжал агонизировать паром, и кружок довольно быстро затянулся снова. Будто Проход в Оболочке. «Нет, врешь», - с упрямством процедил Сергей и нарисовал его опять.

Часть четвертая. ЛУЧШИЙ ИЗ МИРОВ

Все, что мы знаем о жизни - это смерть.

Э.М.Ремарк. "На западном фронте без перемен"

- Возьмите, допустим, нынешнюю нашу молодежь, - Ревич сдвинул очки на лоб и легко помассировал веки пальцами. - Подростающее поколение, которое живет сейчас в резервации... Это же поколение обреченных! Эти дети обречены на деградацию, вот в чем дело, понимаете? На момент возникновения резервации несовершеннолетних здесь было триста с лишним человек, разных возрастов. Если речи не идет даже о полноценном среднем образовании, то о чем можно говорить дальше? Каждый год в резервации прибавляется порядка двадцати человек, которые закончили школу, если это вообще так можно выразиться. То есть, это подростки, пришедшие к тупику своего развития, согласны со мной, Сережа? У них нет будущего, они лишены дальнейшего образования, получения какой-либо специальности и вообще... Их будущее - это грязные гаражи возле железной дороги, ежедневное пьянство и чувство ненависти к окружающему миру. Одним словом - деградация. Знаете, на этом фоне запрет на деторождение выглядит очень даже гуманно. Зачем умножать число несчастных? - Он помолчал некоторое время, отхлебнул остывшего чая и продолжил: - Помимо всего прочего каждый год высвобождается полтора-два десятка молодых женщин, которые до этого сидели с детьми дома, получали хоть мизерное, но пособие. А теперь их дети идут в школу. Тоже потенциальные безработные. О, господи, сколько резервация судеб уже поломала и сколько еще поломает!.. Вы что-то все молчите, Сережа, - сказал он вдруг грустно улыбувшись.

- Просто слушаю, - сказал Сергей. - Я, знаете ли, люблю иногда просто послушать.

- Господи... - произнес Ревич вдруг сокрушенно. - Одиннадцатый час. А я, признаться, и не заметил. Засиделись мы нынче, Сережа... Хозяйева сейчас уже спать лягут.

Сергей поднялся с дивана. В это время в дверь постучали и голос произнес:

- Простят Шепилова какого-то к телефону...

Удивленно пожав плечами, Сергей открыл дверь и прошел в соседнюю комнату. Извинившись перед хозяйевами, он взял трубку. Это оказался Валера.

- Что за экстренность? - спросил Сергей. - И откуда ты узнал...

- Час икс настал! - оборвал его Валера приглушенно. - Сегодня будем работать клиента! Я из бара. Как раз за ним наблюдаю. Собирайся.

Голос у него был торопливый и срывающийся.

- Почему обязательно сейчас?

- Потому что случай сейчас удобный, - затараторил он. - Клиент не сильно напился, а это бывает редко. Как бы не проворонить...

Возникла небольшая пауза. Сергей начал лихорадочно собираться с мыслями.

- Серега, он почти готов, между прочим. В одиннадцать лавочка прикрывается, если он сам раньше не слиняет, так что времени немного, понял? Лучше его здесь караулить!.. Ты чего там замаялся? - лихорадочно зашептал Валера. - Другого такого случая может не быть! Ведь все же уже обговорили, е-мое!.. Ты что, на попятную удумал?

- Выхожу уже, - проворчал Сергей.

Валера отключился, и Сергей, положив трубку, с минуту стоял, размышляя.

Безмятежный вечерок, похоже, накрылся, подумал он. В бар идти совсем не хотелось. Пришел бы домой, лег бы на диван, почитал... Через часок глаза бы сами собой стали спать, и еще один день закончился бы тихо и мирно. И откуда сегодня в теле такая усталость? Неужели начал стареть? А, может, становлюсь настоящим матерым резервистом? Начинаю впадать в душевный анабиоз? «Лежу - так больше расстояние до петли...» - вспомнилось из Высоцкого. Ты что, гад, расслабиться удумал, вдруг недовольно произнес кто-то другой у него внутри. Ты что это, родной? Смотри у меня... Это подстегнуло решительность Сергея. Ладно, ладно, сказал он себе снисходительно. Минутная слабость. А мы будем проще, мы закосим под дурака и

попрям напролом, не замечая препятствий... В конце кондов, думал он, даже если мы и сядем в лужу, то по большому счету на это наплевать. Будем считать это дурацкой шуткой взрослых дядей. Почему бы взрослым дядям не пошутить? Зато не будет в дальнейшем повода упрекать себя в том, что ты не использовал этот, на первый взгляд дурацкий, шанс понять, что здесь творится. И потом, чем черт не шутит: вдруг все не так и глупо?

Он попрощался с хозяйевами, затем с Ревичем, быстро покинул квартиру и направился в «Мирок».

Валера сидел в самом углу бара и попивал кофе. Заведение оказалось почти пустым, если не считать двух компаний, в одной из которых Сергей увидел Лыткина.

- Что с клиентом? - поинтересовался он, подсаживаясь к Валере.

- Клиент в максимальной степени готовности, - изрек Валера, вполоборота наблюдая за столиком, где сидел Лыткин.

- А он в аут часом не уйдет? - выразил сомнение Сергей.

- Подождем чуток, - сказал Валера, допивая кофе. - Лыткин сегодня в нужной кондиции. Умеренно пьян, чтоб не соображать, и умеренно трезв, чтоб отвечать на вопросы.

Валера поставил на столик пустую чашку. Решив тоже выпить чашечку кофе, Сергей подошел к стойке.

- Чтой-то ты сегодня туда-сюда-обратно, братец? - удивился Барков.

- А почему бы и нет? - сказал Сергей. - Если хочется.

- А вот это хороший подход, - проговорил в бороду Барков. - Такие подходы по мне.

- Плесни кофейку, - попросил Сергей, оглядывая его.

Был он сегодня какой-то сумрачный и малоразговорчивый. В последние дни Сергей часто стал замечать в нем унылые настроения, так не свойственные Баркову.

- Не похож ты на себя, - сказал Сергей, наблюдая, как тот готовит кофе. - С тобой-то что могло приключиться?

- С чего ты решил, будто со мной что-то приключилось? - вяло поинтересовался Барков.

- Так... - пожал плечами Сергей. - Показалось. Ты как в воду опущенный...

- Вся жизнь, тезка - это зебра, - сказал Барков. - Полоса светлая, полоса темная. С кем не бывает?

- За все время, пока я здесь, у тебя такого не было, - сказал Сергей. - Или у тебя полосы очень широкие?

- Возможно, - хмыкнул Барков и поставил перед ним чашку с кофе. - Ты голову себе этим не забивай. Все рассосется.

Сказал он это, как показалось Сергею, с какой-то неуверенностью. Сергей взял чашку и отхлебнул горячего дымящегося кофе.

- Сергей, я хотел у тебя спросить... - произнес он задумчиво. - Ты Чистяковых хорошо знаешь?

- Да как тебе сказать... - протянул Барков. - Что я сторожил, что ли? Это вон мэр наш всех знает, потому как всю жизнь здесь прожил. Барновский тоже такой же, Филин очень многих знает... А чего то ты, братец, ими заинтересовался? - спросил он.

- Да просто так, - ответил Сергей. - Что за люди?.. Чистяков ведь саптехник, да?

- Возможно, - сказал Барков. - Да я ничего про это семейство не знаю... Ну, кроме того, что Артемка их... Так Артемку все знают. Нет, ты же вот неспроста интересуешься? - хитро прищурился Барков. - Только не говори, что у тебя проблемы с канализацией.

- Просто мне интересно, куда это их сынок постоянно в город ходит? - славировал Сергей. - Вот ты знаешь - куда?

- Понятия не имею... - после некоторой паузы ответил Барков. - Мало ли кто...

- А почему ночами? - сказал Сергей, делая еще глоток кофе.

- Ночами... - медленно повторил Барков. - Ну, не знаю... Я не обращал внимания.

- А ты обрати.

- Погоди-ка, стой... - в голосе Баркова зазвучал интерес. - И

что ты по этому поводу хочешь...

Скрипнули пружины входной двери, и в бар быстрой походкой вошел Филин. Остановившись недалеко от порога, он, как обычно, оглядел заведение хищным взглядом.

- Извини, братец, - торопливо пробормотал Барков. - Я должен отлучиться.

Он вышел из-за стойки, и они вместе с Филиным в полном молчании скрылись в недрах подсобного помещения. Сергей взял кофе и вернулся за столик. Компания, в которой пребывал Лыткин, бубнила и шумела, но сам он принимал в разговорах довольно вялое участие.

Прошло еще минут пять. Барков так и не появился из подсобки. Сергей за это время успел дотпить кофе. Лыткин неожиданно встал из-за столика и нетвердой, но довольно быстрой походкой направился к выходу.

- Ну, с богом, - сказал Валера, заерзав на своем стуле.

Они вышли из бара спустя минуту после того, как его покинул Лыткин. Резервация в это время была уже тиха и почти безлюдна. Лыткин жил в том же доме, что и семейство Галушко. Не выпуская его из поля зрения, но держась на почтительном расстоянии, они проследовали за ним, постепенно увеличивая скорость по мере приближения. На углу дома они притормозили, ожидая, когда пошатывающаяся фигура Лыткина не нырнет в темноту подъезда, затем, оглядевшись по сторонам, вприпрыжку помчались следом, чтоб успеть перехватить его до того, как он поднимется на пятый этаж. В подъезде было темно и пахло чем-то затхлым. Будучи нетрезвым, Лыткин поднимался по ступеням довольно медленно, и они нагнали его на третьем этаже.

- Одну минуточку! - крикнул ему в спину Валера, слегка запыхавшись.

Лыткин издал что-то нечленораздельное и очень неторопливо развернулся.

- А?.. - выдохнул он, всматриваясь в темноту. - Кто там?..

- Одну минутку! - повторил Валера уже спокойно и твердо.

Лыткин непонимающе замер посередине лестничного пролета, держась одной рукой за перила. Сергей и Валера поднялись по ступеням и приблизились к нему почти вплотную. Валера подал Сергею знак: дескать, начинай.

- Здравствуйте, Антон Михайлович, - проговорил Сергей, собравшись с духом.

- Эд... вам что? - не то удивляясь, не то пугаясь сказал Лыткин.

- Вы кто?..

В ответе огней соседнего дома, попадающем сюда через подъездное окно, было видно, что выражение лица Лыткина приобрело растерянный вид.

- Мы к вам, Антон Михайлович, - сказал Сергей. - Не пугайтесь, нам нужно поговорить.

При этом он обогнул Лыткина и поднялся еще на несколько ступеней так, чтобы быть над ним и не попасть при этом на освещенный участок лестницы.

- Ко мне?.. - выдавил Лыткин. Оказавшись между ними, он стал ошарашено вертеть головой и щуриться в темноту. - Почему... А сколько времени?

- Время позднее, - заметил Валера. - Но мы задержим вас ненадолго.

Лыткин недоуменно захлопал глазами.

- Я не понял... А, я же вас знаю! - воскликнул он, вытянув шею в сторону Валеры. - Вы же... м... у Короткевича работаете! Как же вас звать?..

- Это совершенно неважно! - резко сказал Валера. - Речь идет не обо мне.

- А... о ком?.. - пробормотал Лыткин, - ...идет речь?..

- О вас, Антон Михайлович, - сухим тоном произнес Сергей. - Речь идет именно о вас. Понимаете?

- А?.. Что?.. - Лыткин повернулся к Сергею, пытаясь рассмотреть его лицо. - Почему обо мне? Я не понимаю... Я вас не знаю! Вы кто?!

- Вы и не можете меня знать, Антон Михайлович, - сказал Сергей весомо. - Я прибыл сюда недавно. А знаете зачем? Знаете, в чем причина моего появления в резервации? Заметьте, вас нигде не вызывают, вас нигде не приглашают для уютной беседы... Вас нагоняют на лестнице в поздний час - и вы не понимаете, почему?

- Но... - начал было Лыткин и замолк. Лицо его приобрело хмурый оттенок. - Что вы имеете в виду?

Сергей не ответил. Вот тут нужна легкая пауза, мелькнула у него мысль. Клиенту надо дать возможность занервничать. Как бы планку

не перескочить-то... Актер хренов... Он вытащил из-за пазухи пачку сигарет, неторопливо закурил и облокотился на перила. Лыткин переминался с ноги на ногу. Валера тоже, как положено, молчал, опершись рукой о стену, только очки его тускло поблескивали в полумраке. Сергей сделал несколько затяжек и сказал:

- Все тайное, Антон Михайлович, когда-нибудь становится явным. Разве вы забыли? Или вы просто надеялись успеть? Не получилось, любезный. Когда играешь в такие игры, надо помнить, что любая мелочь может превратиться в большую ошибку. Ну так что, будем говорить начистоту?

- О чем? - хрипло выговорил Лыткин. - Что вы хотите?..

Интонация его голоса, однако, изменилась, и он стал смотреть под ноги.

- Ну-ну, - хмыкнул Сергей, вспомнив почему-то Филина. - Желаете поиграть в кошки-мышки? Только давайте недолго.

Лыткин напряженно молчал и пытался. Сергей продолжил безразличным, но уверенным тоном, плавно повоя сigaretой перед собой:

- Вы не понимаете другого, дорогой Антон Михайлович. А именно того, что мы с вами беседуем постольку поскольку... Это уже не ваша игра - вот чего вы не понимаете! Ситуацию контролируют уже другие, и все закончится совсем не так, как рассчитывали вы. Понятно вам? Партию будем завершать мы, любезный Антон Михайлович.

Несколько по киношному получается, мимоходом подумал Сергей. Что же я такое несу? Но теперь останавливаться было нельзя. Лыткин замер с каменным, как показалось Сергею, лицом. Хотя он мог и ошибаться - все-таки было темно. Наступал критический момент. Сергей почувствовал, что на Лыткина оставалось надавить еще самую малость, после чего вопрос должен был разрешиться в любом случае.

- А знаете, почему мы все-таки решили поговорить с вами? - поинтересовался Сергей, приблизившись к Лыткину. - Только потому, что от вашего поведения, начиная с этого момента, будет зависеть, с какой степени осложнениями закончится это дело. В том числе и с осложнениями лично для вашей персоны. Понимаете, что я имею в виду? И мы и вы прекрасно осознаем, что ситуация близка к разрешению, так? Времени осталось очень мало, в том числе и для того, чтобы должным образом исправить то, что можно еще исправить. Учтите это обстоятельство. И еще одно. Дело настолько серьезно и щепетильно, что я допускаю, что вы даже до конца себе этого и не представляете. Как вы думаете, почему мы не подключили сразу полицию и мэрию, а? Так что решайте, Антон Михайлович, стоит ли дальше притворяться невинной овечкой?

Ну, это, пожалуй, все, подумал Сергей. Больше я, наверное, из себя не выжму. Он молчал и смотрел на Лыткина, Валера неподвижно замер внизу лестницы, а сам Лыткин стоял, опустив голову и не шевелясь. В какой-то момент Сергею даже показалось, будто он спит. Но Лыткин, конечно же, не спал. Он слабо шевельнул рукой, поднял голову и кадык на его шее скользнул вверх. Сергей наклонился к его лицу и увидел широко раскрытые глаза. Потом мельком глянул на притихшего Валеру. Тот еле заметно пожал плечами.

- Вы же образованный и умный человек, - произнес Сергей сочувственно. - Давайте проигрывать достойно.

Снова не последовало никакой реакции.

Все, мелькнула у Сергея мысль, пора уходить. Ничего больше уже не сделать... Он не знал, что еще можно сказать и как еще себя повести.

И он уже сдался, он уже собрался дать сигнал к отбою, но Лыткин после нескольких секунд пребывания в своем странном анабиозе вдруг шевельнулся. Отцепившись от перил, он поднял руки и схватился за щетки.

- Я знал... - проговорил он дрогнувшим голосом. - Я знал, что этим все кончится...

Сергей замер. Валера резко отпрянул от стены и тоже застыл. Лыткин, издав какой-то жалобный звук, присел на корточки и навалился спиной на металлические прутья:

- Господи, я так и думал... - прошептал он, не отнимая рук от лица. - Зачем... зачем?..

Сергей поспешно затоптал окурок и присел рядом.

- Успокойтесь, Антон Михайлович, - сдерживая волнение, заговорил он. - Успокойтесь и рассказывайте.

Для пущей весомости он вытащил из нагрудного кармана записную книжку и авторучку. Но это было уже излишне. Лыткин неожиданно оказался поверженным полностью и бесповоротно. Совершенно

непостижимым образом пропал его хмель, осталась лишь усталая покорность на лице и вялые, поникшие плечи. Он подтянул ноги к груди и тяжело вздохнул.

- Что... рассказывать? - бесцветным голосом спросил он, безвольно роняя руки на колени.

Взгляд у него потух - это было заметно даже во мраке.

- Все рассказывайте, - как можно спокойнее произнес Сергей. - Прямо с самого начала и - как на исповеди! Поймите, для вас ведь тоже важно, что именно вы по собственной воле нам расскажете. Насколько я понимаю, комедию ломать мы больше не будем, Антон Михайлович?

- Какая тут еще комедия... - хрипло и обречено выговорил Лыткин и вдруг закашлялся.

Около минуты он не мог придти в себя. Сергей терпеливо ждал, поглядывая на Валеру и вертя в руках записную книжку. Валера был взволнован не на шутку - он то и дело поправлял свои очки, которые вовсе и не думали сползать на нос. Тем не менее он уловил момент, чтобы подать Сергею знак, что, мол, все идет олл райт - работай в том же духе. Когда Лыткин перестал кашлять, Сергей деловито продолжил:

- Итак, когда все началось?

- В октябре... - шумно выдохнул Лыткин и поморщился. - В прошлом году. Я получил записку в запечатанном конверте. Кто-то бросил в почтовый ящик... Она была на мое имя.

- Мы так и предполагали, - невзначай заметил Сергей и тут же с легким напором спросил: - Где это письмо?

- Я его порвал... - сбивчиво заговорил Лыткин. - Там было сказано, чтоб сразу же уничтожить, и я...

- Исполнительный вы человек, Антон Михайлович, - сказал Сергей, качая головой. - Жаль. Тогда вам придется очень хорошо припомнить, что же было там написано. И желательно с точностью до слова. Сможете?

- Н-не знаю... - забормотал Лыткин, часто моргая. - Это столько прошло... Да там, в общем-то, немного было написано. Предлагали недвусмысленную сделку...

- Поконкретнее, - попросил Сергей, видя его заминку.

Лыткин снова вздохнул и облизнул губы.

- Смысл был таков, - сказал он, - что, дескать, мы предлагаем вам выбраться из резервации за некоторую плату. Ни сроки, ни сумма в том письме не назывались.

Сердце у Сергея непроизвольно забухало, даже ладони стали гадко влажными. Спокойно, приказал он себе. Только не сорвись.

- То есть они просто забрасывали удочки? - спросил Сергей, стараясь сохранять хладнокровие. - Почув, что ли, прощупывали?

- Вы знаете... - мелко закивал Лыткин, - я так и понял тогда!.. Скорее всего. Ведь я же мог не согласиться!

- Но вы согласились, - заметил Сергей.

- Да... - жалобно выдавил Лыткин. - Да. Господи, зачем я согласился! У меня же было предчувствие... Просто очень хотелось отсюда выбраться, страшно хотелось, поймите меня!

- Не будем отвлекаться, - мягко, но твердо перебил его Сергей. - По существу давайте.

Лыткин поспешно кивнул и снова облизнулся.

- Ну... Я должен был мелом оставить на двери подъезда условный знак. Дескать, я согласен на их условия, а потом, значит... Потом, ждать. Потом они сами...

- Что это были за условия?

- Условия... Строжайшая тайна, конечно. Это в любом случае: согласен я или нет. Никому ни слова. Даже намекали, что иначе будет хуже.

- Даже так?

- Да, да... Но мне тогда было все равно, лишь бы выбраться!.. Я согласился - что мне оставалось? Потом... Написано было, м-м... что деньги надо будет вносить частями. Дескать, сумма немалая, дескать, мы понимаем, что сразу все не найти - потому и договариваемся заранее...

Лыткин умолк и стал вяло растирать лицо руками, бормоча при этом что-то несвязное.

- А гарантии они какие-нибудь давали? - спросил Сергей.

- Да какие гарантии... - проговорил Лыткин понуро. - Они прекрасно знали, что у меня не было выбора. Они знали, что я соглашусь! И я согласился, идиот... Но я не мог не согласиться, вы должны меня понять!.. Я не могу уже здесь находиться, мне очень плохо здесь... Я им столько заплатил, я искал деньги у всех родных, у всех, у кого можно было, у всех, у кого нельзя было!.. Я в последние месяцы...

- Антон Михайлович, - опять остановил его Сергей. - Что еще было в записке?

- Ничего больше не было, - сдавленно произнес Лыткин. - Только чтобы ждал следующей записки...

- А когда вы впервые с ними встретились?

- Я? - как-то испуганно встрепенулся Лыткин. - Я не встречался с ними никогда!.. Я их ни разу не видел!

- Ни разу? - недоверчиво сказал Сергей.

- Это правда! - воскликнул Лыткин. - Я только получал от них письма. Они говорили, где и когда оставить очередную сумму и все... А места каждый раз были разные. Я приносил в каком-нибудь пакете и оставлял. Последний раз - в ржавой бочке на заброшенной стройке. Ночью ходил...

- Сколько раз вы получали письма и относили деньги?

- Три раза, - уныло сказал Лыткин. - Будь они прокляты...

- Каким образом они собирались переправить вас наружу? - спросил Сергей. - Вы знаете?

- Ну что вы! - выпалил Лыткин. - Откуда же? На эту тему мне даже было запрещено задавать вопросы! Я как-то попытался... Записку им написал и с деньгами вложил. Бесполезно!.. Даже про срок они не говорили. Дескать, жди и все. А я уже измучился ждать! Спать перестал ночью.

- Но ведь в последний раз они называли вам срок, - с осторожностью сказал Сергей.

- Ну да... Но тоже ведь не точно... Потом возьмут и опять перенесут.

- Так когда? - сухо осведомился Сергей.

- Написали, что в конце июня или в начале июля. Велено держать наготове оставшуюся сумму и ждать.

- Когда вы получили последнее письмо?

- Около месяца назад... - Лыткин судорожно сглотнул. - Пить очень хочется... Скажите, а что же теперь будет? Как же теперь?..

- Это уже не ваша головная боль, Антон Михайлович, - заверил его Сергей. - Вы лучше скажите: остальные письма вы тоже выбросили?

- Конечно, - закивал Лыткин. - А зачем они мне?

- И в самом деле... - обронил Сергей. - Ну, хорошо. Как в таком случае они были написаны?

- Что? - Лыткин непонимающе заморгал. - Я вас не понимаю...

- Как они были исполнены? От руки, на машинке? Склеены из газетных букв? Может быть, на принтере? Тип принтера, если разбираетесь...

- Н-нет... - виновато сказал Лыткин. - Вы знаете, я ничего не понимаю во всех этих принтерах...

- Значит, все-таки письма были отпечатаны на принтере?

- Нет... - испуганно сказал Лыткин. - На машинке... Скажите, значит, это все правда? - вдруг спросил он тихо.

- Что вы имеете в виду? - сказал Сергей.

- Ну... Все это... Я ведь знаете, чего больше всего боялся? - голос Лыткина дрожал. - Боялся, что это окажется обман!.. Что заберут все деньги и - все! Понимаете? Вы говорите, что это очень серьезно... Значит, это правда?

- Я не имею права говорить вам более того, что уже сказал, - официальным тоном произнес Сергей. - А дело действительно чрезвычайно серьезно.

- Я понимаю... - Лыткин угрюмо вздохнул. - Только что же теперь будет? Что же мне теперь делать?

- Вам, Антон Михайлович, - с расстановкой сказал Сергей, - надлежит делать только то, что мы вам скажем. Во-первых, вам ни в коем случае нельзя подавать вид, будто что-то изменилось. Во-вторых, никому не говорить о сегодняшнем нашем разговоре.

- Понимаю, - проронил Лыткин и шмыгнул носом.

- На определенном этапе нам, возможно, придется подключить здешние власти, - продолжал Сергей. - Но для вас пока ничего не изменится. Вы как ни в чем не бывало ждете сигнала с их стороны. В-третьих, мы сами в ближайшие дни определим, как с вами связаться и так далее. Вы меня хорошо поняли, Антон Михайлович? - спросил он серьезно.

- Конечно, конечно, - с готовностью забормотал Лыткин. - Я все понял... Но... Только... - Он замялся и посмотрел на Сергея полным отчаяния взглядом. - Что будет со мной? Ведь я же не совершал никакого уголовного преступления...

- Законы не любят, когда их нарушают, - назидательно сказал Сергей. - Даже если это законы резервации. Я ничего вам сейчас не отвечу. Это преждевременно. Могу только сказать очень банальную

вещь: многое зависит от вас самого и вашего стремления закончить это дело подобающе. А там посмотрим.

- Я все сделаю, - сказал Лыткин поспешно. - Что я, не понимаю? Все что нужно...

- Вот и хорошо, - успокоительно сказал Сергей. - А теперь идите домой, ложитесь спать. Мы сами с вами свяжемся.

Лыткин тяжело поднялся, кряхтя и шмыгая.

- Пить хочется... - тихо произнес он, расстегивая ворот. - Пересохло все во рту...

- Это от волнения, - сказал Сергей и стал спускаться по лестнице, убирая в карман записную книжку с авторучкой. - Успокойтесь и держите себя в руках. В решающий момент вы должны быть в форме. Спокойной ночи, Антон Михайлович.

- Да, да... - сказал Лыткин еле слышно. - До свидания...

Он медленно и понуро стал подниматься по лестнице, тяжело шаркая по бетонным ступеням и держась одной рукой за перила.

- Теперь в сад, сэр, - процедил Сергей Валере.

Они выскочили из подъезда и буквально рухнули на лавочку. Валера торопливо закурил и стал тереть свои очки.

- Ну, е-мое!.. - выдохнул он, шумно затыгиваясь.

- И не говори... - произнес Сергей, облизывая пересохшие губы.

- А ты был крут, парень... - сказал Валера, качая головой. - Даже я засомневался, не прибыл ли ты сюда с заданием.

- Что скажете, младший следователь Серебряков? - осведомился Сергей, вытягивая ноги перед собой. - Как вы можете прокомментировать состоявшийся допрос?

- Слушай, вот сейчас бы водки граммов сто, - сказал Валера. - В жилу бы пошло...

- Одно я понял точно, - сказал Сергей. - Как минимум, мы столкнулись с одним или несколькими мошенниками, вымогающими деньги.

- А как максимум? - спросил Валера и снял очки.

- С хорошо налаженной системой платных услуг по переправке людей из резервации наружу, - устало усмехнулся Сергей. - Если это, конечно, максимум.

- Нет, шулки шулками, - встрепенулся Валера. - А если в этой плоскости рассматривать все эти странные исчезновения людей из резервации?

- Стало быть, кто-то нашел способ, не нарушая четности, переправлять людей наружу? - сказал Сергей. - Нашел себе и пользуется? Качает денежки...

- Да он может пользоваться этим каналом, даже не понимая, как он работает! - выпалил Валера и водрузил очки обратно. - А может, в этом и есть изюминка? Разгадай секрет и пользуйся себе на здоровье - почему нет?

- Это мне знаешь что напомнило, - пробормотал Сергей. - «Пикник на обочине» Стругацких... Там тоже никто ничего в этих штучках-дрючках не понимает, но все ими пользуются.

- Почему бы и нет? - снова сказал Валера, распаляясь, и вскочил.

- Посмотри, как все красиво выходит...

- Ничего еще пока не выходит, - осадил его Сергей. - И вообще, утро вечера мудренее. Предлагаю обмозговать наши дальнейшие шаги завтра, на свежую голову.

- Ты сможешь спать? - удивленно воскликнул Валера.

- Ну, если не случится ничего экстраординарного, - заметил Сергей. - Честно говоря, шпионские страсти отняли у меня много энергии.

- Черт с тобой, - недовольно буркнул Валера. - Завтра, так завтра... Тогда зайдем к нам, вмажем по сто пятьдесят для расслабона, а? Такое дело провернули.

- Нет, Валера, - ответил Сергей. - Не полезет. Не знаю почему... Да и Кирилла надо увидеть.

- Ладно, - смиренно сказал Валера. - Иди себе. Кстати, Кириллу, наверное, придется рассказать.

- Конечно, - согласился Сергей. - Теперь без него нельзя.

Затем он хлопнул Валеру по плечу, развернулся, шагнул с крыльца и побрел к своему дому.

В голове навязчиво крутилась мысль: Лыткин - Чистяков, Лыткин - Чистяков... Что бы все это значило? Неужели предчувствия последних дней потихоньку начинают сбываться? Уже на самом пороге подъезда он остановился, заметив боковым зрением вдалеке какое-то движение. По тротуару между конторой и продуктовым магазином медленно шел Артем. В руках у него болталась сумка. Миновав контору, он исчез за углом. Артем определенно двигался в сторону

перекрестка.

Ну куда ты идешь, подумал Сергей. Куда? И снова, как тогда, когда он увидел Артема впервые, Сергей машинально последовал за парнем.

Артем шел, как всегда, не обращая ни малейшего внимания на окружающий мир, сильно наклонив голову вперед и дарапая сапогами асфальт. Сергей не стал его догонять, а просто держал дистанцию метров в пятьдесят. Возле конторы Сергей с некоторым удивлением обнаружил мусоровоз Клим. Этот-то что тут делает, мелькнула мысль. Сроду Клим не оставлял на ночь тут свою машину. Любопытство было настолько сильным, что Сергей не поленился, подошел к мусоровозу, залез на подножку и заглянул в кабину.

Клим был там, но он спал в странной и неудобной позе: сползая всем телом куда-то вниз и раскидав по сторонам длинные руки. Худой небритый подбородок его торчал почти вертикально вверх, а в приоткрытом впадом рту поблескивали зубы. Сергей разглядывал его несколько мгновений, вспомнив при этом рассуждения Кирилла о том, что Клим является в резервации очень подходящим претендентом на роль ночного грабителя. Затем он слез с подножки и снова зашагал по дороге в сторону перекрестка.

Артем тем временем, как ни в чем ни бывало, запрыгнул на транспортер, прошел по нему до конца, соскочил вниз и потопал по Магистральной. Без всякого сомнения, парень знал, куда шел. Когда спустя некоторое время Сергей приблизился к транспортеру и остановился, Артема уже не было видно. Очевидно, он исчез в одном из темных переулков.

Конторский нервничал. В ожидании машины они находились возле транспортера уже около получаса, и он все время обеспокоено вертел головой по сторонам и то и дело перекладывал из одной руки в другую старенький измятый плащ. На земле возле него стоял чемодан и огромная, раздутая от напиханных в нее вещей сумка. Сергей конторского раньше никогда не встречал. Вид у того был довольно жалкий и взъерошенный, Наспех повязанный галстук съехал набор, а шурурок на одном из ботинок грозил вот-вот развязаться. Похоже, что минувшей ночью он не спал - об этом говорили его красные воспаленные глаза на помятом небритом лице. Машина из города запаздывала, и с каждой минутой томительного ожидания конторский волновался все сильнее и сильнее, и когда мужики в будке на несколько секунд включили транспортер, он встрепенулся, словно его ударило током.

- Что - уже?.. - силно выдохнул он и присел к чемодану и сумке.

- Да успокойтесь вы, - сказал Барновский. - Видите же, что машины еще нет. Просто транспортер проверяют. Хотите валерьянки?

- Н-нет... спасибо... - пробормотал конторский, очень медленно выпрямляясь. - Как-то все это в голове не укладывается... Растерялся немного.

- Бывает, - кивнул понимающе Барновский. - Володя, ну что у них опять? - спросил он у стоящего рядом Кравца. - Полчаса жаримся.

Кравец молча пожал плечами - дескать, что я могу поделать? Кирилл, Филин и Володя Лобан стояли недалеко от транспортера кружком, курили и шурились на солнце. Жара в этот день выдалась нешуточная. Ни малейшего дуновения ветерка не чувствовалось в воздухе, ни единого облачка не наблюдалось в пронзительно-голубом небе.

- Градусов тридцать, наверное... - пропыхтел Барновский, доставая носовой платок и вытирая капли пота с лысины.

- Сапоги зимние забыл, - проговорил вдруг конторский сокрушенно. - Черт, они же там на полке стояли...

- Сапоги? - переспросил Барновский. - Зачем вам сапоги сейчас?

- Да в спешке я... - сказал конторский. - И сапоги, и шапку тоже, кажется... Или взял я шапку? - Он покосился на сумку.

- Слушайте, на кой шут вы это все притащили? - поинтересовался Кравец, не отрываясь от папки. - Зачем, спрашивается? Какие-то чемоданы принесли... Вот выбрались бы, и потом свои вещи забрали спокойно. Пропадут они, что ли?

- А, да не знаю я!.. - отчаянно махнул рукой конторский. - Ну, не подумал просто...

На том конце транспортера с визгом затормозила машина «скорой помощи», из нее стремительно стали выскакивать санитары. Вся курящая троица побросала окурки. Лобан остался у этого края транспортера, а Кирилл и Филин торопливо потопали к его середине, туда, где проходила воображаемая граница Оболочки.

- Значит, так, - поспешно заговорил Кравец конторскому. - Никакой

самодельности и неуверенности быть не должно. Как только я скажу, залезаете на транспортер и выходите.

Тот мелко закивал, хлопая глазами. Санитары на том конце уже вытаскивали из машины носилки.

- Всем лишним отойти на положенное расстояние! - выкрикнул Барновский скопившимся рядом несколькими зеваками.

Наблюдатели покорно попятились. Двое грузчиков из столовой, исполнявшие в резервации по совместительству роль санитаров на подобных мероприятиях, стали раскладывать на земле свои носилки. Кирилл и Филин уже стояли на положенных местах по разные стороны транспортера, возле самой границы, пристально поглядывая вокруг.

Санитары из машины «скорой помощи» осторожно стали устанавливать носилки на транспортер. Отсюда не было видно, кто на них лежал. Санитары о чем-то перекрикивались с Кравцом, стоявшим рядом с Филиным. Сергей поднял у «Рафика» заднюю дверцу и сел в нагретую лучами солнца кабину.

- А ну, держи дистанцию! - строго прикрикнул Барновский двум пацанам, крутившимся рядом. - Володя, - сказал он Лобану, - отгони их!

Конторский стал взволнованно переминаться с ноги на ногу, не сводя взгляда с носилок.

- Включай! - крикнул Кравец в сторону будки. - Только на самой малой!

Двигатель транспортера загудел, резиновая лента судорожно дернулась и носилки с лежащим на них человеком очень медленно стали ползти вперед. В воздухе воцарилось полное безмолвие, словно на торжественной церемонии - только жалобно поскрипывали в тишине заржавленные механизмы. Озабоченный Кравец вернулся к Барновскому, поблескивая на солнце оправой очков.

- Алексей, - выдохнул он, - санитары говорят, что бабка очень плоха... Боялись, что в дороге умрет. Надо срочно Касьянову к «минусу» доставлять! Где она сейчас, не знаешь? В конторе, наверное?

- Сейчас Виктора пошлю, - произнес Барновский, не сводя взгляда с транспортера. - Найдет. Не в конторе, так дома.

- Ага, - сказал Кравец. - Давай. И всех - сразу к больнице! Чем черт не шутит... Я только в мэрию на пять минут заскочу.

Носилки тем временем пересекли невидимую грань и теперь передвигались уже по территории резервации. Пресловутый Проход был сотворен. Конторский замер на месте, превратившись в статую, и, как завороченный, смотрел на бабку, лежащую под простыней на носилках. Бабка оказалась совсем крохотной и сухонькой, впавшие глаза ее были закрыты, узкой полосой чернела прорезь беззубого рта, и она никак не походила на живую.

Интересно, мелькнула у Сергея мысль, если сейчас кто-нибудь запрыгнет на транспортер и побежит наружу, что будет делать полиция? Откроет огонь? Начнет хватать за ноги? Надо будет поинтересоваться у Кирилла.

Транспортер выключили, когда носилки были в полуметре от его конца. Грузчики стали перекладывать старушку на свои носилки, а Кравец торопливо сказал конторскому:

- Давайте... С богом.

Конторский восторженно схватил свою поклажу и стал вскарабкиваться на транспортер. С сумкой и чемоданом у него это получалось плохо, он даже в какой-то момент чуть-чуть не сорвался обратно. Наконец ему все же удалось с грехом пополам забраться на транспортер. Пошатываясь и робко делая шаг за шагом, он двинулся по резиновой ленте навстречу своей свободе. Он выглядел довольно неуклюже с расставленными в стороны руками, в одной из которых он сжимал чемодан, а в другой - сумку. Через каждый шаг его покачивало из стороны в сторону, он замирал и испуганно оборачивался, словно в полной мере так и не осознав, что происходит; и все время хотелось крикнуть ему, чтобы он бросил эти свои дурацкие шмотки к чертовой матери и бежал, бежал...

Сергею не удалось досмотреть, как он дойдет до конца транспортера, потому что грузчики уже затолкали носилки в машину и попрыгали за ними следом.

- Давайте, давайте, - торопливо заговорил Кравец Сергею, снимая очки и массируя веки. - Не дай бог, умрет по дороге. Ищи потом Проход...

Сергей завел машину, развернулся и поехал к больнице.

Возле бывшего почтового отделения, служившего в резервации больницей, как всегда, было безлюдно и тихо. Частично из-за жары, частично из-за того, что дом стоял на северной стороне, почти у самой

Оболочки. Справа, метрах в двухстах, простирались гаражи, впереди - все та же железная дорога. Не лучшее место для больницы, но приходилось довольствоваться тем, что есть.

Напротив входа, через тротуар, на бетонном бордюре сидел Артем и чем-то сосредоточенно играл в дорожную пыли. Несмотря на палящий зной на нем, как всегда, была натянута черная вязаная шапочка, и Сергей поймал себя на мысли, что никогда не видел парня без нее. Артем даже не обратил внимания на подымавшую машину и продолжал ковырять у себя под ногами тонким ободраным прутиком.

На крыльце возникла долговязая фигура Уманцева, являвшего собой в резервации оплот медицины. Уманцев кивком головы поздоровался с Сергеем и, шурясь от слепящего солнца, стал ставить в двери распорки, чтобы грузчикам-санитарам было легче пройти с носилками. Мужики в фургоне засуетились, и Сергей вышел из машины, чтобы не жариться.

Обеденное время уже подходило к концу. В столовую идти было бесполезно, и он решил, что перекусит потом в «Мирке». Пока разбирался с носилками, Сергей неторопливо прошелся вдоль больницы. На дальнем конце дома он остановился.

Вот здесь и был знаменитый минус-Проход, называемый в обиходе просто «минусом». От торца здания к железной дороге шел довольно крутой уклон, поросший полынью и лопухами. Метрах в тридцати от того места, где стоял Сергей, среди этой травы, щедро покрытой копытью и сажой, был вкопан одинокий покосившийся деревянный столбик - единственный ориентир, указывающий на расположение Прохода. Именно в этом месте он и появлялся, согласно принципу перпендикулярности, в те моменты, когда умирал какой-нибудь очередной сердобольный «смертник». При этом бог получал его душу, а кандидат на выход - желанную свободу. Сама же комната, где доживали свои последние дни и часы умирающие, располагалась в торце больницы и окно ее выходило прямо на эту железную дорогу, эти лопухи и этот столбик.

Несколько минут Сергей постоял здесь в тени и тишине, глядя на темные исполосные ели по ту сторону железнодорожного полотна. Он вспомнил, как Кирилл рассказывал историю, произошедшую здесь года два назад. Кто-то выходил из резервации под проливным дождем, да еще глубокой ночью. Случай был экстренный. Какой-то раковый больной скончался, причем как-то незаметно, в том смысле, что точный момент смерти никто определить не смог - не дежурить же возле его постели сутками... В общем, никто не успел как следует подготовиться, да тогда еще и процедуры подготовки кандидатов не были должным образом отработаны. Счастливчик прибежал сюда, к Проходу, спросонья, буквально в чем мать родила. А медлить, разумеется, нельзя: не дай бог Проход затынется... Стояла тогда поздняя осень, повсюду - слякоть, уклон представлял собой глиняное месиво, по которому вниз ручьями стекала вода. Начал мужик в темноте спускаться по склону, не удержался, поскользнулся и с воплем помчался на зад униз. Потом вопли стихли и - тихо. Ни ответа, ни привета. Отсюда сверху не видно, что там внизу творится, даже перепугались - уж не промахнулся ли счастливчик мимо Прохода. Стали кричать - не отзывается. Так до утра и гадали: помер он ли выбрался наружу? Ну, а когда рассвело, поглядели - вроде тела нигде нет, обошлось, стало быть...

Так и я, наверное, когда-нибудь враскорячку буду спускаться к этому столбику, невесело подумал Сергей. Лет через семнадцать... Как тебе такая перспектива, родной, спросил его внутренний голос. И нужно ли тебе это будет вообще через семнадцать лет? У тебя уже будет к тому времени очень большой живот и очень маленькое желание что-либо менять. Смирение и покой. Все, что ни делается - к лучшему. И на все есть воля божья. Что-то уж больно пессимистично получается, заметил второй, тоже у Сергея внутри. Зачем отравлять себе существование надеждами на худшее? А вдруг повезет и завтра выпадет жребий? Или, скажем, резервация возымет и исчезнет? Ведь нет же ничего невозможного. А мечтать о несбыточном, усомниться первый, это ли не вред для организма? Крушение надежд, позднее прозрение, сожаление о силах и годах, бесполезно потраченных на битву с ветряными мельницами - это лучше? Нет, надеяться надо на худшее. Лучшее - оно никуда от тебя не денется, повезет так повезет, а нет так нет. На нет и суда нет... Но ведь смирение и покой парализуют все стремления, парировал второй. Это значит - просто признать, что ничего не надо делать. А может, воля божья в том и состоит, чтобы проверить, смиришься ты или нет? Ладно, ладно, язвительно сказал первый, а что ты можешь сделать, как ты можешь на что-то повлиять? От тебя же не зависит результат жеребьевки. Или ты уже нашел иной способ? А Лыткин, упрямо твердил второй, а сантехник Чистяков?

Тут есть над чем поразмыслить, не правда ли? Не торопись с выводами, посоветовал первый. Ты же знаешь, что не следует умножать число сущностей сверх необходимости. За всеми этими случаями может стоять самое обыденное объяснение, и ты вновь окажешься у разбитого корыта. Ведь можно было и не связываться с Лыткиным. Ведь можно было забыть про письмо Смирновой и не показывать его Кириллу. И все бы осталось как прежде. И колесо бы не завертелось... А что будет теперь? Куда ты влезаешь? Ну и что, проговорил второй. Какая, собственно, разница, чем это все обернется? В конце концов, важен процесс, а не результат. Да Кирилл-то такой же, заметил первый с ехидцей. Он тоже не может ничего не делать и сидеть спокойно. Лучше хоть что-то предпринять, хотя бы из интереса, проговорил второй. Живот отрасли всегда успеет, зачем же ускорять этот процесс? И Кирилл, между прочим, надеется на мое участие. Разве можно теперь сворачивать на полпути? Давай-ка дождемся, чем все обернется, а там решим, что дальше. Ведь чем-то это должно закончиться, причем в ближайшее время... Почему-то есть такое предчувствие. Что-то все равно произойдет! Ну, давай дождемся, как-то исчезающе тихо произнес первый голос, давай посмотрим...

Нарастающий лязгающий грохот состава, появившегося из-за леса, вывел Сергея из размышлений. Однако пора и пообедать, сказал он себе и пошел обратно к машине.

Грузчики уже управились со старушкой и, очевидно, тоже ушли на обед, потому что перед больницей никого не было. Кроме Артема. Проходя мимо него, Сергей заметил краем глаза, как что-то блеснуло на солнце в пыли, у парня под ногами. Сергей остановился и присмотрелся.

Артем самозабвенно и титетно пытался подцепить с земли концом прутика что-то блестящее и металлическое, похожее на пуговицу. Эта игра настолько увлекла его, что он даже пыхтел, высунув язык, и ничего не замечал вокруг. Сергей почти вплотную приблизился к нему, наклонился, чтоб рассмотреть предмет в пыли, и даже присвистнул от удивления.

Это была не пуговица, это была золотая серьга. Увесистая, грамма на три серьга в виде кленового листа с камушком у основания.

- Ты где это взял? - спросил Сергей у парнишки.

Артем перестал ковыряться в пыли и поднял на него свое вечно перепачканное лицо.

- Откуда это у тебя? - снова спросил Сергей.

Артем молчал, сопел и глупо улыбался до ушей. Его вязаная шапочка сползла ему чуть ли не на нос.

- А ну-ка, дай сюда.

Сергей присел, поднял серьгу с земли, сдул с нее пыль и стал рассматривать на ладони. Артем что-то промышал, выражая таким образом свое недовольство, и даже протянул руку, чтоб взять серьгу обратно.

- Но-но! - строго сказал Сергей, отступая от него на шаг. - Откуда это у тебя? - опять спросил он.

Он знал, что парень все равно ничего не скажет. Сергею за все время пребывания в резервации еще ни разу не удавалось услышать от Артема осмысленной речи. Все, что он слышал, было сопением, мычанием и всякими похожими на то звуками. Сам Артем, видимо, все слышал, насколько понимал - было неизвестно, а изъяснялся он с людьми в основном жестами.

Парень запыхтел и нахмурился. Ему явно не нравилось, что у него отобрали игрушку. Он стал переминаться с ноги на ногу и тереть в руках прутки. Какая тут к черту симуляция, подумал Сергей, вспомнив недавние разглагольствования Валеры. Самый, что ни на есть, псих. Нельзя же, в конце концов, так умело имитировать. Одна только шапочка при тридцати градусах жары чего стоит...

- Ты можешь показать, где ты ее взял? - предпринял еще попытку Сергей, потрясая серьгой перед носом Артема. Тот насутился и втянул голову в плечи.

- Что за вопрос? - раздался за спиной Сергея знакомый голос.

Он не заметил, как сзади подошел Филин в сопровождении высокой светлой девушки лет тридцати. По всей видимости, это и была Касьянова - та самая кандидатка, о которой упоминал Кравец. Она оказалась совсем налегке - только небольшая сумочка и выражение смущения на бледном лице.

- Чего это ты к парню пристаешь? - поинтересовался Филин, бросая пристальный взгляд сначала на Сергея, а затем на Артема.

- Этот парень играет очень занятной игрушкой, - сказал Сергей и показал Филину серьгу. Несколько мгновений Филин неподвижно

изучал украшение на ладони Сергея.

- Очень интересно, - процедил он потом. - Где он ее взял?

- Попробуй узнай у него, если сможешь.

- Ладно, разберемся, - сухо сказал Филин и кашлянул. - Дай ее мне.

- Зачем? - спросил Сергей. - Я хочу ее Кириллу показать. Может, она из тех, что пропали. Из награбленных.

- Вот я и говорю - разберемся, - произнес Филин медленно. - Не твоя это забота: из тех - не из тех... Давай.

Тон Филина, как это происходило почти всегда, не понравился Сергею.

- Возьми, конечно, - проговорил он, отдавая серьгу Филину. - Разбирайтесь. А может, он у мамы ее взял? - сказал Сергей, усмехнувшись.

- У мамы? - повторил Филин холодно. - Ну-ну. Я тебе, шутник, только хочу сказать: не лез бы ты не в свои дела.

- А в какие это не свои дела я лезу? - поинтересовался Сергей, внутренне ошестинившись.

Но обмена колкостями у них не получилось. Из-за угла дома вынырнул Кравец и Барновский. Грузный Барновский отдувался и еле поспевал за стремительной походкой долговязого Кравца. По пути он обтирал шею носовым платком. Сергей в душе искренне посочувствовал Барновскому: при его комплекции переносить такую жару было явно нелегко.

- Так. Хорошо, - кинув взгляд на девушку, бросил Кравец. - Я к Уманцеву.

Он исчез в дверях больницы, а Барновский подошел к ним.

- Вот ч-черт.. - хрипло задыхаясь, сказал он. - Даже газировки выпить некогда. И зачем только такая парилка?

- А Кирилл-то где? - спросил Филин, вытаскивая «беломорину».

- Мэр его срочно вызвал, - пропыхтел Барновский.

- Для чего? - тут же поинтересовался Филин. Рука с папиросой замерла в воздухе.

- Не знаю я, Виктор!.. - выдохнул Барновский, вытирая платком лоб. - Надо, значит.

- Странно, - произнес Филин и сунул папиросу в рот.

- Почему? - пожал плечами Барновский. - Что ты имеешь в виду? Ох, жарко...

Филин ответил не сразу. Он закурил и сделал несколько могучих затяжек. Барновский сморщился от дыма и стал отгонять его рукой.

- Ну и как мы теперь? - сказал Филин, щурясь и выпуская дым из ноздрей. - Ни Вовки, ни Кирилла... Вовка, что ли, на «почте» опять?

- Ты хоть в сторону дыми, - попросил Барновский. - На «почте», на «почте»... Машина должна прийти. Чего ты, Виктор, волнуешься, как первый раз? Что, разве бабулька уже померла? - спросил он, вопросительно глядя на Сергея.

- При мне - вроде как нет, - отозвался Сергей.

- Придет Кирилл, никуда не денется, - сказал Барновский. - Тем более, неизвестно, сколько еще тут сидеть. Долго она еще протянет?

- Так мы можем до темноты тут находиться? - робко спросила девушка.

- Почему до темноты, - кашлянул Филин. - Может, и до завтра. Или до послезавтра. Как повезет.

- Как - до послезавтра? - растерянно проговорила она. - И что, ночью здесь...

- Зачем же здесь? - пропыхтел Барновский. - В больнице.

- А вы, милочка, как хотели? - желчно сказал Филин. - Бывало, и по трое суток сидели - и ничего.

- Ой, а я даже в отделе как следует не попрощалась!.. - сказала Касьянова. - С девочками... Все же на обеде, понимаете... Алексей Петрович, - сказала она жалобно, - а может, я еще успею сбежать?

- Господи, да что вы глупости-то говорите! - удивленно помотал головой Барновский. - Вы разве не понимаете, голубушка?

- Я же их больше не увижу!.. - чуть не заревела она. - Чего они так долго в столовой-то... Ой, я же даже начальника не предупредила!

- Вы, милочка, может, передумали? - вставил Филин язвительно. - Оставляйтесь - и все дела.

- Нет! - испуганно проговорила Касьянова. - Почему передумала? Я не передумала вовсе.

- Тогда ждите и не причитайте, - скривился Филин, сплевывая под ноги. - А то за ними ходишь... Кукуешь тут с ними в такую жару, а они - в соплях.

- Будет тебе, Виктор, - проговорил Барновский. - Перестань.

- Пожрать даже невозможно, - сквозь зубы сказал Филин. - Слышь, Петрович, почему «смертников» постоянно в обед привозят? Специально, что ли?

- Совсем даже не постоянно, - пробормотал Барновский. - Что это ты такое говоришь?

- Да все время так, - отмахнулся Филин. - Как обед - они машину гонят.

Обеденная тема напомнила Сергею о его решении зайти в бар и перекусить. Его присутствие здесь было уже не нужно и, пожелав всей компании удачи, он забрался в машину и поехал обратно.

На площадке перед муршей Сергей заглушил двигатель, вышел и направился в «Мирок». Но в десятке шагов от входа в бар он внезапно остановился. В глаза ему бросилась одна сцена.

В узком пространстве между кирпичным домом, где находился бар, и чередой овощных ям, ошетинившихся ржавыми загнутыми вентиляционными трубами, у самой восточной кромки резервации стояла знакомая сгорбленная фигура Ревича. По ту сторону Оболочки, к самой сетке прильнули трое человек: женщина, мужчина и девочка-подросток. Все четверо молчали, и хотя отсюда и не было слышно, об этом можно было догадаться по их неподвижным, словно бы окаменевшим позам. Они просто стояли и, не отрываясь, смотрели друг на друга: Ревич, безвольно опустивший руки вдоль тела, и они - вцепившиеся в три десятка пальцев в ржавую сетку.

Картина эта вдруг неожиданно больно полоснула Сергея по сердцу, и он непроизвольно стиснул зубы.

- Сволочь... - процедил он тяжело. - Тварь ты этакая... Его-то за что?

Девочка на той стороне шевельнула рукой; Сергею показалось, будто она смахнула слезу. Ревич что-то сказал, вытянув в отчаянии вперед одну руку, но потом она вновь упала и повисла плетью. Библиотекарь ссутулится и еще больше втиснул голову в плечи.

- Его-то за что? - повторил тихо Сергей.

Он наблюдал за ними, наверное, с минуту и даже не заметил, как сзади возник Кирилл. Он подошел и хлопнул Сергея по спине. Сергей вздрогнул всем телом, оборачиваясь.

- Ты чего это как статуя тут стоишь? - спросил Кирилл бодро.

Выражение его лица было очень странное: озабоченное и словно бы радостное одновременно.

- А-а... - сказал он, заметив семейство Ревичей. - Да, грустное зрелище... Первый раз видишь?

Сергей молча кивнул.

- Они частенько к нему приезжают, - проговорил Кирилл. - Вот так все время стоят и смотрят.

- Ты от мара? - хмуро поинтересовался Сергей.

Кирилл кивнул, и в зрачках его мелькнул огонек. Невооруженным глазом было видно, что он обладает какой-то информацией. Кирилл не умел скрывать свои чувства.

- Выкладывай, - сказал Сергей. - Я чувю, ты что-то имеешь мне сказать. Чем тебя обрадовал мэр?

- А что дашь? - заговорщицким тоном сказал Кирилл. - Бесплатно - шип.

- У тебя и так на языке крутятся, - сказал Сергей. - Больше минуты не выдержишь. Но если информация стоящая, так и быть... Ты мне, я тебе. Сговоримся.

Сергей сделал паузу, и Кирилл насторожился.

- Скажи-ка, - сказал Сергей, - А была среди снятого золота сережка в виде кленового листа?

- С камушком? - тотчас спросил Кирилл, меняясь в лице. - Со светлым?

- С камушком, с камушком.

- Была такая... - протянул Кирилл, пристально глядя на Сергея. - А ты откуда...

- От верблюда, - вставил Сергей, ухмыляясь.

- Его имя, - требовательно заявил Кирилл.

Сергей выжидающе молчал.

- Поторгумся? - спросил он, поигрывая бровями.

- А я тебя запутаю, - злое предупредил Кирилл, расстегивая кобурку на поясе. - Имя верблюда!

- Вот так всегда... - вздохнул Сергей. - Водой не корми, едой не пои - дай только позволоупотреблять служебным положением. Эх, жандармерия... Артем его имя.

На лице Кирилла отразилась новая комбинация чувств: удивления, воодушевления и задумчивости.

- Игрался в пыли вышеозначенным предметом, - продолжил Сергей, воспользовавшись его замешательством. - Только что. Все мои вопросы относительно происхождения предмета игнорировал. Издавал нечленораздельные звуки. Попыток к бегству не предпринимал. Все. Теперь паузу ваял Кирилл.

- Где серга? - спросил он затем, покусывая нижнюю губу.

- Была изъята у меня представителем власти и правопорядка Феликсом Эдмундовичем Филиным, оказавшимся в тот момент в радиусе действия.

- Опять этот Артем! - Кирилл возбужденно щелкнул пальцами в воздухе.

- Думай, сыщик, думай, - сказал Сергей.

- А Филин сейчас где? - нахмурился, спросил Кирилл.

- Как - где? - удивился Сергей. - На «минусе», где же еще?

- Ах, да!.. - Кирилл хлопнул себя по лбу. - Я и забыл совсем. Мэр-то меня как обухом по башке...

- Ну, ну! - нетерпеливо проговорил Сергей. - Не тяни резину. Так чем же тебя огорочил наш любезный мэр?

Кирилл снова поглядел на Сергея, хитро прищурясь, и вновь в его глазах блеснул хищный огонек.

- Иваныч! - выдохнул он и потряс его за плечо. - Я тебе такое скажу! Ну и голова ты, парень, а! Ты сегодня ночью не уснешь.

- Оттого, что я - голова?

- От инфорации, которую сегодня снаружи передали! В общем, так, - деловым тоном сказал Кирилл. - Наш пропавший Андрей Владимирович Бурза обнаружен живым и невредимым. Проглотил?

- Г-глотаю... - пробормотал Сергей.

- Работает, понимаешь, в какой-то тихой конторке по ремонту видеотехники. Проживает по прежнему адресу. Только бороду отращил, вот и вся его конспирация.

- А информация точна?.. - спросил Сергей, чувствуя, как вдруг пересохло во рту.

- Совершенно, - торжествующе заявил Кирилл. - Перепроверяли. За ним несколько дней наблюдали. По просьбе Посаженова.

- Стало быть, выбрался, миленький, - проговорил Сергей с замиранием. - А с Котельниковой что?

- С ней пока глухо, - сказал Кирилл. - По ней пока никаких результатов. Но главное: процесс пошел! - воодушевлено заявил он. - Теперь Максимыч сам как на иголках сидит. Дело-то нешуточное! Теперь он уже лично во всем заинтересован - это уже, Серега, не только наша проблема... Сейчас закрутится, вот увидишь.

Кирилл был заволнован, Кирилл был полон азарта, и во всем его облике явственно прослеживался пес, заявивший след. Сергея стали переполнять самые разнообразные чувства. В одном по крайней мере Кирилл был прав: покоя им сегодня действительно не видать.

- Так, - облизываясь от внезапно охватившей его жажды, вымолвил Сергей. - И что дальше?

- После обсудим, - сказал Кирилл. - Вечерочком. Ты подумаешь пока... Я тоже покумекаю, пока на «минусе» сидим... Только учти: все это сугубо конфиденциально. Знаю только я, ты и Максимыч. Ну, Барновский еще будет знать... Дальше информация растекаться не должна. Тебя и то отмазал потому, что сказал, что это ты все предложил. Ну, ладно, хоть наш мэр - мужик понятливый, и особо перечить не стал. Но ты все равно вида не подавай, что в деле.

- О чем разговор, - сказал Сергей понимающим тоном и после паузы добавил: - Значит, процесс, говоришь, пошел?

- Теперь так просто уже не остановить, - проговорил Кирилл.

- И самое интересное, что я уже ничего не понимаю!.. Все свалилось одновременно. В голове полная каша. Ты посмотри! - воскликнул он и стал загибать на руке пальцы. - С Климом не ясно - никакого ответа на запрос из города нет... С Чистяковым ни фига не ясно, с Лыткиным вашим то же самое... С Артемом неразбериха. Теперь вот еще и следы тянутся наружу - тут вопросов еще больше... Фу!.. - Выдохнул он и отчаянно поскреб в затылке. - Я вот все думаю: к чему все это? Неспроста, а?

- Может, идет набор критической массы? - предположил Сергей.

- Тогда рано или поздно все должно резко и круто разрешиться. Правда, нанеся положенный ущерб... - добавил он, усмехнувшись.

- Какой еще ущерб? - не понял Кирилл. - Ну, ладно, - Он махнул рукой. - Я пошел, Серега. Порядок есть порядок...

Он ткнул Сергея в бок и зашагал, поправляя на ходу куртку.

- Так ты когда будешь? - крикнул ему вслед Сергей. - А если тебе дежурить в больнице придется ночью?

- Вроде не должен, - бросил Кирилл, обернувшись. - Нынче очередь Филина. Кстати! - вдруг сказал он. - Совсем забыл... Хочешь полюбоваться? Сейчас заскочил домой - в почтовом ящике лежало.

С этими словами он вернулся, вытащил из нагрудного кармана листок бумаги и протянул его Сергею.

На тетрадном листе в клеточку черным фломастером был небрежно нарисован череп с перекрещенными костями. Несколько секунд Сергей разглядывал рисунок, потом Кирилл забрал его и спрятал обратно в карман.

- Усек, да? - весело проговорил он. - Противник нервничает!

Он развернулся и пошел, на этот раз уже не оборачиваясь. Проводив его взглядом до угла продуктового магазина, Сергей с минуту постоял, в задумчивости ковыряя носком ботинка землю, бросил последний взгляд на Ревича с родней, а потом направился к дверям бара.

Бар пустовал. Единственными посетителями в этот час были лишь двое стариков в дальнем углу зала. Сергей подошел к стойке бармена и навалился на коричневое кожаное покрытие. Откуда-то снизу доносились фыркающие натужные звуки вперемешку с ругательствами.

- Хватит там пыхтеть, - проговорил Сергей. - Дай чего-нибудь поесть.

Внизу еще немного пошуршало, потом возник побагровевший Барков с ножом в руке.

- А, значит, это он по твою душу упал... - выдохнул он, откладывая нож в сторону. - И нет ведь, чтоб на видное место... Обязательно же надо куда-нибудь...

- Я жрать хочу, - умоляюще сказал Сергей.

- С чего это ты стал у меня обедать? - Барков вопросительно поднял бровь. - Меняешь привычки? Это мне нравится...

- Ничего я не меняю, - ответил Сергей. - Весь обед на транспортере торчали.

- А... Опять из города нечетность подогнали? Что за нечетность? Опять дедушка?

- Бабулька, - сказал с вздохом Сергей. - Вот и ждали машину, потом в больницу... Бабулька-то совсем плоха, того и гляди «минус» отчебучит.

- Полиция, наверное, тоже на ушах стоит? - поинтересовался Барков.

- А как же, - заверил Сергей. - От «плюса» - к «минусу», от «плюса» - к «минусу»... Прямо как электроны.

- Это ты, тезка, прав, - Барков ухмыльнулся в бороду. - Вся наша резервация - это батарейка. Большая и пошлая батарейка...

Он помолчал и добавил с несвойственной ему грустью:

- И все-то здесь сосредоточено около этих дурацких полюсов. А свои собственные плюсы и минусы уже никого не волнуют...

- Ты дашь мне поесть, наконец? - удивился Сергей. - Куда это тебя понесло-то?

- Поесть... - вздохнул Барков. - Да, конечно. Только ассортимент сегодня не богат. Сосиски, запеченные в тесте, ветчина есть... Будешь бутерброды с ветчиной?

- Буду, буду, - сказал Сергей. - Давай свои бутерброды, сосиски свои давай... Все давай.

- И стакан кофе, как обычно?

- Может, ты меня еще в сауну пригласишь? - съязвил Сергей. - Соку апельсинового. Два стакана. Холодного.

- Да, братец, жара... - согласился Барков и начал возиться у себя за стойкой. - Посетителей нет, особенно днем. Много стряпни не приготовишь. Не способствует прибыля жара-то.

Был он сегодня снова какой-то странный, словно в воду опущенный. Движения его были вялыми и неохотными, а светло-серые глаза выглядели совсем усталыми и потухшими. Наблюдая, как он молчаливо накладывает в тарелку бутерброды и наливает в стаканы сок, Сергей вспомнил недавний разговор с Валерой. Что он там говорил? Человек без прошлого... Что-то в этом духе.

- Расскажи мне про свое прошлое, - попросил он Баркова.

На секунду рука со стаканом сока замерла в воздухе. Барков серьезно посмотрел на Сергея. Потом поставил стакан на стойку и спросил:

- Зачем это тебе?

- Из интереса, - ответил Сергей. - Личность человека - это его прошлое. Так какое твое прошлое, Сергей?

- Никакое, - странным тоном отозвался Барков. - Нет у меня прошлого.

Он подвинул к Сергею тарелку с бутербродами и сосисками и стал смотреть через зал в окно.

- Ну, кем ты был раньше? - спросил Сергей. - Как ты попал в резервацию?

- Слушай, да далась тебе эта тема! - воскликнул вдруг Барков. - Какой интерес говорить о прошлом? Меня устраивает мое настоящее. И других устраивает мое настоящее. Чего же нужно еще?

Баркову явно не хотелось обсуждать этот вопрос, и Сергей решил отступить. На время, конечно, решил он для себя. Он допил первый стакан и взял бутерброд с ветчиной.

Хлопнула входная дверь и в бар появился Лыткин. Вид у него был крайне обеспокоенный и взъерошенный. Он в нерешительности замялся у порога, выжидая, глядя в их сторону. Сергей замер.

- Кажется, он тебя хочет, - сказал Барков.

Сергей вопросительно глянул на Лыткина и ткнул себя пальцем в грудь. Лыткин мелко и быстро закивал.

- Тогда пойду за столик, - сказал Сергей Баркову.

Взяв тарелку и второй стакан, Сергей сел за один из столиков. Торопливо приблизился Лыткин, подозрительно косясь то на Баркова, то на стариков в дальнем углу. Лицо его было бледным, под глазами легли круги, лоб весь покрыт крупными каплями пота.

- Думал, в обед вас поймаю... - заговорил он дрожащим голосом. - В столовой...

Он лихорадочно вытащил из заднего кармана брюк сложенный вчетверо листок бумаги.

- Вот... - выдавил Лыткин, и кадык его судорожно дернулся. - Утром в ящике было.

Он протянул листок Сергею, сел за стол и опять опасливо покосился по сторонам.

Сергей развернул бумагу. На пишущей машинке с опечатками и исправлениями было написано: «С завтрашнего дня будь готов и жди. Никуда не выходи из дома несколько дней. За тобой могут придти в любую минуту дня и ночи. Окончательный расчет на месте».

- Что же мне делать? - сипло спросил Лыткин, заглядывая Сергею в глаза.

- Прежде всего успокоиться, - посоветовал Сергей одновременно ему и себе.

Он еще несколько раз пробежал глазами текст записки. Лыткин заволанованно смотрел на него и часто моргал.

- Не переживайте, Антон Михайлович, - сказал Сергей. Сохранять хладнокровный тон ему стоило некоторого труда. - Делайте, как написано. Остальное не ваша забота. Все идет по плану.

- Так это что?.. - залепетал Лыткин. - Значит, могут уже завтра?..

- Значит, могут, - сказал Сергей. - Тут же ясно написано.

- А сколько это - несколько дней? - отчаянно спросил Лыткин.

- Вы меня об этом спрашиваете?

Он сконфуженно засопел и стал вытирать со лба пот.

- Да я как-то... - забормотал он. - Не знаю даже... Это что же: дома сидеть несколько дней!.. Мне кажется, что я не смогу. Не вытерплю я...

- Сможете, сможете, - строго сказал Сергей. - Надо смочь, Антон Михайлович! Чего это вы запаниковали? Ведь обо всем договорились... Возьмите себя в руки.

Лыткин глубоко вздохнул и опустил взгляд.

- Как же на работе-то? - вымолвил он. - Больничный, что ли, брать придется?

- Значит так, - после некоторой паузы проговорил Сергей. - Это я оставляю у себя, - он постучал указательным пальцем по листку. - Разберитесь с работой, продуктов купите на всякий случай и идите домой. И успокойтесь. Мы сегодня к вам еще зайдём. Договоримся конкретно о координации действий. Все поняли? - Ну, тогда до вечера, Антон Михайлович.

- До свидания... - пробормотал Лыткин.

Какое-то время он мялся, потом робко и неуклюже выбрался из-за стола и, сутулясь, попятился к выходу.

Когда он исчез, Сергей снова уткнулся взглядом в прыгающие буквы, оставленные печатной машинкой на сером листе писчей бумаги. Червяк волнения внутри зашевелился еще сильнее и стал разрастаться. Исчез аппетит, словно его и не было. Это случилось с ним впервые в жизни - чтоб аппетит пропал во время еды. Зато больше прежнего захотелось пить. Сергей взял стакан с соком и осушил его в несколько глотков. Неужели лед тронулся, подумал он с замешательством. Неужели тронулся?

Интересный выдался, однако, денек. Не много ли событий для его первой половины?

Когда он выходил из бара, то увидел на улице Клима. Мусорщик стоял возле дверей и курил, шуря на солнце. Сергей прошел мимо него и направился к мэрии. Внезапно он явственно ощутил на себе испытывающий сверлящий взгляд и, остановившись, обернулся. Клима медленно отвел глаза в сторону, выплюнул окуроч под ноги и раздавил его носком сапога.

Солнце уже скрылось за крошками деревьев на западной стороне леса, оставив после себя на небе громадный багровый шлейф. Он становился все тусклее и тусклее, а комары - все назойливее и многочисленнее. Еще один день собирался вот-вот кануть в небытие. Они сидели прямо на траве, на самом краю крутого и заросшего зеленой склона под стенами больницы.

Очередной товарняк, вынырнув из-за края лесного массива, монотонно загремел в низине. Кирилл достал из нагрудного кармана сигареты, закурил и стал смотреть куда-то в сторону горизонта, где верхушки деревьев смыкались с кровавой пеленой заката. Сергей лег на траву, раскинув руки, и уставился в небо. Здесь оно выглядело огромным темно-серым, давящим покрывалом. Когда шум состава начал стихать, Кирилл спросил:

- Серега, ты о чем сейчас думаешь?

- О том, есть ли у нас в холодильнике пиво.

- Я тебя серьезно спрашиваю...

- Я тебя тоже серьезно спрашиваю: осталось пиво или нет? Холодильное такое?

- Осталось, осталось, - пробормотал Кирилл.

- Уже стало хорошо, - удовлетворенно произнес Сергей. - А то погоды стоят, однако, жаркие... О чем еще можно думать?

- Врешь ты все, - сказал Кирилл. - Не об этом ты думаешь.

- Конечно, вру, - согласился Сергей.

- А знаешь, о чем я думаю, а?

- Наверное, о том, где взять улики на Чистякова?

- Да тут хоть задумайся! - бросил Кирилл. - Мне еще другое до ужаса интересно узнать... Все про тех парней думаю, которым мы на хвост наступили. Я сегодня, когда эту бумажку нашел, почему-то сразу «Остров сокровищ» вспомнил... В детстве еще читал. Помнишь, там пирату прислали... Как ее, блин...

- «Черная метка», - сказал Сергей.

- Во-во. Это они по этому же принципу, что ли, решили? Хотят меня на понт взять! Ну-ну, давайте поглядим, что дальше будет. Какой они следующий шаг предпримут? Или выжидать примутся? - Кирилл почесал в затылке. - Какое дерьмо мы затронули, спрашивается?

- Вряд ли это Лыткин, - сказал Сергей. - Он до смерти напуган. Сомневаюсь, чтоб тут была утечка информации.

- И пропавшие души тоже отпадают! - воскликнул Кирилл. - Кому я здесь мог поперек дороги встать? Значит, это связано с золотишком, так получается?

- Может быть, и так, - сказал Сергей. - А может быть, и нет. Плохие парни тоже не дремлют, я полагаю. Стало быть, в ближайшее время что-нибудь да произойдет. Только, Кир, я тебя прошу: будь осторожен. Вдруг это далеко не шутки.

Кирилл выкинул окуроч и лег на траву рядом. Какое-то время они молчали, потом Кирилл сказал:

- А насчет улик против Чистякова - это ты верно заметил... Дорого бы я дал хоть за одну малюсенькую улику. Нет же ничего конкретного против него! Как ты его, милого, прищучишь?

Он снова утих, помолчал, напряженно размышляя, и продолжил:

- Ты же понимаешь, что письмо, которое тебе Тина дала - это не основание. Писала его, может, и Смирнова. Я сверял почерки с ее заявлениями в конторе. Похоже. Но когда и где это письмо было написано - кто знает? И другой еще вопрос: зачем? И потом, письмо - это письмо, а не протокол допроса... Я могу все понимать, ты можешь все понимать, все могут все понимать, но никто, блин, ничего сделать не может!

- Но ведь в резервации очень любят свои правила игры, - заметил Сергей. - Так в чем же дело? Давайте придумаем новое правило. Раз уж нет фактов, а очень хочется.

- Не, - махнул рукой Кирилл. - Это дохлый номер. Ни Барновский, ни мэр не дадут никакой санкции ни на обыск, ни на что подобное в отношении Чистякова только на основании этого письма. Вот если б Смирнову живьем найти, да допросить - тогда да.

- Постой, Кир, - сказал Сергей. - А Бурза, черт его дер! Ведь он же есть физически! Его же можно допросить!

- Погоди, Серега, - сказал Кирилл. - Погоди. Опять же нет прямой связи с этим сантехником. Если она, эта связь, существует, то ее еще надо найти. С Бурзой работа еще впереди. Он, голубчик, никуда не денется. Если сантехник здесь замазан, то, считай, он у нас в кармане. Но дело-то в том, что на это может уйти время.

- И сколько? - спросил Сергей. - Сколько они там снаружи будут телиться?

- Не знаю... - ответил Кирилл. - Я их подтолкнуть не могу. Они там снаружи, конечно, нам помогают по мере сил и времени, но... Сам же знаешь, им наши проблемы...

- Ты не можешь подтолкнуть - ладно... Но кто-то же может! Посаженов там, Барновский... Или Кравец, допустим.

- Второе число на носу, - произнес Кирилл сокрушенно. - У всех на уме сейчас только одно: выборы, выборы... Это я уже точно знаю: пока выборы не пройдут, бесполезно что-то продвигать!

- Но ты же сегодня с мэром беседовал. Сам говоришь, что он засуетился.

- Максимыч-то, конечно, проникся. Он будет суетиться, но не завтра и не послезавтра... Я от него вышел, а он через пять минут, может, уже и забыл про дело. Не до того ему сейчас, и вот это очень плохо. Он, конечно, вспомнит, обязательно вспомнит - но когда? - Кирилл пожал плечами.

- А через Барновского? - спросил Сергей. - Он же должен быть лично заинтересован.

- Да, Барновский, пожалуй - последняя зацепка... - согласился Кирилл. - Но он тоже человек осторожный. Сильно много из него не выжмешь. И нет у него таких связей в городе. На Петровича можно нажать только по делу Лыткина, - проговорил он задумчиво. - Да и то, если что-то будет реально прорисовываться. А с Чистяковым пока не знаю что и делать.

Он снова вздохнул, сорвал травинку и стал ее жевать, что-то тихо насвистывая.

- Кстати об уликах, - сказал вдруг Сергей. - Есть одна потенциальная улика. И она у тебя в нагрудном кармане.

- Лытчинская записка? - спросил Кирилл. - Ну и что? Получается так же, как с Бурзой, прямой связи с Чистяковым нет. Есть только наши с тобой домыслы и фантазии.

- Зато может оказаться, что есть косвенная связь.

Кирилл перестал жевать травинку.

- Ну-ка, ну-ка...

- Зайди завтра в ЖКО. Есть там пишущая машинка?

- Там... Есть... - после некоторой паузы произнес Кирилл.

- Очень рекомендую с ней побаловаться, - сказал Сергей.

Кирилл выплюнул травинку и резко сел.

- Хорошая мысль, елки-палки!.. - сказал он. - Почему это мне в голову она не пришла? Это ж очевидно! Серега, тебе определенно надо идти к нам в полицию.

- Нет уж, - сказал Сергей, - лучше я буду просто консультантом.

- Так-так, - заговорил Кирилл, покусывая губу. - Допустим, это окажется та самая машинка. Что же дальше?.. Это несколько не выводит нас на исчезновение Смирновой.

- Зато это выводит нас на связь Чистякова с делом Лыткина.

- А где доказательства, что эту записку написал Чистяков? Он в ЖКО не один работает.

- Кир, круг сужается до невозможности, - сказал Сергей. - Вот что главное. И не забывай про письмо Смирновой. Что-то слишком много совпадений для одной маленькой резервации.

- Согласен, - сказал Кирилл. - Слишком странно, чтобы это оказалось просто совпадением. Я, наверное, даже несколько не удивлюсь, если Лыткин выведет нас на Чистякова. Весь вопрос тогда: с чем же мы имеем дело?

- Если выведет, тогда и поглядим, с чем имеем дело, - сказал Сергей.

- Что ж тогда получается? - пожал плечами Кирилл. - Получается, что в резервации уже давно существует какой-то тайный канал для переправки людей наружу?

- Получается, что давно.

- И получается, что кто-то переправляет людей наружу, не нарушая четности!

- Получается, что не нарушая.

- Бред!.. - выдохнул Кирилл, почесывая в затылке. - Эх, добраться бы до этих ребят!.. - Он потряс в воздухе кулаком.

- Дорого бы я дал, чтоб узнать, в чем же тут фишка...

- Кир, - сказал Сергей. - Может, мы просто чего-то не знаем про резервацию? А они знают, вот и все дела.

- Мы не знаем, а они знают... - качнув головой, повторил Кирилл. - И чего же это такого они знают?... Слушай, Серега, - он вдруг резко повернулся к Сергею. Лицо его было сосредоточенным. - Помнишь, Глеб тогда прикалывался по поводу тайной организации? Что, мол, кто-то там снаружи, в городе похищает людей: бомжей, допустим, или еще кого-нибудь, и доставляет их сюда! А кто-то здесь, в резервации подыскивает клиентов, которые за свою свободу готовы отдать все, что у них есть! Такой вот бизнес...

- Помню, помню, - сказал Сергей. - Что, ты теперь уже не так скептически на это смотришь?

- Ты понимаешь... - задумчиво продолжил Кирилл. - Еще месяц или два назад мне бы такая мысль даже в голову не пришла. И насчет Лыткина я бы считал, что его просто кто-то элементарно хочет кинуть. А теперь... Теперь, Серега, я не знаю, что и думать! Честно тебе скажу: я ни в чем уже не уверен!.. Ведь, получается, что выходят люди из резервации-то!

Кирилл замолчал, нахмурился и опять устремил взгляд в сторону леса.

Сергей сел.

- В принципе, конечно, это вполне возможно, - сказал он. - Тайная организация, зарабатывающая деньги таким способом. Если существует налаженное взаимодействие между резервацией и городом на официальном уровне, то почему бы не существовать налаженным теневым связям? Вполне логично. За четыре года многое можно придумать, знаете ли... Только тогда это должны быть очень серьезные ребята, Кир.

- Серьезные, - кивнул Кирилл.

- И тогда это очень опасные игры... - проговорил Сергей.

- Опасные, - согласился Кирилл. - Только меня «черными метками» не запутаешь! Я все равно до этих сволочей доберусь! А ты знаешь, почему я об этом стал в последнее время думать на полном серьезе, а?

- О чем?

- О подпольной организации, у которой вторая голова - в городе...

Кирилл выжидающе смотрел на Сергея, и в глазах его появился хищный блеск. Сергей не успел ничего ответить, как он добавил, не дожидаясь:

- Потому что в эту схему очень хорошо вписывается Артем Чистяков. Пресекаешь?

- М-м... Думаешь, что он - курьер?

- Курьер или не курьер - не знаю... Зато в деле замаскирован наверняка. Дорого я бы дал, чтоб узнать, зачем это наш сумасшедший шляется в город. И особенно по ночам.

На железнодорожном полотне вновь оглушающе загрохотал состав. Сергей молчаливо глядел на мелькающие под ногами вагоны, а из головы все никак не выходила мысль об этой гипотетической таинственной группировке. То ли здесь была какая-то натяжка, то ли все было значительно сложнее и глубже, чем при поверхностном рассмотрении. По большому счету в периметре резервации практически не было настолько уж потаенных мест, через которые можно было бы даже по ночам перемещать что-либо через Оболочку и при этом быть уверенным, что тебя никто не заметит. Или это опять же только кажется на первый взгляд? И вообще, может, все совсем не так?

Боковым зрением он заметил, что губы Кирилла шевелятся. Стук вагонных колес равномерно стихал.

- Ты не слышишь, что ли? - спросил Кирилл. - Опять кумекаешь? Я говорю: нам сейчас ничего больше не остается, как ждать. Ждем, чем дело с Лыткиным кончится, ждем, пока с Бурзой что-нибудь прояснится. Надо что-то делать, а мы ждем...

- Слушай, что-то тут не то... - озадаченно произнес Сергей.

- Не получается чего-то...

- Чего не получается? - не понял Кирилл.

- С четностью не получается, - сказал Сергей. - Если этот тайный канал по переправке существует, то куда деваются те, которые попадают в резервацию?

- А-а... - сказал Кирилл и задумался. - Ну... Естественно, живыми они никому не нужны.

- Погоди... Не в этом дело... Конечно, живыми их никто не оставит. Только как ты думаешь, долго их будут держать живьем?

- Да как можно меньше, - сказал Кирилл. - Это ж риск! Прикинь: содержать их, да еще на нелегальном положении. Это ж живая улика!

- Вот именно, - сказал Сергей. - Поэтому что получается?

- Ну... Если версия верна, то их трупы где-то в резервации. Их просто надо хорошо искать... Тогда я тебя не пойму: что не получается-то?

- А то, что тогда люди из резервации должны пропадать строго парами, - сказал Сергей с расстановкой. - Понял? Парами.

- А-а-а... - протянул Кирилл. - Э-э... Действительно. А я что-то даже и не сообразил... Тут ты прав. Тогда, елки-палки...

- А можно мне с вами посидеть? - неожиданно раздался голос за их спинами.

Это оказалась Касьянова, незаметно подошедшая сзади. Она куталась в наброшенную на плечи вязаную кофточку.

- Все в больницу ушли, - как-то виновато произнесла она. - А мне одной так неуютно там на лавке. В больницу неохота... Я с вами тут, ладно?

- Садись, конечно, - улыбнулся Кирилл. - Посиди, так сказать, на дорожку.

Она села рядом с ними, обхватив колени руками.

- Сигаретой угостите, пожалуйста, - устало попросила она.

Кирилл достал ей сигарету. Она прикурила, и Сергей заметил, как сильно дрожат ее пальцы.

- Как представляю, что ночь тут сидеть... - произнесла Касьянова хрипло.

- Тебе вещи-то уже принесли? - поинтересовался Кирилл участливо.

- Да. Я чемоданчик там оставила, возле скамейки... Слушайте, - проговорила она вдруг обеспокоенно, - а если там поезд?.. Ну, когда я выходить стану?

- Не переживай ты, - сказал Кирилл. - Пропустим поезд.

- Все равно как-то жутко... Боюсь..

- Чего? Поезда?

- Да не поезды... - вздохнула она. Вообще... Всего этого. А если ночью? Тут такая темень, боже мой!..

- Да перестань, - успокаивающе сказал Кирилл. - Подумаешь, темень. Тебе главное ведь через пути перескочить, а потом вправо пойдешь, резервацию обогнешь - и все.

- Я знаю, - снова вздохнула Касьянова. - Мне объясняли. Все равно боюсь.

- Это ты зря, - посетовал Кирилл. - Через эту дырку уж около двадцати человек, между прочим, вылезло. И все живы-здоровы...

Он вынул из пачки еще сигарету, но закурить не успел.

Со стороны центрального входа больницы вдруг послышались голоса. Все трое приподнялись. К ним быстрыми шагами приближались Филин, Барновский и Кравец. В руке у Филина болтался чемодан Касьяновой. В больничном окне застыла неподвижная фигура Уманцева с расставленными руками.

- Отмучилась, похоже, бабушка, - произнес Кирилл и убрал сигарету обратно. - Вот и все, - сказал он Касьяновой. - Повезло тебе. Дома спать будешь.

Касьянова выронила окурочку под ноги.

- Уже... все?.. - еле слышно прошептала она, глядя широко открытыми глазами на приближающуюся процессию.

- Ну-ну, - Кирилл погладил ее по плечу. - Давай, будь здорова и не поминай там на воле всех нас лихом.

Когда дом Чистякова стал заметен в глубине переулка, Лыткин вдруг начал нервничать. Его шаги стали дергаными, он то и дело замирал на ходу, беспомощно крутил головой по сторонам и вглядывался в окружающую темноту. Артем, как ни в чем не бывало, шел впереди, метрах в пятидесяти, не оборачиваясь назад и не меняя темпа ходьбы. Казалось, что, начиная с того самого момента, как они вышли из Лыткинского дома, Артем тут же обо всем забыл. Он просто шел своим путем, ничуть не обращая внимания на Лыткина, плетущегося позади на указанной дистанции.

- Чего он башкой-то вертит, идиот... - зашипел Кирилл. - Сорвет же все к чертям... Ну, вот опять встал!

Словно услышав за несколько десятков шагов недовольный шепот Кирилла, Лыткин перестал крутить головой и после некоторой заминки продолжил движение. Кирилл махнул Сергею рукой и они перебежали от угла пятиэтажки к деревянному забору, тянущемуся вдоль переулка. Они укрывшись за свисающими из-за забора ветвями дерева и прижались спинами к доскам. Кирилл, вытянув шею, сообщил:

- Артем уже подходит к дому.

- Филина видишь? - негромко спросил Сергей.

- Вижу... Они уже там. Рукой, вроде, машут.

- Кир, а что там было в записке, которую Артем принес? Как-то в спешке все...

- Чтоб взял деньги, - проговорил Кирилл, не поворачиваясь, - Чтоб шел за парнишкой до дома. А там, значит, ждать указаний... Все, погнались!

Друг за другом, прижимаясь к забору, они торопливо стали передвигаться вперед, стараясь ничем себя не обнаружить. Метров через сто они достигли последнего мелкого проулка, в котором их уже ждали Барновский и Филин. Барновский отдувался после перебежек и вытирал носовым платком шею.

- Никаких хвостов?... - вымолвил Кирилл, часто дыша.

- Мы не заметили, - произнес Филин глухо.

- Вот же приходится на старости-то лет скакать по ночам... - тихо проворчал Барновский.

Потом он спрятал платок в карман и скомандовал:

- Ладно, все приготовились. Кирилл, глянь.

Кирилл, вцепившись в доски, осторожно выглянул из-за угла проулка.

- Так... - процедил он. - Артем, похоже, уже зашел... Объект стоит у калитки.

- Чего он стоит? - недовольно выпалил Филин.

- Мнется чего-то... В нашу сторону смотрит.

- Придурик, - сплюнул Филин. - Все же объяснили ему...

- Махни ему, - сказал Барновский. - Махни ты ему, господи!..

Кирилл стал махать рукой, приговаривая: «Давай, давай...» Прошло еще несколько секунд. Кирилл замер в напряженной позе. В этот момент Сергей остро ощутил ночную тишину, царящую в резервации. Не было слышно почему-то ни транспорта с Магистральной, ни составов с железной дороги, ни прочих звуков, обычно присущих дневной жизни. «Сумерки - это трещина между мирами» вдруг всплыла в памяти фраза из Кастанеды.

- Зашел, наконец, - бросил Кирилл.

Все четверо, крадучись, цепочкой преодолели около двух десятков метров и столпились возле калитки Чистяковского дома. Лыткин стоял один на пороге, втянув голову в плечи. Входная дверь оказалась заперта, окна, выходящие на эту сторону, не были освещены.

- Ну что? - приглушенно спросил Барновский сквозь щель в заборе.

- Сказал ждать и ушел... - жалобно произнес Лыткин.

- Кто сказал? Чистяков?

- Да... Выглянул, деньги забрал и сказал, чтоб я ждал тут.

- А сколько ждать, не сказал? - спросил Кирилл.

- Н-нет...

- Быстро все внутрь, - скомандовал Барновский.

Они открыли калитку, проскользнули в окутанный ночным мраком двор, миновали крыльцо, завернули за угол дома и спрятались под окнами. Лыткину было велено оставаться на месте. Высунувшись из-за угла, Барновский поинтересовался:

- Что он еще сказал? Спрашивал что-нибудь?

- Спросил только все ли, мол, тихо...

- А про Проход что-нибудь говорил? Где он находится?

- Я не понял... Он как-то невнятно... Сказал, пока стой и жди, потом, говорит, объясню...

Голос у Лыткина был плачущий. Чувствовалось, как у него дрожат поджилки от страха.

- Алексей Петрович, - заныл Лыткин. - А без меня дальше нельзя?

- Как это без вас? - удивленно пропыхтел Барновский. - Что ж вы такое говорите-то? Перестаньте причитать.

- Тряпка конторская, - проговорил сквозь зубы Филин. - Простейшей вещи сделать не может.

- Зря ты так, Виктор, - обронил Кирилл. - Не все же такие храбрые.

- Тоже мне храбрость, - хмыкнул Филин. - Эка невидаль. Подсадная утка...

- Тише, парни, - строго произнес Барновский шепотом. - Не расслабляться.

- Слышь, Петрович, - понизив голос, сказал Филин. - Пользуясь случаем, хочу спросить тебя... У нас что, Шепилов внештатным сотрудником теперь числится?

При этом он бросил взгляд на Сергея и белки его глаз блеснули в темноте.

- Это я попросил взять Сергея с нами, - вставил Кирилл. - Дело, понимаешь, такое... Он мой друг и вообще...

- Что - вообще? - ошестинился Филин. - А может, мне тоже надо было захватить с собой брата или шурина? А что, люди надежные!

- Хватит, я сказал! - недовольным тоном бросил Барновский. - Потом будете языками-то чесать... Господи, ну и жарница, - прошептал он, вытаскивая свой платок. - Что ж это такое делается? Второй час ночи - и такая парилка!..

Несколько минут они сидели в полной тишине и отгоняли от себя назойливых комаров, которых здесь почему-то оказалось в избытке. Кирилл успел произвести небольшую разведку вокруг дома. Она не дала никаких результатов. Освещено оказалось только одно окно, на стене дома, противоположной той, где было крыльцо. Но окно было очень плотно занавешено и закрыто, к тому же к этой стене нельзя было приблизиться из-за зарослей кустов и каких-то баррикад из дров, стройматериалов и садового инвентаря. В доме Чистяковых царил тишина. Пару раз доносились какие-то звуки неопределенного характера, потом снова все смолкло. Кирилл совсем было собрался разносить обстановку в огороде, как вдруг дверь дома открылась и кто-то вышел на крыльцо. Все четверо в засаде мгновенно превратились в каменные изваяния.

- Уже? - слышался лепечущий голос Лыткина.

- Нет еще... - раздался хриплый ответ. Это был голос Чистякова.

Возникла пауза, что-то зашелокало, потом Чистяков глухо и недовольно буркнул:

- Мать твою... Есть у тебя зажигалка? Или спички?

- Н-нет... - выдавил Лыткин. - Я не курю...

Опять раздался щелчок вперемешку с руганью. Наконец, Чистякову удалось-таки прикурить. Запахло сигаретным дымом, Чистяков закашлялся и смачно сплюнул.

- А сколько еще ждать? - робко спросил Лыткин.

- Недолго, - сказал Чистяков. - Скоро, скоро...

В голосе его чувствовалось нескрываемое раздражение. Несколько секунд они молчали.

- А где, собственно... - начал было Лыткин, но Чистяков оборвал его:

- Короче, так. Там за огородом банька есть, за банькой шест торчит в земле. Увидишь - прямо на него и идешь! Ясно? На этот шест прямо! Вышел - и сразу все забыл, ясно? Я спрашиваю: ясно? Про все сразу забыл! Навсегда.

- Да-да, конечно...

- Если будут помогать, прикинься дурачком. Скажешь, пошел однажды на халаву, да и вышел! Сам, дескать, ничего не понял, просто вышел и все. Хотите верить, хотите нет... Никто все равно копать не станет - это ж резервация. Отговорку, в общем, придумаешь... Лучше, конечно, совсем из города уехать. Для надежности. Ну что, все ясно?

- Да, ясно... Все...

- Как только я выйду и скажу: «пошел», так сразу ноги в руки и пошел. Прямо на шест. Но только по моему сигналу. Тогда все... Я пошел, а ты жди. - Чистяков еще раз смачно сплюнул и напоследок пробурчал: - Ну, какого рожна так долго?..

Дверь за ним захлопнулась. В следующее мгновение Лыткин уже подскокал к углу.

- Можно я пойду домой? - замолился он. - Ну сейчас-то я вам зачем, Алексей Петрович?

- Да хватит же! - перебил его Барновский нервно. - Что же это такое-то? Что вы опять заладили! Чтоб я больше не слышал!

Лыткин удрученно шмыгнул носом и умолял.

- Петрович, какого черта мы тянем? - зашипел Филин. - Чего сидите, да он пришлет кого-нибудь, пока мы тут яйца высидим! Тогда будет стоить!

- Погоди, Виктор, - сказал Барновский. - Что-то тут не то.

- Если бы надо было кого-то пришить, - заметил Кирилл, - зачем бы тогда ждать? Ты что, Виктор?

- Не знаю я... - буркнул Филин. - Курить охота по-страшному.

- Никаких «курить», - сказал Барновский глухо. - Подождать, что ли, не можешь?

- Подождать, подождать, - проворчал Филин. - Ч-черт, сколько можно уже ждать! Комары, с-суки, достали уже!

Он сунул незажженную папиросу в рот, стал мусолить ее и хлопать себя по шее и щекам.

В тишине прошло еще минут пять. На лице Барновского, несмотря на сумерки, было заметно некоторое смятение. Видимо, его тоже терзали сомнения, стоит тут выжидать или нет, и он до конца не был уверен в своей правоте. Он даже перестал вытирать платком шею и лысину и сидел неподвижно, прикрыв глаза. Барновский принимал решение, и ему было трудно. Но никто так и не успел узнать, что собрался предпринять шеф полиции, поскольку в этот момент неопределенность закончилась.

окну. Отодвинув в сторону ткань, он прильнул к стеклу. В темноте сада ему удалось разглядеть пятно приземистой баньки. Шест за ней уже не развевался. Все правильно, отметил он про себя. Согласно принципу перпендикулярности. Как раз напротив этого окна... М-м-да...

Вот оно как получается-то! Стало быть, сегодня здесь должна была повториться комбинация «Смирнова - Бурза»... Только уже с другими фамилиями. Бланк, знаете ли, у нас стандартный, так что фамилии сами впишутся от руки. Пьеса осталась та же, только поменялись герои. Вниманию зрителей! Объявление. Вместо выбывших из игры актеров играет второй состав...

Шум в комнате заставил Сергея отвернуться от окна.

Теперь уже Филин держал Чистякова за грудки. Жена его тихо скулила, полулежа на диване. Филин раздраженно выплюнул свою наживанную папиросу на пол.

- Я же тебя со школы знаю, - сквозь зубы говорил он. - Чего же тебе не хватало, Иван? Зачем ты на старости лет превратился в ублюдка? Зачем?! - рявкнул он. - Ведь ты же выродок! Ты способен лишить жизни младенца... или ее... - Он махнул в сторону Котельниковой. - Что с тобой произошло, что?

- А с тобой?.. - вдруг произнес Чистяков глухим голосом. - Ты-то сам тоже не такой раньше был...

Филин застыл и выпустил Чистякова из рук. Тот сел обратно и снова опустил голову.

- Что - я сам? - ледяным тоном сказал Филин. - Да как ты, выродок, можешь судить обо мне!..

- Не прикидывайся ангелом, Виктор... - безразлично произнес Чистяков в пол.

Желваки на скулах Филина побелели.

- Заткнись ты, ублюдок! - прошипел он. - На твоих руках кровь, а ты распахиваешь свой рот! Ты жить не достоин! Ты же труп!

- Мы все здесь трупы, - по-прежнему не поднимая головы, сказал Чистяков. - Все мы здесь уже не те, что были...

- Свою вину на всех переложить хочешь? - вращая глазами, проревел Филин. - Лучше замолчи!.. Говорить будешь потом и не здесь!

- Ничего я не хочу... А ты что, чистеньким решил остаться, да?

- Ты что, не расслышал?! - яростно выпалил Филин. - Не доводи меня до греха, Иван!

Но Чистяков, казалось, не слышал его слов и продолжал монотонно бубнить под нос:

- Что, думаешь, я совсем ничего не понимаю? Да если бы не Артемка...

- Ну все!.. - крикнул Филин. - Я тебя, тварь такую, без суда и следствия...

Он внезапно вскинул пистолет и приставил его ко лбу Чистякова. Истощенный вопль его жены прорезал комнату. Сергей внутренне сжался, ожидая выстрела. На какую-то секунду воцарилась гробовая тишина. Потом рядом с Филиным оказался Кирилл и схватил его за руку.

- Ты что?! - заорал Кирилл, отбрасывая руку Филина с пистолетом в сторону. - Ты что, блин, совсем сдурил?

Несколько мгновений они смотрели друг другу в глаза. Затем Филин неторопливо опустил пистолет.

- Ты думал, что я на самом деле?.. - ослабившись, проговорил он и облизнул губы. - Да я просто варежку его закрыть хотел. Разозлил он меня...

- Иди ты знаешь куда? - тяжело выдохнул Кирилл. - Дурак!..

- Ну что еще, господи? - обеспокоено спросил Барновский, появившись в дверях. - Опять шум...

- Да все нормально, - бросил Филин, пряча пистолет в кобуру.

- Нервы на пределе.

- Петрович, - сказал Кирилл хмуро. - Надо с этим со всем кончать.

- Да, да, конечно, - торопливо заговорил Барновский. - Сергей, бегом за машиной. Отвезете с Кириллом Котельникову в больницу. Чистяковых пока в мерино. До утра. Так что, хозяйева, собирайтесь... А утром будем разбираться. Все.

- Шел по пустыне осел. Долго шел, очень долго. Сверху солнце палит, ну, в пустыне, сами понимаете, это иногда случается... Снизу - песок. Жарко, в общем, и это даже еще не то слово. День идет осел по пустыне, два идет, неделю идет... И воды нигде нет: снега давно сошли, киоски не работают, да и вообще ситуация здорово смахивает на сухой закон. А пить хочется ослу, господи, невыносимо. Пить ему хочется больше, чем конторскому выйти из резервуаров. Вдруг видят осел, стоят два бочонка: один - с водой, другой - с водкой. Вот такой, понимаете ли, расклад. И что же он стал пить, спрашивается? Правильно. Два бочонка - это не два стога сена. Тут решение осла очевидно: он стал пить воду. - Глеб сделал паузу и, взявшись за рюмку, закончил: - Так

не будем же ослами, господа, и выпьем водки!

Они дружно выпили водки и Валера, стреляя по столу взглядом, сказал:

- Так это был тост? А я думал, это история из твоей жизни.

- Не смешно, - заметил Глеб, бросая в рот маринованный огурчик.

- Между прочим, подвинь-ка сюда вот эту тарелку, - потребовал Валера. - Дайте пожрать-то, в конце-то концов...

- Ну, конечно, - проговорил Глеб сочувственно. - Ты же уже целых пять минут ничего не ел... Слышь, полиция, обернулся он к Кириллу. - Правда, что с нас собираются квартплату брать? Про аренду какую-то болтают...

- Проекты такие есть, - сказал Кирилл. - Местные очень недовольны. Мы, говорят, при рынке живем, или нет?

- Правильно, сколько можно? - сказал Глеб. - Нангались в гуманизм. Железы сострадания перестали вырабатывать свой секрет.

- Да вы раньше времени-то не переживайте, - сказал Кирилл. - Это только проект, утвердить сначала надо.

- Даю на отсечение голову Маевского, что завтра его утвердят, - сказал Валера уверенно.

- Почему обязательно утвердят? - возразил Кирилл. - Куда еще с вас арендную плату брать? И так ни копейки не получается!

- Это факт, - кивнул Валера. - Дальше некуда. Предлагаю проект не утверждать и железы сострадания восстановить.

- Черта с два ты их восстановишь, - скептически заметил Глеб. - Тоже мне аккумуляторы «Варта»...

- Крупная тогда завтра будет драчка на собрании, - проговорил Валера задумчиво.

- Не знаю, какая будет драчка, - сказал Кирилл, - только контора-то будет сидеть тихо и молчать в тряпочку.

- Да ну? - усомнился Валера.

- Я имею в виду руководство конторы, - пояснил Кирилл. - Рядовые могут орать, сколько захотят. А начальство ваше наверняка будет молчать. Потому что при нынешнем состоянии ваших дел не хватало вам только еще права качать. Насколько я знаю, дело ваше - труба, заказов - ноль. Коган не заключил и одного договора. Что он завтра будет говорить на собрании? О чем? О том, что конец подкрался незаметно?

- Почему же незаметно? - сказал Глеб. - Я бы так не сказал. За последний год все видели, как он, стервец, крался.

- Тем не менее, Коган ничего не смог сделать.

- Выше головы не прыгнешь, - бросил Валера.

- Вот я и говорю, - сказал Кирилл. - В таком положении глупо качать права. Начнете качать - себе же дорожке выйдете. Тут могут не только квартплату вlepить... Еще чего-нибудь придумают.

- Например, вытатуируют на лбу регистрационный номер, - изрек Глеб.

- Все равно будет драчка, - сказал Валера. - Это точно. Кто-нибудь на кого-нибудь да наедет. Всегда так, кстати, было. Все же всегда всем недовольны.

- Только полиция нынче, наверное, исключение, - сказал Глеб, поглаживая бороду. - Да, Кир? К полиции, надо полагать, придирик не будет?

- Чего опять пристали к бедной полиции? - нахмурился Кирилл. - Почему это - исключение?

- Ну как же, - сказал Глеб. - Такое дельце провернули, такую загадку разгадали. Не каждый день случается...

- Ой, только не надо! - возмущался Кирилл. - Не надо эту тему трогать... Не хочу больше!

- Что-то он мрачный, - заметил Валера.

- Я предупреждаю, - строго перебил Кирилл. - Будете доставать с Чистяковым, открою прицельный огонь! Что, больше поговорить не о чем?

- Минуточку, - ухмыльнулся Глеб. - В чем дело, Кир? Вы раскрыли такое дело, а ты не рад?

- Я же вам уже говорил, - недовольно произнес Кирилл. - Это же конфиденциальная информация! Нельзя ее обнародовать! По крайней мере, до особого распоряжения. Мы ее вам как близким людям доверили. Я же просил не трепаться об этом!

- А кто трепался? - воскликнул Валера, и даже очки его съехали от удивления на кончик носа. - Ты что, Кир?

- Тут ты глубоко не прав, - заявил Глеб. - Если есть какая-то утечка, то она не от нас, штабс-капитан. Как вы могли усомниться в нас? Мы с Васильичем чисты как свежий «памперс». Когда это мы трепались?

- Ну, все, придирались... - смягчаясь, заговорил Кирилл. - Да передо мной вы треплетесь, елки-палки, передо мной! Я же не утверждаю, что была утечка... Просто говорить про эту историю не хочу. Тошнит от

всего этого сволочизма.

- Не ожидал, что ли? - спросил Глеб, вытаскивая сигарету.

- Признаться честно, - произнес уныло Кирилл, - не ожидал. Дай-ка мне тоже, Май... Что-то жарко опять становится... Почти не пили ведь, - пробормотал он. - Не думал, не гадал я, что можно до такого дойти!

Глеб хмыкнул, покачал головой, и они закурили.

- Что ж это происходит-то, Май? - грустно спросил Кирилл. - Куда же мы идем?

- Так... Похоже, он его все-таки достал, - сообщил Валера Сергею.

- Может, на балкон пойдем?

- Пошли, - согласился Сергей.

Они оставили Кирилла и Глеба и вышли на балкон. На улице начинало смеркаться. С минуту они молчали и глядели на крыши домов напротив. Потом Валера сказал:

- Слушай, я у Кирилла не стал допытываться... Смирной он какой-то. Думаю, ты все равно в курсе... Что там с этим Бурзой-то? Прижали его городские?

- Пока нет, - ответил Сергей. - На днях должны прижать. Так и так все ясно. Чистяков во всем сознался, все рассказал. И про Бурзу, и про Смирнову... Даже показал, где труп ребенка Смирновой закопал. Картина ясна, как божий день. Одному - «плюс», второму - «минус», а Чистякову - деньги.

- И сценарий тот же самый в обоих случаях?

- Зачем его менять, Валера, если схема работает? А то, что ребенок задохнулся во время родов, так это издержки... Брак своего рода.

- Я только одного не пойму, - пробормотал Валера. - Ведь все же могло открыться в любой момент. Любой мог проболтаться. В любой момент времени... Все так зыбко и ненадежно. На что они рассчитывали?

- Не знаю, Валера, - проговорил Сергей, пожимая плечами. - Кому ведомо, на что они рассчитывали? Сам Чистяков об этом молчит. Рассказывает только то, что касается самой технологии исполнения.

- Ладно, - произнес Валера. - А Артем? Какова его роль во всем этом?

- Очень скромная, - ответил Сергей. - Похоже, что он только доставлял записки. Сначала для Бурзы, потом для Лыткина. По просьбе папочки. И все.

- А город-то тут при чем?

- А кто сказал, что он при чем?

- Ну как... В город-то Артем зачем ходит? Кирилл же тогда, между прочим, был очень заинтригован...

- Он и сейчас заинтригован. Только здесь не видно никакой связи с делом Чистякова и Лыткина.

- Не может же Артем по собственному желанию туда ползати!

- Скорее всего, - согласился Сергей. - Но Чистяков, по всей видимости, ни при чем. Нет у них никакой родни в городе. И друзей тоже нет. Выяснили на днях.

- Но Чистяков хотя бы должен знать про похождения своего сыночка!

- Говорит, что не знает. А может, не хочет говорить.

- Так тогда надо самого Артема прижать, - сказал Валера, начиная волноваться. - Кир, же собирался за ним чуть ли не сутками наблюдать...

- Все правильно, - кивнул Сергей. - Только Артем почему-то пропал.

- Как это так? - удивился Валера. - Куда он мог пропасть?

- И всего за каких-нибудь пару дней, с тех пор, как мы накрыли Чистякова. Возьми и исчезни. С четверга его в резервации никто не видел. Даже сама мамаша не знает, где ее сын. Вот и считай: четверг, пятница и сегодня. Три дня его нет. Если он в городе, то что он так долго там делает?

- А если нет? - сказал Валера озадаченно. - Если не в городе? В лесу, что ли, шишки собирает?

- Спроси что-нибудь полетче.

- Что бы тебя спросить полетче? - задумался Валера, но ничего придумать не успел.

Протяжный трубный стон донесся из глубин квартиры. Потом послышался глухой удар.

- Е-мое... - бросил Валера. - Палыч пробудился.

- Серебряков! - долетел из комнаты отчаянный возглас Глеба.

Сергей и Валера быстро покинули балкон.

Дверь в маленькую комнату чуть-чуть приоткрылась, что-то забрякало и заскреблось за ней.

- Кажется, я, наконец, увижу Палыча, - произнес Сергей. - Когда-то это должно было случиться! Вот он этот торжественный момент...

- Инъекцию срочно! - рявкнул Глеб.

Из-за двери послышался глухой, хриплый звук, затем опять

последовал тупой удар о стену. Дверь еще раз конвульсивно дернулась.

- Да живее ты! - воскликнул Глеб. - Видишь, он не в духе!..

- Сам-то не можешь, что ли! - огрызнулся Валера, хватая со стола полупустую бутылку водки. - Почему все время мне приходится...

- Шевелись, родной! - взмолился Глеб. - Выползет же сейчас - хрен обратно загонишь!

Валера взял в другую руку стакан, кусок хлеба, огурец и ринулся к двери.

- Двойную дозу закачивай! - крикнул вдогонку Глеб.

- Кого ты учишь, курсант? - презрительно бросил Валера и стремительно скрылся за дверями маленькой комнаты.

Презентация Палыча в очередной раз не состоялась. Сергей покачал головой и рухнул на диван рядом с Кириллом. Тот уже всю размахивал руками.

- Да не виноват человек, не виноват! - распаясь, выкрикивал он.

- Ни при чем он, пойми ты, Май!

- Как это ни при чем? - ухмылялся Глеб, теребя ус. - Бросьте вы мне его защищать-то!

- Это обстоятельства его вынуждают!

- Никто и ничего его не вынуждает.

- Ведь не люди же выбрали резервацию, Май! Это резервация их выбрала! Это она их довела до такого скотского состояния. Разве они виноваты?

- Разве я говорю, что они виноваты? - всплеснул руками Глеб. - Они просто люди и все.

- Но это ты же постоянно талдычишь, что человек - это скотина!

- Конечно, скотина. Еще какая. Только он в этом и правда не виноват. В том, что он - скотина. И не надо, обер-лейтенант, списывать скотство на внешние обстоятельства.

- Почему это не надо! - упрямо выпалил Кирилл. - Если человека они постоянно окружают!..

- Вот именно! - Глеб поднял вверх палец и откинулся в кресле. - Сначала чума, потом война, сегодня резервация, завтра землетрясение или нашествие пришельцев... Бедняшечку человеку всегда подсовывают какие-то обстоятельства. А он, бедняга, ползая в собственных испражнениях, пытит: «До чего же меня довели обстоятельства!» Да эти обстоятельства только для того и нужны, чтоб снова и снова человеку показать: смотри, кто ты есть, смотри и не обольщайся! Это просто большая, огромная линза...

- Или кривое зеркало, - вставил Сергей.

- Тоже хорошо... - согласился Глеб. - Вот же ты кто, человечиска, вот, гляди на себя, любуйся! - Он откинулся в кресле. - «Оптимист надеется, что мы живем в лучшем из миров, пессимист боится, что так оно и есть». Жаль, что это сказал не я.

- «Лучшем из миров», «лучшем из миров»... - буркнул Кирилл. - Ты резервацию, что ли, имеешь в виду?

- Я - в общепрофессиональном смысле, - высокопарно сказал Глеб.

- Ну тебя в баню! - сказал Кирилл недовольно. - Вместе с твоей философией. Все-то ты видишь в мрачном свете. Зачем ты такой циник, Май? Как это тебе жить не противно?

- А это уже тонкая работа, - проговорил Глеб, поглаживая бороду.

Потом он откинул голову на спинку кресла, закрыл глаза и размеренно продекламировал:

- Победило ль зло в борьбе с добром? Иль взаправду рождены мы злом?

- Стихи пошли, - проговорил Кирилл, повернувшись к Сергею. - Значит, он уже выдохся.

- Это значит, что пора промочить горло, - сказал Глеб. - Разливай, полиция.

- Так Валера с бутылкой у Палыча, - сказал Кирилл. - Вернется ли?

- Вот к слову об обстоятельствах, - сказал Глеб. - Возьми, положим, Палыча. Я глубоко уверен, что Палыч в любых обстоятельствах будет являть собой одно и то же. И, кстати говоря, я даже сомневаюсь, знает ли он про резервацию вообще? Для него это не принципиально.

- То есть как это? - удивился Кирилл. - Он не знает про резервацию?

- А зачем ему про нее знать? - вскинул бровь Глеб. - В его Вселенной это малозначительный фактор. Да, господа... Палыч - это нечто!

Вернулся всклокоченный Валера.

- Нечто? - спросил он, поправляя очки. - Был такой фильм. Этого, как его...

- Да пошел ты со своими фильмами, - фыркнул Глеб и удивленно изрек: - Вот те на! А где бутылка?

- Меньше орать надо было! - сказал Валера. - А то разорались, что даже Палыч решил принять участие в дискуссии. Тут и двойная

доза не работает, между прочим.

- Так это он, стало быть, на сцену с таким грохотом пробирался, - сказал Сергей.

- Роняя в оркестровую яму стулья и поптитры, - добавил Глеб.

- Слушайте! - недовольно произнес Кирилл. - Все только чешут языками и ни одна сволочь не сходит за водкой. Я не узнаю вас, мужики!

С этими словами он встал из-за стола, решительно ушел на кухню, погромыхал в холодильнике и возвратился с запотевшей бутылкой.

- На, словобуд, - он протянул бутылку Глебу. - Открывай. Мы собрались здесь, чтобы выпить, так давайте же выпьем за то, что мы здесь собрались!

Глеб стал возиться с пробкой, а Кирилл заворочал шейей.

- Душновато, - проговорил он. - Вы разливайте, а я пойду умоюсь.

Он вновь вышел из комнаты, расстегивая на ходу пуговицы куртки.

- Вот ты закапал всю скатерть ядом, - произнес Валера, обращаясь к Глебу. - И что? Чего ты привалялся к Чистякову? Это же единичный случай, между прочим!

- Положим, Чистякова вычеркнули из списков марсианских пособников. Кто следующий? Какая там дальше головоломка?

- Головоломка... - фыркнул Валера. - Да вся резервация, между прочим, это одна большая головоломка. Под названием «Найди выход». Только кто-то пытается искать, а кто-то нет.

- О, ты, я гляжу, поднялся на более высокий уровень абстракции, - сказал Глеб. - Теперь шайки зеленых человечков не разоблачаем? Теперь ищем выход?

- Дались тебе эти зеленые человечки! - выпалил Валера. - Как ты мне с ними надей! Ты способен что-либо воспринимать серьезно? Или ты уже совсем интеллектуальный импотент?

- Серьезно воспринимать? - переспросил Глеб, поморщившись. - А не забыл ли ты про черную кошку в темной комнате? Да неужели ты думаешь, что все будет как в сказке о Буратино? Нашли Золотой Ключик и открыли потайную дверь? Так, что ли? И вот оно, счастье! На блодечке.

- А ты совсем такого не допускаешь? - осведомился Валера. - Почему ты решил, что так не может быть? По-твоему выходит, такого не может быть, потому что такого не может быть никогда?

Глеб поднял наполненную рюмку на уровень глаз и посмотрел сквозь нее на люстру.

- Только будь готов, мой хороший, что тебе каждый раз будут попадаться Чистяковы с Лыткиными. - он вздохнул. - И душа твоя со временем покроется черным налетом, и в глазах твоих уже не блеснет жизнерадостный лучик, и на чело твое ляжет глубокая печать Вселенской скорби... О, - вдруг сказал он, поднимая палец. - Кажется, у копа радия пикает. Наша служба и опасна и трудна...

- Ладно, ладно, - скривился Валера. - «Вселенской скорби»... Много вас в резервации таких философов. Как скушают водки, так начинают строить прогнозы. Не отрывая, между прочим, задницы от кресла.

- Встать и искать Золотой Ключик, мой Буратино? Вы это имеете в виду?

- Хотя бы и так! А что такого?

- А тебе не приходило в голову, - насмешливо проговорил Глеб, - что у этой головоломки нет конкретного решения? Не приходило тебе в голову, что для каждого кролика в клетке оно может быть свое? Личный, индивидуальный золотой ключик... - Глеб сделал паузу, а Валера махнул в его сторону рукой и потянулся к тарелке с колбасой.

- Так нет же, хочется найти обязательно единый, стандартный, универсальный... - продолжил Глеб. - Может, у каждого - свой Проход. Так нет, все сгрудилось возле общего! Пищат бедные кролики, толкаются... Придумывают разные очереди, комиссии всякие создают... Вроде как нашли маломальский захудаленький ключик. А он вовсе и не золотой.

Глеб умолк, потому что в дверях комнаты появился Кирилл.

Лицо его было мокрое от воды и очень мрачное. В опущенной руке он держал радио.

- Кир, ты чего? - спросил Сергей настороженно.

- Давай, полиция, - сказал Глеб, подняв рюмку высоко над головой.

- Уже давно налиго.

- Мы с Сергеем уходим, - хрипло произнес Кирилл, не двигаясь с места.

- Прямо сейчас, что ли? - спросил Валера.

- Прямо сейчас, - сказал Кирилл. - Барновский вызвал. Пошли, Серега.

- А что стряслось-то? - спросил Валера недоуменно.

- Я не знаю, - ответил хмуро Кирилл и засунул радио за пояс.

Сергей поднялся с дивана, разведя руки в стороны, и направился к выходу.

- А Серга зачем берешь? - поинтересовался Глеб. - Он уже у вас в штате?

- Надо, - бросил Кирилл. - Машина нужна срочно. Пока, мужики. Провожать нас не надо.

Они вышли в прихожую и стали обуваться.

- Чудеса, однако! - восклицал в это время Валера. - Двух достойнейших парней отрываю от рюмок!.. В субботу вечером!

- Святотатство! - грозно вторил ему Глеб. - Что творится в резервации? Реальность трещит по швам! До чего мы дожили? Куда так отвратительно расширяется Вселенная?

- До завтра, интеллигенция, - бросил напоследок Кирилл.

Пока они спускались по лестнице, Кирилл не произнес ни слова. Он только вытер с лица капли воды рукавом, чертыхнулся, застегиваясь, потом достал сигарету и лихорадочно закурил. Когда они вышли на улицу, он повернул к Сергею свое хмурое и сосредоточенное лицо, на котором уже и следа не осталось от недавнего хмеля.

- Я не стал тебе при них говорить... - начал Кирилл.

- Да все я понимаю, - кивнул Сергей. - Рассказывай. Что еще могло случиться?

- Чистяков найден повешенным у себя в «камере», - сказал Кирилл, делая глубокую затяжку и выпуская дым из ноздрей.

Несколько мгновений он молчал, пыхал дымом и внимательно глядел на Сергея.

- Петрович тебя тоже велел взять, потому что труп надо в больницу увезти, - добавил он. - Хорошо, что нажраться еще не успели. Ладно, пошли.

Они быстрым шагом направились в сторону мэрии.

- И это еще не все, - продолжил Кирилл по дороге. - Пропал Филин. Несколько часов уже никто его не видел.

- Это уже интереснее, - проговорил Сергей. - Это уже нехорошо.

- Это мне больше всего и не нравится! - выпалил Кирилл. - А знаешь, что мне еще очень сильно не нравится, Серега?

- Знаю, - ответил Сергей. - То, что все это - накануне завтрашнего собрания.

- Правильно, - мрачно бросил Кирилл. - Соображаешь.

- Думаешь, Филин может что-то замышлять? - спросил Сергей.

- Черт его знает! - пожал плечами Кирилл. - Раньше бы мне такое в голову не пришло. Ну, скажите пожалуйста, что может замышлять Филин? И против кого, спрашивается? Человек всю жизнь здесь живет.

- А против конторы? - предположил Сергей. - Или против Барновского? Вдруг он его сместить хочет?

- Сместить Барновского? - переспросил Кирилл. - Для чего? Они с Барновским замечательно уживаются. Да и вообще, какая карьера может быть в резервации?

- Ну, у Филина на этот счет могут оказаться свои соображения, - заметил Сергей.

- Ох, я не знаю, - недовольно сказал Кирилл, - замышляет он что-то или нет, но есть факты, которые мне очень не по душе. Мне не по душе, что Филин якшается с Климом. Я не пойму, что у них может быть общего - с Климом, у которого прошлое все в тумане. А Филин же дотошный и с кем попало не свяжется... Сто раз все перепроверит. А тут... Неувязка какая-то.

- Ты же посылал запрос о Климе?

- Ха, - сказал Кирилл. - В том-то и фокус, что я просил Филина, чтоб он сделал запрос. Похоже, что он этот запросик-то и похоронил... Потом, мне вот еще что не нравится. Ту сержку золотую, надеюсь, помнишь? Хотя Филин ее и забрал и обещал сам выяснить, как она попала к Артему, но, как я понимаю, ничегошеньки он не выяснил. И даже не пытался. А с Барковым что у них может быть общего? - друг вздохнул Кирилл.

- Ну, Барков - это далеко не Клим, - сказал Сергей.

- Да не ходил Филин к нему раньше, Серега! - сказал Кирилл.

- Очень редко, может быть... А сейчас каждый день. И ты заметишь не за столом, а к нему туда, в подсобные помещения. Что это может означать?

- Что угодно это может означать, - сказал Сергей. - И даже самое безобидное.

- Так-то оно так... - согласился Кирилл. - Но мы же и про Баркова ничего не знаем! Вот ты с ним, вроде, общаешься... Попробуй-ка чего-нибудь про Филина выудить, а?

- Попробовать, конечно, можно, - сказал Сергей. - Только если Барков не захочет, то ничего из него не вытянешь, я знаю.

Они вошли в мэрию. Несмотря на девять часов вечера, тут царила напряженная обстановка.

В холле первого этажа столпилось около десятка людей. Среди них были мэр, Кравец со своими подчиненными, еще какие-то чиновники.

Лица у всех были озабоченные. Сергей и Кирилл миновали их и прошли к «камере», в которой содержался Чистяков. «Камерой» ему служила обыкновенная комната в левом крыле первого этажа, которая имела замок в двери и решетку на окне.

В комнате оказались Барновский и Уманцев. Дверной замок был разворочен, старая расхлябанная кровать стояла у стены, на письменном столе, недавно отодвинутом от центра к окну, стояла тарелка с засохшими остатками пищи и пустая металлическая кружка. Труп Чистякова лежал на полу в середине комнаты. Рядом валялся белый узловатый моток - веревка была сделана из полос простыни. Уманцев в домашней одежде стоял, наклонившись над трупом, и что-то записывал в блокнот. Барновский, заложив руки за спину, рассказывал вдоль стены.

- Пришли? - глухо произнес он. - Видите?.. Дурдом, какой-то...
- Когда? - спросил Кирилл, оглядывая труп.
- Когда нашли? - не понял Барновский.
- Когда наступила смерть?
- Ярослав Дмитриевич говорит: несколько часов назад...
- Часа четыре назад... - задумчиво сказал Уманцев. - Может, больше. Точнее сейчас не скажу. В больницу надо вести.
- Что происходит? - вздохнул Барновский тяжело. - Я еще после обеда думал сходить, поговорить с ним. А ключ-то у Филина... Думал, вечером у него возьму, а он вечером не появился...
- Петрович, ну почему всего один ключ, а? - выпалил Кирилл.
- Так один и был всегда... - проговорил Барновский. - Кто ж знал? А сейчас, значит, иду мимо... Смотрю: замочная скважина заткнута чем-то. Зачем был это, думаю, ему скважину-то затыкать? Позвал - молчит. Ну, я вытолкнул затычку-то, а там...
- А чем заткнуто было? - заинтересовался Сергей.
- Кусочком штукатурки, - мрачно ответил Барновский. - Господи, что ж это такое делается?..

- Действительно, - нахмурился, сказал Кирилл, - зачем бы это Чистякову перед смертью затыкать замочную скважину кусочком штукатурки? Что-то не верю я в самоубийство, Петрович.

- Что же ты хочешь сказать? - произнес Барновский. - Виктор его, что ли, повесил? Ключ только у него... Так, что ли, выходит? Это уж слишком.

- Я все-таки не пойму, куда Филин девался? - спросил Кирилл.
- Я и сам не пойму! - воскликнул Барновский. - Как сквозь землю провалился. Такое творится... По радия не отвечает, дома его нет. Жена говорит, после обеда не появлялся. Что за чертовщина такая? Ох, плохо-то как...

- Странно все это, Петрович, - сквозь зубы сказал Кирилл. - Опять слишком много совпадений.

- Странно, согласен... - вздохнул Барновский. - Виктор, конечно, в последнее время какой-то стал... Но не убийство же, в конце концов! В комнату зашли Кравец и мэр.

- Ну что? - вяло заинтересовался Барновский. - Бесполезно, да?
- Конечно, бесполезно, - устало ответил мэр. - Столько времени прошло...

- Кропмана только жалко, - сказал Кравец. - Из дома вытащили почти в чем мать родила...

Он снял очки и стал протирать линзы полкой пиджака.

- Да и перпендикуляр еще в таком месте... - Кравец сокрушенно покачал головой. - Через забор пришлось перелезеть. А... Все равно зря. - Он махнул рукой. - Нет никакого Прохода...

- Значит, с четностью все в порядке, - заметил Барновский и спросил уныло: - Что ж получается? Второй труп надо искать?

- Где ты его, Алексей, собрался искать? - хмуро спросил мэр.

- Тут вот что странно... - сказал Кравец, водрузив очки обратно на нос. - Если бы кто-то умер вследствие нечетности, это давно бы было известно. Время еще не позднее. Люди не спят.

- Да брось ты, Володя, - сказал мэр. - Если никто не прибежал или не сообщил - это еще ничего не значит. Всякие случаи бывают... Узнаем еще, будь оно все проклято.

- Ох, если это завтра всплывет... - Кравец покачал головой.

- Вот это будет замечательно.

- Пойдем-ка ко мне, - сказал мэр и взял Кравца за локоть. - Алексей, - бросил он Барновскому, - с трупом, в общем, разбирайся. Меня постоянно держи в курсе.

Мэр и Кравец исчезли, а Барновский издал глубокий вздох.

- И это ж надо: перед самым собранием! - проговорил он. - Что же я людям скажу завтра?

- Петрович, - сказал Кирилл. - Об этом совсем не обязательно говорить именно завтра.

- Если обнаружится чья-нибудь смерть, этого не скроешь, - сказал Барновский понуро. - Будем молиться, чтоб пронесло. Хотя бы завтра... Но в независимости от этого, - строго добавил он, - чтоб никакой

утечки информации по делу!

Кирилл, приведи сюда Чистякову, а потом поини все-таки Филина.

- Все понял, Петрович, - ответил Кирилл. - Уже бегу.

- Кир, где мне тебя искать? - спросил Сергей.

- После больницы сиди дома, - сказал ему Кирилл. - Если что, я с тобой по телефону буду связь держать. Ночь, я чувствую, предстоит горячая...

Кирилл метнулся к выходу, но в этот момент Барновский остановил его окриком.

- Погоди... Забыл совсем с этими событиями... - сказал он. - Помнишь, ты просил запрос насчет Шаповалова сделать?

- Так я же Филина просил... - насторожился Кирилл. - А он этот запрос блокировал, можно сказать...

- Я недавно тоже посылал, - сказал Барновский. - На всякий случай. Сегодня ответ пришел.

- Ну и... - выдохнул Кирилл.

- Клим, оказывается, числится в розыске. Особо опасный рецидивист. Ему человека угробить, что в сортир сходить. Вот такие наши дела, Кирилл.

- Так что ж ты, Петрович?.. - изумился Кирилл. - Что ж ты молчал!.. Его же брать надо!

- Брать, брать... - пробурчал Барновский. - Его теперь так просто шиш найдешь! Немного не успели.

- Он что, тоже исчез? - ошарашено спросил Кирилл.

- Выходит, что так, - хмуро ответил Барновский. - Я стал сегодня узнавать... В общем, никто его в резервации со вчерашнего дня не видел.

Настенные ходики в большой комнате пробили десять часов. Ожидание известий от Кирилла становилось чрезвычайно томительным. Нужно было что-то предпринять, чтоб стрелки часов не ползли так выматывающе медленно. Похоже, что Кирилл и не думал объявляться Сергей обреченно поплелся на кухню заваривать третью чашку чая. Стоя у газовой плиты, он боковым зрением увидел, что во дворе дома, прямо под их окнами кто-то стоит. Но когда он повернул голову, то успел заметить лишь мелькнувшую в свете окон тень. С минуту он постоял у подоконника, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь в уличной темноте, потом отошел к столу, заварил чай и сел.

Может, показалось, мелькнула мысль. А Кирилл ведь, один ходит... Это Сергею не нравилось никогда, а в последние дни просто не давало покоя, и он постоянно высказывал это Кириллу. Кирилл же на его замечания только отмахивался и отшучивался, словно даже и мысли не допускал, будто события могут приобрести совсем нешуточный характер. А, может быть, все он допускал, да только не хотел рисковать никем и ничем, кроме себя самого...

Попить чаю Сергею, однако, не удалось, так как в дверь позвонили. Это не мог быть Кирилл, потому что он открыл бы сам. С каким-то необъяснимым волнением Сергей направился в прихожую.

Это оказался Барков.

- Какие гости! - удивился Сергей. - Заходи.

Барков ввалился в квартиру, хлопывая Сергея по плечу и ухмыляясь в бороду. Он оказался заметно навеселе, но несмотря на это, взгляд его был совсем печальный. И это никак не увязывалось с его неровной походкой и исходящей от него смесью запахов коньяка и каких-то пряностей.

- Не ждал, тезка? - проговорил Барков. - Я вот подумал: отчего не зайти?.. Не был никогда у тебя...

- Милости просим, - сказал Сергей. - Чего изволите? Водки, чаю, кофе?

- Ничего не надо, - пробормотал Барков. - Я уже хорош. Так, на пять секунд заскочил...

Они прошли в комнату. По пути Барков покосился на Анну Васильевну, сидящую перед телевизором. В комнате он остановился посередине, заложил руки за спину и стал неторопливо рассматривать обстановку.

- Вот, значит, как вы поживаете... - сказал он.

- Я к тебе заходил днем, - сказал Сергей. - Не было тебя.

- Да, - с грустью в голосе сказал Барков. - Меня не было. У меня сегодня не то настроение. Нину вместо себя оставил...

- Странно, - сказал Сергей. - Непохож ты на себя. Никогда тебя таким не видел.

- Да я и сам себя, братец, таким не видел.

- Какие-то проблемы? - заинтересовался Сергей.

Барков не ответил, крутя головой по сторонам.

- А где Кирилл? - спросил он после некоторой паузы.

- Где-то по делам бегаёт, - уклончиво ответил Сергей.

- Когда придет?

- Не знаю. Ты хотел поговорить с Кириллом?

- Да нет... - произнес Барков, пожав плечами. - Я вообще-то так... Слушай, а ты чего дома сидишь? - неожиданно спросил он. - Шел бы к Тине.

- Не понял, - сказал Сергей. - Ты это о чем?

- Я говорю: чего в одиночестве сидеть? - сказал Барков. - Она там одна, ты здесь один. Шел бы к ней, в самом-то деле... Барков плохого не посоветует. Да и Кириллу-то тоже лучше бы...

Он замолчал на полупhrase и стал задумчиво тереть бороду.

- А что - Кириллу? - спросил Сергей подозрительно. - Что-то я тебя не пойму, Сергей.

- Да не обращай ты на меня внимания, - Барков посмотрел на Сергея, и во взгляде его сквозила грусть. - Я пьяный.

- У меня складывается впечатление, - сказал Сергей, - что ты хочешь что-то сказать, но не решаешься. Да и не верю я, честно говоря, что ты зашел просто так.

- Не веришь? - сказал Барков, невесело усмехаясь. - Может быть, и так. А может быть, и нет... Кто знает?

- Перестань темнить! - сказал Сергей. - Говори начистоту.

- Понимаешь, братец, - устало проговорил Барков, - бывают в жизни моменты, когда надо что-то решать... И вроде все уже решено и ничего от тебя не зависит, и ничего уже не изменить... А когда остаешься наедине сам с собой, то вдруг понимаешь, что еще не все! Не все! - сказал он резко. - Еще что-то можно сделать, надо только решение принять...

Он задрал голову вверх и уставился в потолок. Сергею это уже начинало не нравиться. Какое-то время Барков рассматривал трещины на побелке.

- Ты же знаешь, Барков всегда любит давать советы, - сказал он.

- А тут такое дело. Кажется, ему самому нужен совет...

- Я тебя слушаю, - произнес Сергей серьезно. - Давай выкладывай и не юли.

- Барков покачал головой.

- День завтра будет трудный, - сказал он не сразу. - Я не знаю, тетка, какой это будет день... Я знаю только, что он будет другой! Совсем другой, не такой как раньше... И очень трудный.

- А конкретнее ты можешь? - осведомился Сергей.

- И ничего уже не изменишь... - глухо проговорил Барков, словно не слыша вопроса. - Ничего... Или все-таки можно?! - вдруг выпалил он, глядя Сергею прямо в глаза. - Вот вопрос вопросов!

- Послушай, - сказал Сергей с вздохом. - Ты или говори по нормальному, или молчи тогда! Что ты все загадками...

- Ну все, все! - сказал Барков, поднимая вверх свои большие руки.

- Молчу. А то еще обидишься. А на пьяного, братец, обижаться грешно. - Он сделал паузу и уронил взгляд на пол. - А ночка-то еще длинная-длинная... Только это... - Он замялся, а затем добавил внезапно изменившимся тоном: - Не надо вам дома сидеть, вот что.

- Ты только это хотел сказать? - сухо спросил Сергей. - Без комментариев?

- Сам не знаю, что я хотел, - понизив голос, произнес Барков. - Ты представляешь: Барков не знает, чего он хочет! Вот это дела... Ладно! - решительно заявил он. - Поговорим о чем-нибудь другом.

С этими словами он тяжело уселся на диван. В этот момент зазвонил телефон.

- Наконец-то! - выдохнул Сергей, прыгая к телефону и хватая трубку.

Но это оказалась Тина.

- Привет, - сказала она. - Ты почему не звонишь?

- Извини, Тина, - проговорил Сергей. - Так получилось.

- Приходи сейчас, - сказала она.

- Тина, я не могу сейчас, - сказал он. - Я жду звонка от Кирилла.

- Сергей, я пошел, - сказал вдруг Барков и поднялся с дивана. - Пока.

Он хлопнул Сергея по плечу и направился к двери.

- Пойжди... - бросил ему Сергей в спину. - Погоди...

- Пусть твой Кирилл позвонит мне, если так уж надо, - настойчиво произнесла в трубку Тина. - Сережка, приходи!

- Мне с ним все равно увидаться надо, - сказал Сергей. - По телефону не обсудить.

Барков скрылся в прихожей.

- А мне надо увидеться с тобой! - отчаянно воскликнула Тина.

- Мне как-то неудобно. Приходи. Я должна тебе кое-что сказать.

- Подожди! - крикнул Сергей в сторону двери, где исчез Барков. - Давай, хотя бы попозже! - попросил он Тину. - Скажем, через...

- Нет, сейчас! - произнесла она упрямо. - И ничего не хочу звать!

- Тина... - сказал Сергей, но она уже бросила трубку.

Хлопнула входная дверь. Он положил трубку и хотел было бежать вслед за Барковым, но тут телефон зазвонил вновь.

- Да! - выпалил он.

На том конце провода молчали и размеренно дышали в трубку.

- Я слушаю! - проговорил Сергей резко.

Ответа снова не последовало. Еще после нескольких секунд тишины послышались короткие гудки.

- Черт знает что такое! - прорычал он и кинулся в прихожую. Выглянув на лестничную площадку, он позвал:

- Сергей!

Никто не отозвался с лестницы, только внизу на первом этаже заскрипели пружины входной двери.

- Черт знает, что такое! - повторил Сергей раздраженно.

Вернувшись в комнату, он набрал номер Тины. Длинные гудки. Хитрит, подумал Сергей. Ничего-то она мне не должна сказать, козвин все это... А вдруг нет? Ох, женщины...

Минут пять он в нерешительности рассказывал по комнате. Все это ему не нравилось. Не нравилось долгое отсутствие известий от Кирилла, не нравился визит Баркова и его туманные намеки, не нравилось то, что он, как идиот должен сидеть здесь и ждать неизвестно чего и неизвестно сколько. Да еще и Тина со своим звонком, будто специально... «Иди к Тине», «Вам не надо сидеть дома»... Что бы это значило, черт возьми? Ладно, решил он наконец, схожу к ней. Если что, вернуться обратно никогда не поздно. Правда эта мысль вызвала у него некоторое сомнение, но он сразу прогнал ее.

Вывав листок из перекидного календаря, Сергей написал на нем: «Я у Тины. Звони сразу, как придешь» и положил его на диван. Потом обулся и выскочил из квартиры.

Тишина и покой царили в погруженной в ночь резервации. Воскресенье уже наступило. Несмотря на то, что ночь еще не была особенно глубока, непогасших окон в домах было не густо.

Выйдя из дверей подъезда, Сергей свернул налево и направился по тротуару в сторону Тинино дома. Он не дошел и до угла своей пятиэтажки, как почувствовал затылком, что за ним наблюдают. Ему удалось побороть в себе первоначальное желание замереть и оглянуться. Он увеличил темп ходьбы. Если бы тот, кто наблюдал за ним, решил не упускать его из виду, то ему пришлось бы тоже прибавить шагу. На углу следующего дома Сергей резко остановился.

В тиши ночи отчетливо слышалось торопливое шарканье ног. Он оглянулся. Чья-то фигура темным размытым пятном шарахнулась в проулок. В первый момент Сергей едва было не кинулся следом, но потом что-то остановило его. Э, нет, сказал он себе. Ведь это вполне может оказаться ловушка, родненький...

С минуту он постоял на месте, прислушиваясь к тишине и вглядываясь в окружающий мрак. Странная слежка слегка озадачила его, но планов менять он не стал. Решив направиться к дому Тины окольными путями, Сергей свернул в квартал частного сектора. В это место выследить его было бы достаточно трудно.

(Окончание в следующем номере)

Старая уральская фантастика

Заметки библиофила

Судьба Уральского Жюль Верна

В первом номере «Лавки фантастики» напечатана моя заметка «Ажефранцуз из Пермской губернии» - об Иване Григорьевиче Ряпасове, писавшем под псевдонимом И. Де-Рок. Заметка коротенькая, как коротенькой представлялась тогда мне жизнь этого человека, мечтавшего стать российским Жюлем Верном.

Однако работа в архивах основательно изменила мои представления об этом русском литераторе, фигуре трагической, как и вся отечественная история XX века.

Выходец из рабочей семьи (отец был мастером на Нательном стекольном заводе), Иван Григорьевич рано выучился читать, и чтение заменило ему все - детские игры и развлечения, катание на коньках и лыжах, купание в реке. Окончив начальную школу и училище с педагогическим уклоном, он с 16 лет работал в конторе стекольного завода, в 18 лет стал помощником машиниста на другом заводе. Но рабочий паренек жаждал знаний. Упорно готовился к экзаменам, и в 1904 г. успешно сдал их, поступив в Екатеринбургское горное училище. Однако... стипендию ему не дали, и пришлось возвращаться домой. Тогда Ряпасов осенью того же года сдает в Екатеринбургской мужской гимназии экзамены на учителя начальных классов. Но литература манила юношу, и в 1905 г. при содействии знакомого журналиста Соловьева он поступает репортером в екатеринбургскую газету «Урал».

Писал много, обо всем - о революционных митингах, о добыче меди и изумрудов, о проекте канала Кама - Печора, о золотых приисках и о погромах. Но самая первая статья была - «Памяти Жюль Верна»...

В 1906 г. подошло время призыва Ряпасова в армию. Но медицинское освидетельствование признало его негодным к военной службе по состоянию здоровья. В 1907 г. Ряпасов женился. А в 1908-м газета «Урал» закрылась. Почти до конца года Иван Григорьевич работает в «Уральской жизни», а с декабря становится секретарем «Пермских губернских ведомостей».

Жизнь вроде стала налаживаться. Родился сын... Но у жены обнаружили туберкулез, и в 1909 г. она умирает. Вскоре погиб по недосмотру и ребенок, отправленный к бабушке. Ряпасов чуть не рехнулся с горя. Он пытается найти забвение в работе. В «Пермских губернских ведомостях» ведет рубрику «Наброски», еженедельные фельетоны на злобу дня, печатает путевые очерки о поездках по Каме, по Волге в Москву и Петербург. Печатает рассказы, подписывается «И.

Р-ов», «Рок»... Увлеченно пишет свой первый фантастический роман «Неведомый город». Начав его 15 мая 1912 г., уже 12 декабря поставил в рукописи последнюю точку... Даже заболев тифом, не прекращал работу. Попытки «пристроить» роман в журналы «Природа и люди», «Новое слово», в издательство Ступина оказались неудачными. Отказы сыпались один за другим. Да и рукопись время от времени терялась. Приходилось ее восстанавливать, чтобы послать по новым адресам.

А вскоре новая беда обрушилась на многострадальную голову молодого журналиста. Он поручился по векселю А. Вдовина, своего сослуживца по газете, знакомого еще по Екатеринбургу. А тот скрылся в неизвестном направлении. Пришлось И. Ряпасову в 1913 г., распродав имущество, рассчитываться с вдовинскими долгами. Врачи рекомендуют ему подлечиться. И он едет в Сочи. И в который раз начинает «новую жизнь». В Сочи знакомится с Ниной Поповой, женится на ней. Начинает вторую книгу своего сериала - «Наследство Блома». Подлечившись, едет в столицы, обивает пороги издательств, предлагая для публикации «Неведомый город». Тщетно. Узнав, что это первый роман молодого автора, рукопись возвращают, даже не раскрыв. Отчаявшись, Ряпасов подумывает о самоубийстве.

Устроившись редактором бердянской газеты «Эхо», продолжает навещать в столицы с целью «устроить» рукопись. Пытается найти и более «хлебную» работу, для чего отправляется в Батум. Наконец, рукопись «Неведомого города» взяло питерское издательство Стасюлевича! Название сменили на «Грозу мира», автором стал И. Де-Рок. А гонорар обещали выплачивать частями (И. Ряпасову удалось получить меньше трети оговоренной суммы). Книга увидела свет в 1914-м, в год, когда началась предсказанная Ряпасовым война...

Летом 1913-го врачи признали у Ряпасова туберкулез легких, и он вновь едет на Кавказ лечиться. Продолжает писать «Наследство Блома». Вернувшись в Бердянск, пытается спасти свое «Эхо», но в августе 1914-го газета обанкротилась. Перебравшись в Урюпинск, к родителям жены, Ряпасов 30 марта 1915 г. завершает второй роман и посылает рукопись в Петроград Стасюлевичу. Между тем сам

Стасюлевич уже умер, издательство закрылось. И рукопись затерялась неведомо где.

Несколько месяцев Ряпасов ищет работу газетчика. Едет в Екатеринослав, в Симферополь. Наконец, решает вернуться в «Пермские губернские ведомости». Этот период с 1914-го по 1917-й оказался наиболее плодотворным в жизни И. Ряпасова. В эти годы он завершил роман «Наследство Блома» и написал

третью книгу сериала - «Пираты XX века», полтора десятка рассказов, среди которых - «Великий Инквизитор», «Урим и Тумим», «Ноев ковчег», «Безумство храбрых», «Клятва», «Стальное облако», «Последняя жертва», «Взятие Баязета», «Сын падишаха», «Могила на вершине Гауризанкара», «Черный бриллиант» и др. Рассказы Ряпасова охотно печатали популярные «Мир приключений», «Журнал для всех», историко-географические очерки - «Природа и люди». Но основная масса его публикаций этого периода пришлась на «Пермские губернские ведомости» и «Пермскую земскую неделю». В «Губернских ведомостях» в 1916-17 гг. опубликован роман «Пираты XX века» (не завершенный публикацией в связи с начавшейся революцией), ряд рассказов, множество фельетонов в рубрике «Наброски», статьи самого различного содержания.

Летом 1917-го И. Ряпасов уехал во Владикавказ редактировать газету. И пропал на много лет. Напрасно после окончания гражданской войны его искали брат Павел и сестра Ольга. Никаких следов Ивана Григорьевича отыскать им не удалось, и они решили, что в 1919 г. их болезненный брат умер. От них эта дата через краеведов просочилась в печать. Поверил в эту легенду и я. Но И. Ряпасов был жив!

Октябрьский переворот застал его в Ставрополе, где он работал в городской управе. После установления советской власти - в совнархозе. Являлся секретарем полиграфического отделения, но болезнь (на этот раз - желтуха) заставила его оставить службу.

В 1918-м в случилось событие, перевернувшее всю жизнь Ряпасова, превратившее его в глубоко религиозного аскета.

Возвращаясь из служебной командировки в Армавир, Ряпасов был задержан на вокзале вместе с другими пассажирами «революционными» матросами из отряда Медведева. Все арестованные без суда и следствия были объявлены «шпионами Керенского» и приговорены к расстрелу. Потрясенный абсурдностью ситуации, Ряпасов вообразил, что случившееся - божье наказание ему за прегрешения. И всю ночь калялся и молился Николаю Чудотворцу. А утром, когда «осужденных» повели на казнь, им повстречался комендант города, который, после недолгих препирательств с конвоирами, отпустил всех арестованных по домам. Нечто подобное случилось в Сибири с Всеволодом Ивановым. Но Иванов был помоложе и психика его была покрепче. Ряпасов же сломался. Он поверил в Высший Разум, поверил истово. Мог часами размышлять о бессмертии души, о родстве всех религий, о божественном Высшем Духе. Он изменился и внешне - бледное одухотворенное лицо, глаза с лихорадочным блеском, с расширенными зрачками.

Жену он потерял в гражданскую войну, близких - тоже. Интересовали теперь его всевозможные таинственные и мистические явления, книги «духовного» содержания. Новые настроения не способствовали, разумеется, служебным успехам журналиста.

В 1921-22 гг. он работал секретарем ставропольской газеты «Власть советов», писал статьи на хозяйственные темы, рецензии, фельетоны под псевдонимами «Рок», «Казбеков», «Рок-Казбеков», «И. Р-ов», «И. Востоков», «Волжин». Все чаще его выступления оказываются несовместимы с «генеральной линией». Например, выступление против продажи церковных колоколов на медь. Все чаще ему приходится оставлять работу не по своей воле.

В 1923 г. Ряпасов составил историко-географическую хрестоматию Северного Кавказа. Госиздат ее одобрил. Но напечатана книга так и не была. Попытался перебраться в «Лавка фантастики» №4

Москву, но не смог устроиться с жильем. Жил в Ростове, на Черноморском побережье, снова в Ставрополе, где работал хранителем архива, зав. отделом книжного магазина, корреспондентом ростовской газеты «Голос юга». В 1932-33 гг. - секретарь редакции газеты в Туркменском районе Ставрополя (был и такой...). Здесь Иван Григорьевич припомнил свои былые уральские увлечения геологией - отыскал месторождение цементного сырья, подал заявку на месторождение нефти...

В 1936-м преподавал в Ставрополе на курсах географию, историю, русский язык, учительствовал в школе. Писал статьи историко-географического характера - о Невинномысском канале (в журнале «География в школе»), о редком небесном явлении (в «Науке и жизни»). Последняя его публикация - очерк о развалинах древнехазарского города Маджары на Куме, последней столице хазарских каганов, - увидела свет перед самым началом Отечественной войны, весной 1941 г.

Осенью, копая окопы на подступах к Ставрополю, Ряпасов простыл и свалился с воспалением легких. Оказался в оккупированном городе. Едва поправился - нацисты мобилизовали 56-летнего писателя на земляные работы. Затем угнали на Украину, в Польшу, Чехию, Австрию. Вместе с десятками тысяч других «мобилизованных» приходилось трудиться с утра до вечера. Кормили отвратительно.

В 1945-м после освобождения вернулся на родину. Но впереди был самый тяжкий период его жизни. В 1949 г. «за сотрудничество с врагом» Ряпасов был арестован и осужден на 25 лет лагерей.

Иссохший согбенный человек с рыжеватой бородкой клинышком, он выделялся в толпе эжков одухотворенным лицом и горящими глазами. В 1954-м актюбинский суд освободил Ряпасова. Удалось даже выхлопотать место в доме инвалидов в Черкасской области. Но здоровье было подорвано окончательно. Последние месяцы И. Ряпасов почти не вставал с постели. Испытывал страшные муки. Его наконец-то отыскиали родные - брат Павел и сестра Ольга. Однако, когда они приехали, он был уже в беспомощности. 3 сентября 1955 г. Ивана Григорьевича Ряпасова не стало.

Кто вы, господин Перелетный?

Фельетоны, стихи, баллады, очерки, заметки и рассказы А. Перелетного в изобилии заполняли страницы «Уральской жизни» и других уральских изданий начала XX века. Первые корреспонденции связаны с городом Кизел, затем, очевидно, после того, как автор стал профессиональным журналистом, они стали присылаться из многих городков Среднего Урала. А в 1909-10 гг. А. Перелетный внезапно обратился к фантастике - возможно, в поисках новых форм и изобразительных средств. Первоначально это были фантастические миниатюры, нередко в стихотворной форме - например, баллада «Смерть екатеринбуржца» («Уральская жизнь» 1908, 17 февраля).

В той же «Уральской жизни» через год, 4 июня 1909 г., опубликована «научная фантазия» А. Перелетного «Картина будущего». Екатеринбург 1915-го года. В городе уже пошел трамвай! Его так долго ждали, что даже бытовала поговорка: «Когда трамвай в Екатеринбурге пойдет», как о чем-то несбыточном и нереальном...

Образчиком сатирической фантастики стал рассказ «Ложь исчезла» («Уральская жизнь», 1910, 3 июля), названный автором «невероятной историей». Земле угрожает космическая

катастрофа - приближается новая комета невероятной яркости. И хотя астрономы уверяют, что комета пройдет мимо, разве что хвостом слегка зацепит, население в панике. Астрономы оказались вроде бы правы - комета пролетела мимо. Но несчастье все-таки приключилось. И немалое. Комета своим хвостом смела с Земли... ложь. Потеря оказалась прямо-таки невосполнимой. В Госдуме Пуришкевич вышел на трибуну, сказал пару фраз, покраснел и... сообразил во вранье. Взобрался на трибуну октябрист. Начал:

- Наша партия жаждет...

И после паузы:

- Крепостного права.

И все ораторы, и правые, и левые, умеренные и «неумеренные», взяв слово, обнаруживали, что сказать-то им нечего, раз соврать стало невозможно. Заговорили о роспуске Думы.

В Тьмутараканске провожали пастыря. Искренне желали ему:

- Скатертью дорожка!

Рушились семейные устои: отцы ссорились с детьми, жены с мужьями. Адвокаты и доктора лишились клиентов. Дипломаты совсем запутали международные отношения. И если бы следующая комета не вернула атмосфере прежний состав, возможно, разразилась бы мировая война (она, впрочем, все равно разразилась через четыре года...).

О Перелетном мне так и не удалось узнать ничего определенного. Был такой сотрудник журнала «Жизнь Сибири» в 1920-х годах. И еще - эту фамилию носили демидовские крепостные художники, одним из потомков которых является ныне живущий поэт В. Перелетный из Новоуральска... Может, и А. Перелетный принадлежал к этому роду?

Неопубликованный Жюль Верн и нерассказанный Гофман.

С 1907 года на страницах газеты «Уральская жизнь» все чаще и чаще стали появляться «фельетоны», «маленькие фельетоны», стихи, рассказы, статьи, очерки, заметки, подписанные чисто уральским псевдонимом «Володюша», реже - инициалами «Вл. Ш.» Среди рассказов и фельетонов Володюши превеликое множество было с фантастическими сюжетами. Рассказы эти заметно выделялись среди прочей литературной продукции, появлявшейся в те годы на страницах уральских газет, остроумием, неожиданными поворотами сюжета, хорошим литературным языком. Кто же скрывался под этим псевдонимом? Уральские справочники, в том числе наиболее обстоятельный из них, «Урал литературный» А. и М. Шамаковых, по этому поводу хранит молчание. Секрет раскрывает словарь псевдонимов Масанова. Под именем Володюша печатался Владимир Захарович Швейцер (4 октября, по другим данным 25 февраля 1889 - 27 февраля 1971), впоследствии известный кинодраматург.

В детстве В. Швейцер жил в Одессе, где его первым (домашним) учителем стал юный Николай Корнейчуков (известный ныне как Корней Чуковский). Дружба между ними сохранилась на многие годы. «Я начал заниматься журналистикой, когда мне было 14 лет, - вспоминал Владимир Захарович. - Писал под псевдонимами «Володюша» и «Пессимист». «Пессимист! - восклицал Л. Зорин в послесловии к книге воспоминаний Швейцера «Диалоги с прошлым» (М., 1976). - Не часто приходилось встречать столь яростного

жизнелюбия!» Самостоятельную жизнь В. Швейцер начал в 1907 году в Екатеринбурге, фельетонистом газеты «Уральская жизнь». Но печататься начал раньше, будучи гимназистом, в бакинских газетах. Вошел в гимназический социал-демократический кружок, писал листовки и прокламации, общался с руководителем бакинских большевиков И. Джугашвили (Сталиным). В 1907 г., скрываясь от ареста, вчерашний гимназист приехал в Екатеринбург с фальшивыми документами на имя Нижарадзе и устроился в местную газету. Четыре года, проведенных на Урале, многочисленные поездки, встречи с интересными людьми (однажды ему пришлось ехать в одном купе с Григорием Распутиным) обогатили запас жизненных наблюдений вчерашнего школяра, а литературная работа, к которой он подходил всегда творчески, вкладывая в нее душу, «отточила» его перо. Сотни рассказов, стихов, очерков, заметок напечатаны на страницах «Уральской жизни» за четыре года. Они помогли ему постигнуть искусство рассказа о многом на малой площади, находить единственное необходимое слово, отыскивать ту деталь, которая освещала целое. О чем же фантазировал юный журналист?

Пожалуй, на новом месте первой по времени его фантазией был «Город под снегом. Из записок ученого XXX века», опубликованный 1 января 1908 года в «Уральской жизни». Некий ученый XXX века, путешествуя по гористой местности, носившей на старинных географических картах название «Урал», натолкнулся на Город под снегом! Совсем как тот неаполитанский крестьянин, натолкнувшийся на статуи и бронзовые предметы, приведшие к открытию Помпеи! Во время одной из своих прогулок к Северному полюсу на электрическом воздушном автомобиле он увидел в свою замечательную зрительную трубу (в 90 лошадиных сил) какой-то блестящий жестяной предмет, лежащий на том, что люди называют «земляной корой». При ближайшем рассмотрении это оказалась... «такса для легковых извозчиков г. Екатеринбурга».

С помощью филологических сравнений и географических догадок ученый понял, что им обнаружен «регулятор жизни большого города, исчезнувшего после 1908 г.». Из старых газет с предсказаниями погоды профессора Демчинского он узнал, что в декабре 1907 года выпало очень много снега... Телеграмма ПТА, которым, правда, наука не придает никакого значения, гласила: «Екатеринбург исчез, предполагается злостная засыпка снегом». В Мировом музее ученый нашел записки некоего екатеринбургского домовладельца. Оказалось, что катастрофа предвиделась! Городская управа даже приняла специальное постановление об очистке тротуаров от снега. Ученый начал раскопки... И обнаружил, какая убогая и жалкая жизнь была здесь в начале XX века. Вряд ли искусство и наука найдут в городе под снегом достойные изучения памятники!

Фантазии Володюши отличались разнообразием тем, стилей, форм. Тут и «пасхальная» фантазия «Кулич и хлеб» («Уральская жизнь», 13 апреля 1908, № 84), аллегория «Маска» (УЖ, 9 января 1908, № 7, автор - «Вл. Ш.»), политические памфлеты «Продовольственная программа» (УЖ, 20.02.1908, № 42), «Жур-фикс в крепости: из дневника одной дамы» (УЖ, 22.03.1908, № 67), «Забастовка» (УЖ, 16.02.1908, № 39). В последней изображается «забастовка» истинно-русских патриотов (так называли себя черносотенцы), оскорбленных тем, что Родина не желает «спасаться» по их рецептам. И вот настали «ужасные дни»: Меньшиков сошел с ума и уехал читать лекции в Америку, Дума прекратила заседание, а на небе засиял кровавый хвост неведомой кометы.

«Лавка фантастики» № 4

Блестяще написано «Благоденствие» (УЖ, 20 апреля 1908, № 133). Однажды утром все проснулись и увидели, что наступило Благоденствие. Заспорили: что? как? почему? И успокоились, когда узнали, что Благоденствие наступило не в России, а в «России» - по случаю повышения жалованья редактору Гурлянду...

В «екатеринбургской фантазии» «Тайное сообщество» (УЖ, 29 октября 1908, № 286) игроки в «железку» после ее запрета организовали «тайное общество». Причем организовал его один из благонамереннейших граждан города, который благодарил начальство за науку, когда ссылали его детей, для которого самым упитательным чтивом были «продовольственные постановления». Но запрет «железки» превратил его в форменного бунтаря!

Уже в первых своих рассказах Володюша не столько пародирует (хотя не без этого), сколько переосмысливает признанных мэтров: Гофмана («Автоматический депутат» - УЖ, 18, 19 сентября 1908, №№ 247, 248), Жюль Верн («Город, в котором ничего не происходит» - УЖ, 19 апреля 1909, № 85), Леонида Андреева («Жизнь екатеринбуржца» - УЖ, 11.01 1908, № 9). Последняя состоит из Пролога, Рождения, Любви и Бедности. Правда, обещанного продолжения так и не появилось: очевидно, в нем не было надобности.

«Автоматический депутат: нерассказанная сказка Гофмана» - блестящая политическая сатира, состоящая из двух «дней». «Дней» было задумано и даже написано больше, но опубликовано только два.

В «дне первом» знаменитый физик Споланцани создал «чудо XX века», автоматизированного депутата русского парламента (как ныне называли бы - робота). Кстати, эту тему впоследствии развивали в своем рассказе «НМ» свердловские фантасты М. и Л. Немченко.

Автоматизированный депутат говорит речи, голосует, бранится, даже свистит и дерется на дуэли. Вот уж законодатель в полном смысле слова! Изобретатель демонстрирует свое детище, сделанное им в нескольких «заводах», то есть с несколькими заданными программами поведения. Нужен депутат «веселого правого направления»: нажимается соответствующий рычаг и тотчас депутат заводит речь: «Уничтожить жидовско-масонско-кадюковско-эсдековскую крамолу... университеты закрыть... Финляндию подарить Дубровину... В Думу запретить вход некрещеным и писателям». Изобретатель демонстрирует реакцию «робота», ставя перед ним «задачи». «Хомяков?» - в ответ раздается свист. «Милюков?» - в ответ рык. «Начальство?» - робот жмет руку к сердцу, усердно кланяется. Но демонстрацию робота в первый день прерывают посетители... Во «второй день» выясняется, что приходил один из лидеров Союза Русского народа Булацель и пытался заказать ученому изготовление партии Дубровиных для рассылки по провинции, чем вконец рассердил изобретателя, который раскричался, что он творец, а не ремесленник. Излив обиды, ученый вновь начинает демонстрировать достоинства своего автоматического депутата. «Теперь октябрист»... Автомат, едва включенный, начинает всем усиленно кланяться, талдычит: «Терпение, смирение, уважение к статским и тайным советникам... Затем уже - осуществление принципов 17 октября! Смягченных принципами 3 июля... Наша программа - трезвая законопослушность, потом медлительные реформы... уничтожьте забастовки, партии, заговоры... Дайте отдохнуть от конституции!» И снова задачи для робота. «Перед вами Пуришкевич!» - «Наше вам! Ваша группа голосует с нами? Сплотиться надо... положить предел дерзким

«Лавка фантастики» №4

домогательствам врагов России... объединиться на общей ненависти к инородцам, кадетам... общей любви к патриотическим устоям!» - «Пуришкевич ушел!» - «Мавр!» - «Милюков?» - «Павел Николаевич! Голосуйте с нами! Надо положить конец домогательствам врагов конституции... нас объединяет ненависть к союзникам и бюрократии, любовь к правовому строю». - «Милюков ушел!» - «Выборгский поджигатель... тайный бомбист...»

Многие политические фантазии Володюши 1908 года сиюминутны по теме. Так, в фантазии «Нищие сенаторы» (УЖ, 28 сентября 1908, № 213) Володюша рисует государственных чинуш, присваивающих государственные пособия на воспитание детей. А нынче разве не так? В фельетоне «Рубль и миллион» (УЖ, 10 июля 1908, № 150) Володюша «вывел» математические выражения политических российских проблем того времени. «Наука и артиллерия» (УЖ, 24 сентября 1908, № 209) посвящена актуальной в годы первой русской революции теме студенческих волнений. Полковник Ляхов, «заведовавший» персидской конституцией и шахской кухней, приглашен в Министерство просвещения: «Земля наша велика и обильна, но науки в ней нет... Приходи и научи!» И вот ночью петербуржцы были разбужены топотом верблюдов и ишаков. Это Ляхов ехал из Персии насаждать русскую науку. «Никаких вольнослушательниц! Никаких вольностей! Баба есть баба и дело ее бабье! На женских курсах стали читать только «Историю гарема» и «Супружеские права мусульман». - Смир-р-р-на! Кругом марш! - Профессорам: - На хлеб и на воду! Я покажу вам международное право! Никаких Кантов и Платонов! Студенты должны нести действительную службу! Ввести нашивки и маршировку! Отменить ректоров! Назначить фельдфебелей и старших ефрейторов! С профессоров взяли подписку о непринадлежности их, членов семьи и их знакомых к партиям, нациям, идеям, союзам!.. Ввели гимнастику.

- Смирррна! Правое плечо вперед!

- Родители не нужны! На войне как на войне! Ишь... иной уже в подготовительном, а все не знает, что носки надо держать врозь! Родители... Родительный падеж... отвечает на вопрос «кого?»/ Кого бьют? - родителей. Ребятишек - пороть. Называется «внешкольный надзор»...

Оглядел Университет.

- Одну пушку поставить против главного входа, две с боков... четыре пулемета...

Через год наука и нравственность расцвели пышно! Вольнослушательницы вышли замуж. Профессора занимались гимнастикой. Россия задышалась... от восторга. Хорошо стало, как в Персии!»

В юмореске «О разводе» (УЖ, 1 декабря 1909, № 257), построенной в виде серии фантастических интервью, автор интересуется мнением ряда видных общественных деятелей о разводах. Вот мнение Максима Горького, незадолго до этого разведенного с русской социал-демократией. Интервьюер переносится на Капри, который писатель почему-то предпочел родному Сахалину. «Присаживайтесь! Будьте как в постели!» - встречает гостя радушный хозяин. - «Мой роман с русской социал-демократией длился недолго. Эта женщина ревнива, как Отелло! Она душила меня ревностью к легкомысленной Эстетике и лицемерной Мистике... А я художник, мне свойственно увлекаться! А тут: Алексей Максимыч, ты не по Каутскому поклонился! - Алеша! У тебя богостроительское выражение глаз! Сейчас я изучаю труд профессора Белой и Черной магии Балтазара Муфрия «Руководство по выбору жен».

Гулькина интервьюер застал за докладом о преимуществах человеколюбия перед бичами и скорпионами. «Я изменил фракции националистов. Она зла, сварлива, уродлива, эгоистична. Теперь я холост. Мечтаю о собственной семье».

Муромцев признался: «Я жил с адвокатурой 25 лет душа в душу, а теперь нас хотят насильно развести... Конечно, это дело рук родственничков госпожи Прокуратуры. Надеюсь, что это не удастся... Мы слишком любили друг друга!»

Упомянувшийся выше «Город, в котором ничего не происходит»: незаданная страница из ненаписанного романа Жюль Верна» (УЖ, 19 апреля 1909, № 85) оформлен в виде нескольких «микроглав» (IV, V и VI), в которых некий французский путешественник Сантим произнес длинную речь перед сторожем городской управы, в которой узнал мет сторожа, что он и его спутник - мужики Луки, трижды объехавшие вокруг света в 96 дней, прочитавшие 429 лекций и диссертаций, чувствующие себя как дома на дне Ледовитого океана, изучившие тайны космических явлений... Несмотря на пламенную речь, путешественники оказались выброшенными на улицу... В следующей главе - лекция Сантима о моторных силах человеческой души, и в последней главе - путешествие французов в таратайке к вокзалу. Фонари через полверсты. Темно как в гробу. «Загадочный город», - рассуждают путешественники. - «Город, в котором ничего не происходит! Заколдованный! Люди в нем как живые мертвецы!» Поезд тронулся, таинственный город (в котором современники, несомненно, признали свой Екатеринбург) остался позади...

Немало было у Володюши «фантазий», которые ныне, без знания истории и быта Екатеринбурга тех лет, трудно понять. К ним можно отнести «Дувль: вымышленное происшествие» (УЖ, 4 декабря 1909, № 260), «Кошмар» (УЖ, 12 декабря 1909, № 267), «Городские вояжи: квазифантазия» (УЖ, 26 мая 1909, № 109), «Карьера варианта» (УЖ, 27 мая 1909, № 110) и другие...

К 1910 году количество «фантастических» рассказчиков у Володюши поуменилось. Временами он стал повторяться. Снова берет фантастическое интервью у кометы (УЖ, 20 января 1910, № 15). Редактор посылает репортера проинтервьюировать комету, и тот вылетает по адресу: Азимут уу 18-С ядро на 0,2 выше Венеры. Оригинален транспорт корреспондента - он «воспарил душою». «На высоте 3 сажен попадались разные предметы: русские авиаторы, бумажные змеи, патриотические флаги. Далее атмосфера стала редеть. Выше каланчи был только дым, мелкая пыль, что пускают в глаза мечтания стихотворцев. Юпитер справился о здоровье Щегловитова, Меркурий - куда уходит Тимашов. Венера - читала. А Марс отвернулся - не мог простить нашей победы в Портсмуте. Вот и комета.

- Сообщите что-либо о слухах относительно гибели Земли?

- Мы решили уничтожить так называемое человечество, которое подрывает престиж Вселенной своей тупостью, жадностью и глупостью»...

«Посмертное заключение» (УЖ, 1 июля 1910, № 140) - вновь Володюша потревожил тень классика. На этот раз Гоголь выходит на Невский, садится в «непостижимый» для него трамвай и спешит в цензуру, где что-то приключилось с «Ревизором». А вокруг кипела столичная жизнь начала XX века: газетчики с биржевиками неслись, как угорелые, неопределенные личности на углах торговали из-под полы пикантными новыми, только что конфискованными сочинениями Арцыбашева... Автомобили неслись, дыша пламенем, как апокалиптические звери. Вагон трамвая был полон людьми,

как бочка сельдью. И разговоры какие-то непонятные: «Унгерн-Штернберг не столько журналист, сколько шпион... Распутин? Ловкий старичок...» В цензуре Гоголя встретил Чичиков. Павел Иванович не переменялся. Разве что вместо фрака с искрой был в виц-мундире. «Ревизор»? Преждевременно! Многое может дать повод к превратным толкованиям... Имея сие в виду, могу предложить кое-какие переделки в вашем «Ревизоре». Ныне назначение ревизии все встречают насмешкой, сравнивая с Вашей комедией. Поэтому предлагаю Вам сделать Хлестакова действительным уполномоченным ревизором! И чтобы все чины встречали его с чистым сердцем и распростертыми объятиями.

- Я не Тряпичкин из «России!» - гневно воскликнул Гоголь...

Фельетон «Ревизующие и ревизуемые» (УЖ, 20 августа 1910, № 180) - Володюша предлагает в нем вместо существующих классов и сословий составить два новых: «ревизующих» и «ревизуемых». В первый войдут бюрократы, во второй - все, кто трудится...

И как всегда - множество мелких политических фантазий: «Министерский кризис» (УЖ, 14 января 1910, № 10) - в столице богатой Уралии загорелась заря новой жизни - вышел в отставку кабинет Янко Сильни... Юмореска «Чудеса» (УЖ, 24 января 1910, № 19), шарж «Что было потом» (УЖ, 25 марта 1910, № 67) на тему думских дряг и свар, муниципальный фарс «Не хотим миллионов» (УЖ, 9 апреля 1910, № 79), «Административные фельетоны» (УЖ, 9 мая 1910, № 95), в которых вновь оживают герои Гоголя из «Ревизора». Политические пристрастия В. Швейцера с годами менялись мало...

Последними публикациями Володюши в «Уральской жизни» были коротенькие «сказочки»: «Благотворительность», «Старец», «Стража», «Женщина» (УЖ, 25 и 27 июля 1910, №№ 126, 128), «Спор», «Лотерея» (УЖ, 22 августа 1910, № 182), детская сказочка «Урал и Комиссия» (УЖ, 13 августа 1910, № 150).

В конце 1910 года В. Швейцер переехал в Ростов, работал в газете «Приазовский край». Оттуда по предложению Ильи Толстого уехал в Москву для работы в газете «Свободная мысль». Но газета так и не была организована. Работал некоторое время в журнале «Рампа и жизнь» (1916), харьковском «Утре». С 1915 года писал сценарии кинофильмов. Октябрьскую революцию встретил в Москве, где жил в одном доме с Алексеем Толстым, на Малой Молчановке.

В 1920-29 годах В. Швейцер жил в Баку, где организовал Сатирагиттеатр. Продолжал активно сотрудничать в печати. В 1929 году В. З. Швейцер вновь приехал в Москву. В 1929-30 гг. заведовал сценарным отделом «Межрабпомфильма», являлся главным редактором Союздетфильма. Написал множество сценариев: кинокомедии «Настоящий парень», кинопамфлета «Марионетки» (1934), фильмов «Бесприданница» (1937), «Настенька Устинова» (1934), киносказок «Василиса Прекрасная» (1940), «Конек-горбунок» (1941), «Анаит» (1947). В годы Отечественной войны Швейцер жил в Ташкенте и продолжал интенсивно работать, создав яркий антифашистский фильм «Кашей Бессмертный» (1945). В 1947 году В. Швейцер стал заслуженным деятелем искусств Азербайджанской ССР.

К прозе, точнее, сатире он обращался только в короткий период работы в юмористическом журнале «Бегемот» в конце 20-х годов, итогом которого была изданная в библиотеке журнала в 1927 году книжечка рассказов Швейцера под названием «Гоголевское» (Л.: Красная газета, 1927, -40 с).

В последние годы он работал преимущественно над сценариями научно-популярных фильмов: «Школа русских мастеров» (1949), «Пржевальский» (1952), «Сестры

«Лавка фантастики» № 4

БРАТЯ СТРУГАЦКИЕ: СЛЕДЫ НА ПЫЛЬНЫХ ТРОПИНКАХ

Опыт литературной планетологии

АЙГОН. Планета в одной звездной системе с Гигандой (см.). Обладает атмосферой.

АМАЛЬТЕЯ. Ближайший спутник Юпитера. Полный оборот вокруг своей оси делает примерно за 35 часов, за 12 часов - полный оборот вокруг Юпитера. Диаметр 130 км, состоит из сплошного водяного льда. Рельеф: равнины, скалистые хребты с отдельными зубчатыми пиками. Планетолитич. станция землян.

АНТИМАРС. Искусств. планета, движущаяся почти по орбите Марса по другую сторону от Солнца. Представляет собой полностью автоматизированный склад горючего и заправочную станцию для космич. кораблей землян.

БАМБА. Планета, на к-рой обитают одноглазые сапиенсы.

БАМБЕРГА. Астероид в Солнечной системе, где добывается т. н. «космический жемчуг» - драгоц. и полудрагоц. камни, сформировавшиеся под воздействием низких температур и космич. излучения.

БАНГУ. Планета с синими лунами, изумрудными небесами и горами, покрытыми голубыми снегами. Сапиенсы-гуманоиды.

БЕЛИНДА. Сведений не имеется.

БРОВИЯ. Сведений не имеется.

ВЕНЕРА. Планета Солнечной системы. Среднее расстояние от Солнца 0,723 а. е. (108 млн км). Полный оборот вокруг Солнца В. совершает за 224 дня, 16 часов 49 мин. 8 сек. Средняя скорость движения по орбите 35 км/сек. В. - самая близкая к Земле планета. При прохождении между Землей и Солнцем ее расстояние от Земли может составлять 39 млн км. Когда В. проходит за Солнцем, она находится от Земли на удалении в 258 млн км. Диаметр В. составляет 12400 км (0,973 земного), сжатие незаметно. Площадь поверхности - 0,95 земной, объем 0,92, сила тяжести на поверхности 0,85, плотность 0,88 (или 4,86 г/см³), масса 0,81. Период вращения вокруг оси - ок. 57 часов. Естеств. спутник - Венита.

Атмосфера. В. окружена чрезвычайно плотной атмосферой из углекислоты и угарного газа, в к-рой плавают облака кристаллич. аммиака. Облачность может достигать плотности земного океанского ила, в этом случае бесследно поглощаются (или отражаются от верхних слоев атмосферы) радиолучи почти всех диапазонов. Скорость ветра достигает невероятной силы, песчаные бури и смерчи срывают с места целые скалы.

Рельеф. В 100 км от т. н. Урановой Голконды (см. ниже) расположено окруженное горным хребтом болото, образовавшееся, скорее всего, в жерле исполинского грязевого вулкана диаметром ок. 50 км. Вода в болоте представляет собой смесь 50% на 50% тяжелой и сверхтяжелой. Сигналы эхолота до дна болота не проникают. Подобные болота и озера тяжелой воды во множестве расположены вокруг Урановой Голконды, а еще одно тяжеловодное озеро обнаружено за тысячи км в др. полушарии. Существует район пустынь, где по ровной черной поверхности несутся струи мельчайшей черной пыли; встречаются выходы базальта и стекловидные проплешины диаметром в неск. десятков м, с огромными, рваными по краям дырами в центре. Интересен район «Зубы В.» с

многометровыми скалами, напоминающими земные останцы, груды камня, широкими расселинами в грунте. Наибольший интерес представляет т. н. Урановая Голконда - след удара гигантского метеорита из антивещества. Радиоактивные руды высокой концентрации на площади ок. 0,5 млн км² создают в атмосфере область сверхвысокой ионизации. Над Голкондой постоянно стоит столб дыма от непрекращающихся ядерных реакций. Здесь прямо под ногами залегают уран, торий, радий, плутоний, калифорний, америций, кюрий. Общее кол-во радиоактивных руд оценивается в 100 млн тонн. В окрестностях Голконды температура достигает 75 - 100° С, в атмосфере увеличивается содержание радиоактивных изотопов, инертных газов, окиси углерода, кислорода. Окружающий Голконду сейсмич. район известен как Дымное Море и представляет собой смоляные пески с группами валунов и скал, воронками и трещинами, окутанными смесью раскаленных газов, пара и пылевых частиц.

Флора. В районе болот - джунгли, состоящие из древовидных растений, имеющих стволы. Встречаются гигантские белесые подобия земных росянок, способные питаться местной фауной, водоросли, а также тускло окрашенные грибы, стволы к-рых при созревании лопаются, разбрасывая светящиеся споры - лиловые упругие шары величиной с кулак, прорастающие в почву белыми щупальцами. Разнообразная плесень в виде красноватой прозрачной слизи с запахом гниющих фруктов, фестонов из рыжих нитей, ржавой мохнатой паутины, белесых пузырьков величиной с булавочную головку. На твердом грунте растут деревья с плоскими кронами, встречаются заросли голых ветвей с полуметровыми шипами. Скалы обвивает бурый и твердый как железо плющ. В районе южного полюса расположены необозримые леса красных деревьев.

Фауна. Особенно обильна в кольце болот вокруг Урановой Голконды. Здесь водятся гигантские гусеницы, огромные лиловые слизи, а также крупные животные величиной с упитанную корову, выглядящие, как блестящие и влажные мешки, изрытые глубокими складками. Судя по оставляемым в болотной жиже следам - огромным ямам, - и широким просекам в джунглях, в болотах обитают и животные поистине чудовищных размеров. Летающая фауна представлена животными, похожими на длинные вереницы сцепившихся волосатых клубков, снабженных клейкими трепещущими нитями. На равнинах встречается т. н. Офидий Дауге - пятиметровое подобие безглазой змеи с огромной пастью. Обнаружены окаменелые формы животной жизни, напоминающие трилобитов - головастые продолговатые существа с многочисленными изогнутыми лапками. Особый интерес вызывает форма неорганич. жизни, представляющая собой колонию бактерий в виде ноздреватой пленки малинового цвета толщиной 15 см и температурой 54,3° С. Пленка сплошным ковром покрывает тысячи га почвы, способна передвигаться, перетекая по поверхности в поисках источников радиоактивного излучения, к-рыми питается.

Осуществляется акклиматизация земных животных.

Колонизация. В. дает Земле 17% энергии, 85% редких

металлов. Непосредственно у Урановой Голконды построен ракетодом высшего класса, способный принимать и отправлять до 100 кораблей в месяц. В 50 км к югу расположен город, к к-рому ведут 8 стекломассовых дорог. На В. построен тж г. Венусбург. В 2119 г. был выдвинут проект терраформирования В. путем дистилляции атмосферы, реализация к-рого была вскоре начата.

ВЕНИТА. Естеств. спутник Венеры.

ВЛАДИСЛАВА. Черно-оранжевая планета системы звезды ЕН 17, расстояние от В. до звезды - 300 тыс. а. е. Обладает т. н. «бешеной атмосферой», в к-рой сильные горизонтальные потоки несут с собой длинные черные полосы кристаллич. пыли. Зарегистрированы магнитные атмосферные поля. В нижних слоях атмосферы - оранжевые туманы, наполненные разрядами молний. На расстоянии ок. 45 км от поверхности в атмосфере содержится белок - «живая протоплазма», там же обнаружены 18 бактерий различн. видов. На самой поверхности - гигантские гейзеры, болота тяжелой воды, бурлящая нефть глубиной по пояс человеку. Крупные формы жизни представлены безглазыми и бесформенными чудовищами, издающими ревушие звуки. На северном полюсе обнаружены спланированные по концентрич. окружностям здания цилиндрич. формы из янтарина, что позволяет предположить их принадлежность к сверхцивилизации т. н. Странников.

2 искусств. (видимо, также созданных Странниками) спутника: Владя (или «Игрек-один») и Слава («Игрек-два») представляют собой торы в 2 км в поперечнике, разделенные внутри массивн. переборками на множество помещений от 15 до 500 м². Покинуты миллионы лет назад.

ВТОРАЯ. Планета системы звезды ЕН 7113. Разнообразные формы жизни изучаются интерпретаторами биоконфигураций на базе землян «Матрикс».

ВЭЙЯН. (Китайск.: «Телохранитель Солнца»). Крошечная планетка, орбита к-рой находилась внутри орбиты Меркурия. Среднее расстояние от Солнца составляло ок. 10 млн км. В. представлял собой яйцевидную глыбу кристаллич. железа в неск. десятков км в диаметре. Из-за быстрого вращения В. не успевал остывать, интенсивно испарялся и прекратил существование на рубеже XXI и XXII вв.

ГАНИМЕД. Спутник Юпитера. Большое кол-во водяного снега.

ГАРРОТА. Планета, на к-рой обитают разумные слизи, рассматривающие человека со всей его техникой как плод своего воображения.

ГИГАНДА. Планета земного типа на расстоянии 18 световых лет от Земли. Сапиенсы: гуманоиды, внешне идентичные homo sapiens, лишь на островах живет раса с голубой кожей. Флора и фауна идентичны земной за нек-рыми исключениями: на Г., напр., нет груш. Эндемик: болотный еж, похожий на клубок прозрачных желтоватых нитей. Возм., когда-то существовал легендарный ныне дракон Гуту с когтями как сабли.

Описаны р. Тара, озеро Загута с курортным местечком Гигна, джунгли на севере Алайского герцогства. Цивилизация технич., приблизит. соответствует сер. XX земного века. Обществ. система феодально-аристократич. Наиболее крупн. госуд. образование - Империя, - нестабильно; в герцогстве Алайском происходят инициируемые местной знатью восстания с целью достижения полной независимости. Религиозные воззрения монотеистические. Пророк Гагура вещал истину господню из ямы.

ГОРГОНА. Планета, где существует заповедник, смотритель

к-рого - землянин.

ДЕЙМОС. Искусств. спутник Марса. Встречаются денатурированные алмазы.

ДИОНА. Спутник Сатурна. Сила тяжести в 50 раз меньше земной. Научная обсерватория землян.

ЖЕЛТЫХ ТРАВ ПЛАНЕТА. Сапиенсы - полипы с щупальцами.

ЖИВЫХ ДРАКОНОВ ПЛАНЕТА. Медузоподобные жители, подверженные полосатой чуме.

ЗЕФИР. Планета, сведений о к-рой не имеется.

КАЛА-И-МУГ. То же, что Морохаси (см.). Т. н. «парадоксальная планета». Сотрудники лагеря землян «Хиус» ведут поиски цивилизации «оборотней».

КАЛЛИСТО. (Иногда транскрибируется как Калисто). Спутник Юпитера. Фауна: болезнетворные микроорганизмы, вызвавшие смерть экипажа американского звездолета «Астра-12», болезнь продолжалась 15 часов. Коридоры корабля были затянуты клейкой прозрачной паутиной, на полу стелилась жидкая чавкающая протоплазма. Из более крупных животных форм известны лохматые сиреневые пауки и белые ящерицы с несъедобным мясом.

КАССАНДРА. Планета, у к-рой не менее 2-х лун. Полеты к ней осуществляются через подпространственный сектор входа 41/02.

КГХРМ. Отдаленная планета с негуманоидной цивилизацией.

КОВЧЕГ. Планета земного типа, у к-рой нет естеств. спутников. Землетрясений и тайфунов не бывает, не водятся хищные чудовища и отсутствуют вирусы и бактерии, опасные для многоклеточных существ. Флора представлена мелкими растениями с синеватой листвой металл. отлива и пятнистой оранжевой корой. Кусты редко достигают человеческого роста, деревья и тростник карликовые. В океане нет ни единой живой твари. Планету почти полностью стерилизовали местные сапиенсы, цивилизация к-рых замкнулась на себя и прекратила контакты с внешним миром.

Единственное зарегистрированное проявление сапиенсов (или продуктов их технологии) - гигантские стержни высотой от 500 до 700 м и толщиной 50 м у основания и менее метра на конце, похожие на удища или на усы насекомого. Стержни разнообразной окраски (черные, желтые, зеленые, белые) гнутся и вибрируют.

На орбите К. расположен военный спутник-автомат сверхцивилизации т. н. Странников, трудно обнаруживаемый, т. к. поглощает практически любое излучение. Установлен сотни тыс. лет назад для уничтожения приближающихся к планете звездолетов.

КОНСТАНТИНА. Планета системы звезды Антарес. Сверхцивилизация, овладевшая манипуляциями с пространством и физич. константами усилием воли; сапиенсы владеют телепатией, телекинезом, левитацией. Внешний вид сапиенсов: 2 пары рук, передние и задние, 4 глаза, носа нет, рот крючком. Продолжительность жизни 2 тыс. лет. У сапиенсы может быть 94 родителя 5 различн. полов и 396 соотрбцов. Известна страна Константия, г. Константинов.

КУБЕРОН. Планета, на к-рой есть поселение землян, подвергавшееся нападению местных сапиенсов.

КУРОРТ. Планета, излюбленное место отдыха землян.

ЛЕОНИДА. Планета земного типа. Естеств. спутник - Пальмира. Л. привлекает сочной серебристой и темно-зеленой травой, покрывающей степи и холмы, широкими и спокойными реками, пригодным для дыхания землян воздухом, отсутствием

вредных насекомых. Биосфера была адаптирована биологич. цивилизацией местных сапиенсов-негуманоидов. Леонидыне используют биологич. организмы для получения материальн. ценностей и в качестве транспорта. Напр., крупные травоядные животные не менее 3 м высотой, с влажными, раздутыми лоснящимися боками, с парой маленьких тупых глазок, приспособлены для производства пищи: животные довольно быстро передвигаются по пастбищам, поедая траву и перерабатывая ее в подобие земного меда, сочащегося из расположенных вдоль брюха в три ряда мягких выростов. Из филейной части кусками по 2-3 кг добывается мясо (без забоя животного). Для полетов используются птицы размерами крупнее земного кондора. Водятся также крупные летающие жуки, в реках - рыба.

Цивилизации не менее 300 тыс. лет, не развивается, застыв в единении с природой. Постройки местных сапиенсов редки и представляют собой серые приземистые здания из ноздреватого известняка, не имеющие отверстий. Назначение построек не известно.

ЛОКИ. Планета, на к-рой обитают гигантские птицы. Некоторые инопланетные сапиенсы изготавливают на камнях из печени этих птиц опьяняющую настойку на синильной кислоте.

ЛУ. Малоизвестная обитаемая планета.

ЛУНА. Естеств. спутник Земли, равнины к-рого покрыты зыбкими напластованиями вековой пыли.

МАРС. Планета Солнечной системы. 2 спутника искусств. происхождения: Фобос и Деймос (см.). Атмосфера разреженная, температура опускается ниже -80° С.

Рельеф. Поверхность М. покрыта в основном холмами, песчаными пустынями, солончаками, под к-рыми изредка встречаются вода и нефтяные месторождения. Однако в долине, закрытой от холодных бурь отрогами Срединного Хребта, расположен оазис с обширными лугами и мелководными озерами.

Флора. В пустынях растет колючий марсианский саксаул, к-рый цветет 1 раз в 5 марсианских лет крошечным красно-синим цветком, затем цветок осыпается и на его месте выступает новый побег, а на месте цветка остается блестящее колечко; таким образом по кол-ву колец на стебле можно узнать возраст растения. Встречаются желтые шарообразные кактусы без корней, листьев и стволов, к-рые засасывают

из атмосферы воздух, а потом, выпуская его струей, перелетают на 10 - 15 м. За Срединным Хребтом растет высокая оранжевая трава, огромные ярко-зеленые цветы. С М. на Землю экспортируется фиолетовая капуста.

Фауна. Песчаные ящерицы-мимикродоны длиной до 2 м, с треугольной головой и шипами на морде. Окраска тела быстро меняется, имитируя окружающую среду, благодаря чему мимикродона очень трудно обнаружить. Приспособляемость этих животных чрезвычайно высока: переносят кратковременное купание в кипятке. Летающие пиявки (тип полихордовые, класс кождедышащие, отряд, род, вид - «сора-тобу хиру»). Безглазые и безногие, длиной ок. 9 м. Расширяются от хвоста к голове наподобие воронки. Тело блестящее, по одним свидетельствам покрыто гладкими волосами, по другим - желтоватой щетиной. Рот круглый, диаметром 0,5 м, не менее 8 челюстей, усаженных острыми треугольными зубами. Ползают в песках, иногда прыгают, пролетая десятки метров. Перед тем как были приручены земными зоопсихологами, нападали на человека, причем только ночью и почти всегда с правой стороны. На лежащих людей не нападали. Вблизи северной полярной шапки

расположен большой город, построенный не аборигенами, а сверхцивилизацией т. н. Странников. Здания без дверей и окон на много этажей уходят в почву. Следы цивилизации сапиенсов-аборигенов обнаружены в районе базы землян Большой Сырт (на карте - отметка 211): проломленные купола на шестигранных основаниях, обвалившиеся галереи, штабеля строительных блоков, подземные ходы.

МЕРКУРИЙ. Планета Солнечной системы. Раскаленные горные плато. Единств. известный топоним - Горящее Плато.

МОКСА. Планета, сапиенсы к-рой - лошади.

МОРОХАСИ. То же, что Кала-и-Мут (см.).

НАДЕЖДА. Планета земного типа. Не менее 2 естеств. спутников. Есть океан, горы. Фауна земного типа: комары, змеи, лягушки, собаки и т. п. Сапиенсы-гуманоиды потеряли контроль за развитием технологии и необратимо нарушили экологич. равновесие. Генетич. заболевание приводило к тому, что почти все жители, начиная с 12 лет, начинали стремительно стареть и в 19 лет умирали от дряхлости. Почти все сапиенсы (неск. млрд) были выведены с Н. представителями сверхцивилизации т. н. Странников через межпространственные туннели.

НЕГОДЯЕВ ПЛАНЕТА. Расположена в нижнем правом углу Малого Магелланова облака в системе 2-х солнц: кроваво-красного гиганта Протубера и синего карлика Некрида. Рельеф: упоминается Хребет Страданий с острыми пиками. Обитатели - представители самых разнообразных цивилизаций обзримой вселенной. База пиратов, притоны. Шахты радиоактивных руд, плантации драгоценных алаков.

НЕПТУН. Планета Солнечной системы, трудная для освоения.

НИСТАГМА. Планета, эндемиком к-рой является животный вид величиной с собаку, но с двумя позвоночниками.

НОВАЯ ЗЕМЛЯ. Курортная планета.

ОАБА. Планета, обладающая 12-ю естеств. спутниками, кажущимися сквозь атмосферу синими. Изумрудное небо, горы, покрытые вечными оранжевыми снегами, зеленый песок, фиолетовое море, коричневые рощи. Единств. известный топоним - Радужный Берег. Мозг сапиенсов, состоящий не более чем из 1,5 млрд нейронов, нуждается во фторе, соляной кислоте и магнии.

ПАДРАКА. Планета, сведений о к-рой не имеется.

ПАНДОРА. Планета-заповедник, одно из 2-х красных близких солнц к-рой - ЕН 9. Несколько естеств. спутников, беззвездное небо. Агрессивная биосфера. Описан по крайней мере 1 континент, покрытый болотистыми оранжевыми джунглями, где на туристич. маршруты можно выходить лишь в скафандрах высшей защиты и со снятыми предохранителями дезинтеграторов. Страна Оз-на-Пандоре представляет собой край непроходимых гор («Хребет Смелых»), где встречаются пропасти глубиной до 2-х км. На плоской вершине горы Эверина расположено знаменитое кафе «Охотник», где подают в пузатых флажках напиток «Кровь тахорга». У подножья величайших в обитаемом космосе дюн расположен Алмазный Гляж.

Микроорганизмы. «Бактерия жизни», используемая землянами при биоблокаде, т. е. при процедуре повышения иммунных сил организма, способности к регенерации тканей. На плантациях выращивается т. н. «закваска Пашковского», служащая для изготовления деликатесных «алапайчиков».

Фауна. Стрекозы ядовитого желто-зеленого цвета с красными поперечинами, на челюстях - черная слизь, размах крыльев 7 м. Летучий дракон размерами крупнее земного кондора способен подхватить человека в скафандре высшей защиты (150 кг). Редко встречающийся вид - горбонос с белой перепонкой.

Гигантский ракопаяк с желтым брюхом и множеством ног, двумя рядами мутнозеленых глаз и шипастыми полуметровыми клешнями издает отвратительный скрежещущий вой, на жертву нападает, прыгая с дерева; стрелять рекомендуется в главный нервный узел. Панцирные волки. Голые пятнистые обезьяны, устраивающие засады для своих жертв. Нек-рые грызуны обладают ярко выраженной способностью к мимикрии и воспроизводству защитно-отвлекающих фантомов (нематериальных копий самих себя). Самое известное хищное животное П. - тахорг: крупный, быстро передвигающийся (торможение осуществляется задними ногами) хищник, нападающий на людей. На тахоргов охотятся ради огромных черепов, зубов, из к-рых делают ожерелья, и печени, из к-рой варят похлебку. Детенышей тахоргов никто не видел, возм., они появляются из возникающих в джунглях ступков протоплазмы, усваивающих органику и производящих амебоподобные существа каждые 87 минут.

Лит.: «Новейшие приемы выслеживания тахоргов».

ПАНТА. Планета, на к-рой развилась цивилизация сапиенс-гуманоидов, рослых и краснокожих, находящихся на первобытном уровне развития: знают одежду, но не создали своей космографии. Из представителей фауны описаны уродливые рыбы. Солнце системы, куда входила П., взорвалось, и земляне переселили пантиан в др. звездную систему.

ПЛУТОН. Планета Солнечной системы. База землян «Старый Восток», международный ракетодром «Плутон - 2».

ПОДЗЕМНЫХ ХОРЬКОВ ПЛАНЕТА. Посредине Восточного океана расположен 1 остров, где растет злак, из к-рого делают муку и пекут булочки.

РАДУГА. Планета земного типа. Белое маленькое солнце, окруженное тройным гало. Гор нет, климат ровный, море всегда тихое, туч никогда не бывает. Степи и солончаки, к северу от т. н. Горячей Параллели расположены тропич. леса, огромные озера. На юге - океан с Южным Архипелагом. Флора и фауна в основном завезены с Земли: от пчел и кошек до кальмаров и рыб, от зерновых культур до плодовых деревьев и сирени. Местный животный мир скуден, описаны красная зерноедка и окаменевшие древние организмы, напоминающие морских ежей.

Биосфера планеты, ставшей полигоном для опасных науч. исследований была почти полностью уничтожена во время экспериментов по нуль-транспортировке.

РАЗБИТЫХ СЕРДЕЦ ПЛАНЕТА. На юж. полюсе расположен источник целебной воды.

РЕДУТ. Полет к планете осуществляется через подпространственный сектор входа 41/02.

РЕЯ. Спутник Сатурна, маленький и каменистый. Земные поселения под куполами.

РУЖЕНА. Планета системы белой звезды ВК 71016, размером немного меньше Земли. Дождей не бывает. Покрыта океанами и равнинами. Агрессивная биосфера.

Флора. Глубокая бледная трава, растущая на лужайках.

Фауна. «Ковер-самолет», он же «Падающий лист», оч. быстро передвигающийся, оставляющий слабые маслянистые следы в листве деревьев и отличающийся оч. тонким слухом. Рэмбы - гигантские, изумительной радужной расцветки насекомые, немного похожие на земных кузнечиков. Есть и небелковая жизнь.

САРАКШ. Планета земного типа, обладающая 1 естеств. спутником. Чрезвычайно высокая атмосферная рефракция.

Один материк. Река Голубая Змея. Горы Зартак на восточ. оконечности материка, к югу - леса, пустыни. В др. полушарии 2 архипелага островов, на к-рых 150 тыс. лет назад жили местные пра-сапиенсы. В результате ядерной войны и последующих мутаций фауны небольшие собакоподобные животные - голованы, к-рых прежде приручали и заставляли артикулировать отдельные слова и фразы, приобрели разум, экстрасенсорные способности и создали свою цивилизацию.

Флора. Адекватна земной (напр., выращивается свекла).

Фауна. Адекватна земной за нек-рыми исключениями, напр., встречаются медведи, но нет слонов. Уровень цивилизации соответствует приблизит. XX земному веку, причем паровозы соседствуют с боевыми машинами-автоматами с ядерными двигателями, а воздействующее на сознание психоволновое излучение - с плохо развитым воздухоплаванием. Между материковыми государствами разразилась ядерная война, в результате к-рой от крупной метрополии отделились бывшие провинции Пандея и Хонти с общим населением ок. 50 млн сапиенсов; на юге группа стран была уничтожена полностью, их территория превратилась в радиоактивную пустыню. В самой метрополии («Стране Отцов») установился тоталитарный милитаристский режим - как и в Островной Империи, расположенной на архипелагах в др. полушарии. Существует княжество Ондол, откуда совершаются набеги на о. Хаззалг.

САТУРН. Планета Солнечной системы. Искусств. спутники «Кольцо - 1» и «Кольцо - 2».

САУЛА. Планета земного типа системы звезды ЕН 7031, от солнца - вторая, на расстоянии 1,5 а.е. Вдоль экватора тянется большой материк. Второй, поменьше, тяготеет к полюсу. Сжатия нет. Сутки - 28 часов, масса 1,1 земной, в атмосфере много кислорода, мало углекислого газа, нет вредных для человека газов. Рельеф экваториального материка: покрытые снегом крутые холмы, к северу - скалистая гряда.

Флора. Бледно-зеленая прорастающая сквозь снег трава.

Фауна. Некрупные четвероногие животные, похожие на безрогих оленей с черными носами. Хищные крупные нелетающие птицы с длинными шеями и клювами, загнутыми вниз острием.

Сапиенсы-гуманоиды (ок. 1 млрд), общественный строй аналогичен земному феодальному, общество делится на роды (напр., род холмов, род вихрей). Преступников во множестве ссылают в лагерь, где они быстро погибают от холода и голода. Язык корнеизолирующий.

На планете имеются следы пребывания представителей сверхцивилизации т. н. Странников: 2 воронки в земле диаметром ок. 0,5 км соединены дорогой, по которой движутся механизмы непонятного назначения, появляющиеся из одной воронки и исчезающие в другой. Машины находятся на С. «извечно», вошли в мифологию аборигенов, к-рые методом проб и ошибок учатся ими управлять.

СИННИХ ПЕСКОВ ПЛАНЕТА. Планета с т.н. «бешеной атмосферой», покрыта океанами тончайшей голубой пыли, вадываемой приливами и отливами, многобальными штормами. Звучащие голубые дюны, пылевые тучи, гигантские провалы, куда засасываются миллиарды тонн пыли. Возм., есть жизнь.

СМЕХОВИНА. Планета, сведений о к-рой не имеется.

СПАЙДА. Планета, расположенная в параллельном пространстве, где время течет в десятки раз быстрее, чем в нашем. Оч. быстро обращается вокруг невидимой нейтронной звезды, рентгеновское излучение к-рой поглощается в верхних слоях оч. плотной атмосферы, сообщая небу ровное освещение -

чуть ярче днем, чуть темнее ночью. Единственный огромный естество. спутник давно развалился на мириады обломков.

Мелкий тепловодный океан с рыбой, на материках - исполинские насекомоядные растения, фауна представлена членистоногими.

Сапиенсы - паукообразные спайдеры, цивилизации ок. 100 млн лет. Спайдеры доброжелательны, уравновешены, но передняя пара лап оканчивается ядовитыми когтями - рудиментами эпохи, когда спайдеры обитали на дне океана. 12 глаз, яйцекладущие. Строят из паутины сотовые города. К космоплаванию интерес потеряли.

ТАГОРА. Планета, на к-рой существует приполярный континент. Сапиенсы - негуманоиды, создавшие технич. цивилизацию (каждый был инженером). До генетич. революции проходили в развитии стадию личинки. Планетарное государство Единая Тагора. Академия наук носит название Лабораториума, почетными членами-корреспондентами к-рого могут быть и земляне. Сейчас - цивилизация гипертрофированной предусмотрительности: после 15-летнего кризиса, вызванного вмешательством сверхцивилизации т. н. Странников, 3/4 всех мощностей направлено на изучение вредных последствий открытий и новых технологич. процессов. В результате «торможения прогресса» нет авиации, транспорт только общественный, связь проводная. На тагорян ужасно действует йод.

Фауна. Описано человекоподобное животное «псевдохомо», к-рое первоначально было принято землянами за сапиенса. Известно, что есть рыба.

ТЕФИЯ. (Правильнее - Тетис). Спутник Сатурна. Научн. обсерватория землян.

ТИССА. Планета системы звезды ЕН 63061. Рельеф: плато, пустыни.

ТИТАН. Самый крупный спутник Сатурна и вообще в Солнечной системе. Вращается оч. быстро и обладает темной спокойной атмосферой. В Эрбиевой долине - добыча эрбия. В нефтяных океанах водятся жирные синие слизи в

многостворчатых раковинах. Землянами построен г. Макаров. **ТРАНСПЛУТОН.** То же, что «Цербер». Самая отдаленная от Солнца планета Солнечной системы.

УРАН. Трудная для освоения планета Солнечной системы. Описано т. н. Аморфное Пятно неизв. морфологии.

ФОБОС. Искусств. спутник Марса, расстояние от планеты - 9 тыс. км. Представляет собой четырехкилометровый тор, опутанный противометеоритной металлч. сетью, порванной и изъеденной коррозией. Был выведен на орбиту 10 млн лет назад. Земляне обнаружил его люки открытыми.

ХОШЬ-НИ-ХОШЬ. Планета звезды Эволла в Малом Магеллановом облаке. Сапиенсами правит свирепый кибернетический дикатор.

ЦЕРЕРА. Астероид в Солнечной системе, на к-ром имеется поселение землян.

ЦИРЦЕЯ. Планета, на к-рой живут трусливые коты, притворяющиеся мертвыми, когда к ним притрагиваются.

ЭЙНОМИЯ. Астероид в Солнечной системе, уничтоженный во время космологич. экспериментов землян.

ЮПИТЕР. Самая крупная планета Солнечной системы. Общепринятой теории строения не существует. Экзосфера: молекулярн. водород 81,35%, гелий 7,11%, метан 4,16%, аммиак 1,01%. Экзосферные протуберанцы редки. На поверхности из обломков притянутых Ю. спутников образовались горные хребты и окаймляющие равнины невысокие гряды круглых холмов.

ЯЙЛА. Опасная зловеющая планета. Из топонимов известен Край Тысячи Болот. Фауна: двухордовые змеи, рубиновые утри, многостворчатые моллюски. Одно из животных имеет узловатые ноги выше человеческого роста, с 8-ю когтями, подобными саблям. Животному не причиняют вред ни пули, ни отравляющие газы, ни ловушки, из-за чего ни одного экземпляра целиком добыто не было, только отдельные фрагменты. Фрагменты эти, будучи насильственно отделены, еще нек-рое время живут и шевелятся.

ЯПЕТ. Спутник Сатурна.

Составил Аркадий АЛЕФ.

Проза с протезом

Сергей Лукьяненко. Звезды - холодные игрушки. («Звездный лабиринт»). М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1998

Ароматы иных миров, палящий зной чужого солнца, непостижимые технологии и экзотические традиции негуманоидов выплескиваются на читателя с первых же страниц романа Сергея Лукьяненко «Звезды - холодные игрушки», причем галактическая фантастичность места действия в самой аптекарски взвешенной пропорции разбавлена - как то и полагается жанровыми правилами хорошего тона, - предельным реализмом бытописания, неизбежным укоренением в неземной почве подчеркнута сегодняшних, узнаваемых земных реалий, стереотипов, привычек и знаковых примет (вроде рейсов «Люфтганзы» и «Трансаэро» в систему Сириуса).

Так что экспозиционную часть романа Лукьяненко отработал очень хорошо. Создана психологическая атмосфера доверия к изначально заданному набору обстоятельств, порождающих фабулу и проблематику произведения. А обстоятельства достаточно оригинальны для многожды рассмотренной фантастикой ситуации вступления Земли в уже сложившееся сообщество разномастных сапиенсов космоса. Все описанные в фантастике крайности этой интеграции - межзвездное братство, хищнический колониализм, экономическая прагматика, ксенологические барьеры непонимания, - автором сознательно редуцируются и сливаются воедино, в результате чего получается наиболее естественная для сегодняшних представлений картина. Есть в космосе Сильные расы, задающие выгодные для них правила игры, и расы Слабые, пользующиеся весьма значительной свободой, но - внутри очерченного Сильными игрового поля. Выгоды, которые Слабые извлекают из своего присутствия в сообществе, и само это присутствие обусловлены согласием на подчиненность, на утилитарное использование их расовых преимуществ во имя сохранения и упрочения галактического статус кво. Иерархический гомеостат сбалансирован столь рационально-неколебимо, что даже самые продвинутые в военном отношении сапиенсы остаются на положении Слабых, на ролях своеобразных сипаев, исполняющих карательные функции (вплоть до геноцида) по отношению к менее послушным собратьям по второсортности. Случайно столкнувшиеся в космосе с представителями гомеостата земляне могли быть хладнокровно истреблены «за ненужностью», если бы не обладали уникальным и необходимым для дальнейшего усовершенствования системы достоинством: они изобрели техническое устройство для моментальных прыжков на межзвездные расстояния, причем оказались единственной расой, способной выдерживать режим этого «джампа». И со своими примитивными орбитерами вроде «Буранов» и «Гермесов», обгоняющими картинно фантастичные, многокилометровой раскидистости крейсера инопланетян, были признаны достаточно полезными, чтобы в обмен на услуги «скоростных извозчиков» получать крохи звездного ноу-хау, столь же дешевого и бесполезного, как стеклянные бусы и чунгамы.

Общий тонус достоверности, характерный для экспозиции романа, позволяет относительно легко смириться с некоторой незавершенностью логики, конструирующей баланс сил на межзвездной арене. Во всяком случае логичного ответа, что делает Сильных столь беспрекосовно сильными, если некоторые Слабые вроде бы превосходят их в военных отношениях, и как это так безвариантно складываются векторы интересов первых и вторых, при внимательном чтении не обнаруживается.

Возникающие аналогии с современным геополитическим раскладом на нашей планете не просто уместны - они предусмотрены автором. В галактических декорациях явно разыгрывается драматическое подобие вхождения России в «цивилизованный» мир. Военное, научно-технологическое и финансовое превосходство западных сапиенсов позволяет преодолевать зависимость от сырьевых ресурсов, дешевой рабочей силы и емкости чунгамопотребительского рынка «младших

братьев», с наивными надеждами неопитов пытающихся прильнуть к дразнящим благам. В мире надзвездных аналогий Слабых тоже держат на коротком поводке - но за счет каких-то иных факторов. Интересно ведь, каких. Однако нам не брошено даже намека для догадок (если таковым не считать упоминания об «агентах влияния», коллаборационистах).

В конце-концов буквальное воспроизведение всех «исходных» превратило бы книгу в вульгарный памфлет. Некая таинственная недосказанность в случаях, когда речь идет об инопланетной логике, фантастике опять-таки во вред не идет. И очень даже идет ей на пользу конспиративное обаяние заговора некоторых Слабых, привлечение к интриге в козырном качестве земляно-россиян, аварийная посадка орбитера на колдобистое дальневосточное шоссе, угон звездолета и прочие приметы развлекательного чтива, оправдывающие выход книги в коммерческой серии «Звездный лабиринт».

Появляется шанс разрушить утилитарно-безжалостное мироустройство: оказывается, в Галактику пришла новая сила. Ее военно-технологический потенциал способен легко сокрушить авторитет Сильных рас. «Наводить мосты» с возможными союзниками отправляется главный герой романа, молодой российский космонавт, майор Петр Хрумов. Поскольку только у землянина есть шанс обаять пришельцев: они вполне гуманоидны и даже геном их идентичен человеческому.

Чувствуете, как начинается неправда? Но это еще не все. Первый представитель могучей расы Геометров, с которым вступили в контакт заговорщики, оказался... двойником Петра Хрумова, похожим на него, как брат. Лукьяненко озабочился проблемой, как бы полнее внедрить к Геометрам нелегала, чтобы те безоговорочно приняли его за своего, и в результате решился на ни с чем не сообразную сюжетную натяжку. А ведь она вовсе не была неизбежной. Ну, какая, в сущности, разница - послать в разведку Хрумова с подсаженной личностью Геометра, или Геометра с личностью Хрумова?

И вот наш герой на планете потенциальных союзников. С этого момента начинается совершенно другая книга, отторгающаяся от органичной художественной ткани всего предшествующего текста. Перед нами постмодернистский протез, насильственный довесок идеологических контрверзов надеждам братьев Струтацких на Полдень земной цивилизации. Да, перед нами мир мудрых Наставников, спортивной молодежи в серебристых шортах, прогрессоров и нуль-кабин. Для пушного окарикатуривания коммунистической утопии в ней реализовалась мегаломаниакальная мечта советской номенклатуры о строительстве уходящего в заоблачную высь Дворца Советов, увенчанного фигурой вождя. Внутри монументальной головы заседают руководящие товарищи.

Вот, оказывается, зачем понадобилась Лукьяненко генетическая связь землян с Геометрами! Хрумов авторской волей отправляется в путешествие по Стране литературных героев. Этот сюжетный взбрык не имеет ни внутренней мотивации, ни какой-либо оправданной цели. Ничего нового к газетному антикоммунизму перестроечной давности он не добавляет. Не состоялся даже окончательный выбор жанрового метода для полемических игр, постмодернистская карикатура соседствует с трагикой обличительности: персонаж Лукьяненко обнаруживает в утопии, как необходимое условие ее существования, исправительно-трудовые лагеря. Струтацкие, видно, постеснялись о них написать, оставили за кадром... В общем, Петру Хрумову все ясно: он ка-ак дал по морде Наставнику своего «геометрического» альтер эго! Не тому молодежь учил!

Дело даже не в том, что эта пощечина может иметь определенных литературных адресатов. Персонаж, который ведет себя подобным образом в «чужом монастыре», с подростковым жестоким максимализмом выносит приговоры и тут же приводит их в исполнение, не дав себе труда понять очевидную вещь - что он карает, в сущности, жертву системы, ее и без того искалеченный винтик, - такой персонаж в моральном отношении стоит безусловно ниже своего оппонента.

Некоторая инфантильность заложена в личность Петра Хрумова изначально авторской волей. Философская составляющая романа,

отражаясь в масштабных космических зеркалах, все же берет начало в попытках личностного самоопределения героя. Лукьяненко нужен был герой в момент крушения многих иллюзий, остро осознающий возможность двойственной интерпретации своего предназначения, смысла своего появления на подмостках галактической интриги. Как землянин, он для Сильных рас - только средство для достижения их собственных целей. Но, оказывается, даже самый близкий для него человек, его замечательный дедушка, заменивший отца и мать, погибших в авиакатастрофе, тоже относился к нему, как к инструменту, которым в нужный момент удастся воспользоваться. Да и не дедушка он ему вовсе, настоящий внук летел тем же самым трагическим рейсом, а имя и будущая биография достались детдомовцу, который по своим задаткам подходил для выполнения заранее определенного для него задания общепланетарной значимости - реванша. Петра воспитали на парадигме безусловного превосходства общественных интересов над личными. Выбрали за него подходящую космическую профессию. Наживкой забросили в звездный омут холодных инопланетных расчетов и интересов. С младенческих лет за него решили, что он предназначен добиться справедливости и равноправия для Земли, в общем-то добиться свободы «для всех», самому при этом оставаясь марионеткой. То, что всей его предыдущей жизнью манипулировали, Петр узнает случайно, в момент, когда уже забурились события, в которых ему было определено взять на себя ответственность за будущее десятков космических цивилизаций. В столь экстремальной ситуации он и узнает о существовании свободы воли. Естественно, он не в состоянии сделать осознанный выбор. Попытка самодентификации с необходимостью будет означать отступничество от его человеческой сути, пусть еще несамостоятельной, инфантильной - но не приемлющей трусости, эгоизма. Путь марионетки для Петра безальтернативен. И эта марионетка должна перекроить Галактику.

Но Лукьяненко не воспользовался нетривиальной и многовариантной по философским выводам ситуацией, в которую так удачно поставил своего героя. Похоже, даже не осознал, насколько интересными могут быть ее сюжетные последствия. Попытки осмысления проблемы свободной воли в романе скомканы, автор устами персонажей отделяется расхожими истинами, мелодраматическими всхлипами («Мы не свободны»... «Не свобода нужна, любовь»...).

Весьма лицемерно выглядит совет приемного деда, предлагающего ему стать «мерой вещей, эталоном в самом себе». Здравствуйте, герр Ницше! Удастся ли вам из робота сотворить белокурую бестию?

Абсолютно дезориентированный этически герой, вступив на путь классического квеста, у Лукьяненко не только не находит себя, но откровенно деградирует. Он уже заявляет, что хорошего сапиенса пожалеешь, а плохого может убить. Вот только не объясняет, как первого отличить от второго. Наконец, сама человеческая сущность Петра ставится под вопрос. Мало того, что его «я» сосуществует с личностью его двойника-Геометра, так еще и физиологически он представляет собой симбиоз с некой инопланетной формой жизни, идеальной машиной для драк и убийств.

В ситуации тотального краха и оставляет автор своего героя, и эта концовка знаменует собой фиаско самого романа. Геометры оказались «плохими парнями», хорифей обернулся статистом, от развязки интриги читатель оказывается еще дальше, чем был в начале. Конечно, в лучших традициях коммерческой фантастики читателя ждет «продолжение», но ведь и первая книга должна существовать в каком-то завершенном виде, иначе ее просто нельзя публиковать. Лукьяненко отнюдь не тот автор, которому нужно объяснять подобные прописи, тому порукой блестящие «Холодные берега». Можно сожалеть, что самый даровитый из нового поколения отечественных фантастов ради коммерческой скорописи обрушил наработанную планку качества. Мало есть правил литературного приличия, которыми он не пренебрег. Так и не определился, какого жанра книгу пишет - и о чем. Этический посыл построил на превращении «правильного мальчика» Петра Хрумова в истеричного киллера. С излишними подробностями прописывал персонажей, которые в конце концов фабулой не востребовались (Маша, полковник Данилов). Не выстроил философских векторов, заменил их расплывчатым мелодраматизмом. Легко перечеркнул им самим же бережно выпестованное доверие к тексту, рассыпая по нему окололитературные намеки («известный писатель и критик Андрей Николаев», шепот «Дерни за веревочку!» при затягивании удавки на горле супостата). Проявлял отсутствие тематической деликатности, походя помянув российско-украинскую войну. В общем, как выразился один инопланетный персонаж: «Зря ты так огульно, парень».

И.ЛЕГКОВ

Издается на Урале

Шесть книг В.Крапивина готовит Екатеринбургское издательство «Уралтранс».

50-томник К.Булычева намерено издать Челябинское издательство «Библиотека Миллера».

РОФ «Аэлита» по итогам семинаров на одноименном фестивале фантастики выпускает ежегодные сборники «Точка отсчета».

«Зависли» без финансирования 2-я и 3-я книги И.Давыдова «Я вернусь через тысячу лет».

На Урале за 1997-98 гг. изданы:

Болдырев Н. Упавшее небо. Челябинск, 1998;

Давыдов И. Я вернусь через 1000 лет. Кн. 1 (полн. вар-т.). Екатеринбург, 1998;

Антонов А. Сага о демофе. Р-н. Екатеринбург, 1997 - 208 с. 10.000;

Гаитбаев Н. Инопланетянка. Повесть, р-зы. Уфа, Китап, 1998 - 624 с. - 3000;

Сб. «Точка отсчета 98». Екатеринбург, 1998 - 100 с.;

Салов А. Нафана. Р-зы. Магнитогорск, 1997 - 30 с.;

Макаров Б. Вести из трансцендентного. Екатеринбург, Крикет, 1998 - 168 с.;

Немченко М. Купите мыслешку! Екатеринбург, 1998.

Еще несколько книг, имеющих отношение к фантастике;

Кирьянова А. Оживление мертвых. Р-зы. Екатеринбург, 1998 - 120 с.;

Титов Арсен. Хроники Букейских Империй. Екатеринбург, 1998;

Хмелев Вовша. Сказы. Екатеринбург, 1998.

Есть фантастические рассказы в двухтомнике «Пушкинская, 12» (Екатеринбург, 1998).

И. ЧЕБАНЕНКО

СЛОЕННЫЙ ПИРОГ ПО-КИЕВСКИ

В Киеве вышел первый номер журнала фантастики «Империя». Главный редактор Б.Сидюк, литературный консультант Б.Штерн. В целом номер оставляет хорошее впечатление, поэтому вначале поговорим о недостатках, ибо то, о чем говорят в начале, читателем к концу забывается.

Создатели «Империи» имеют дилетантские представления о журнальном макете. Номер построен следующим образом: сначала прозаическое произведение, затем рецензия (относительно не на предшествовавшую публикацию), потом снова проза, следом публицистика, и опять рассказ, и еще одна рецензия - подобная слоеность, отсутствие рубрик, даже отсутствие заголовков у рецензий указывают на традиции фэнзинной безответственности, просочившиеся в издание, не без оснований претендующее быть профессиональным. Уместнее смотрелись бы в каком-нибудь клубном самиздате и рассказик «Песок и камень» С.Стрелецкого, и статья Е.Первушиной «Война полов в современной фантастике».

Теперь о хорошем. Журнал напечатан в Польше, полиграфия такая, что завидки берут. Прекрасная цветная обложка С.Пояркова, его же иллюстрации к текстам свидетельствуют, что мы в издательско-оформительской деятельности уже начинаем обходиться не только без Вальехо, но и без Уэлана. Очень неплоха и графика А.Мартында и И.Боронько (комикс последнего, правда, опять-таки отсылает к разудалому веселью фэн-прессы).

Лучшая прозаическая публикация поставлена в начало журнала. Это «Горелая башня» Марины и Сергея Дяченко. С точки зрения литературного мастерства рассказ безукоризнен, к тому же фантазии малой формы нынче редкость. Несколько смущает очевидная аналогия с «Обитаемым островом», на которую подталкивает имя героя - Гай, и его полуподростковая мокроносовая мужественность, тоже отсылающая к образу гвардейца Страны Отцов. Из старого рассказа Стругацких припорхнул и вздох: «Бедные злые люди!», без которого, видно, не обойтись, когда смотришь с холодным вниманием вокруг - будь ты прогрессор или персонаж «актуального фольклора», берущий на себя нечеловеческую функцию воздаяния. Литературно добротен и рассказик С.Логинова «Автопортрет», хотя и будит воспоминания о слегка сатирической бытовой фантастике семидесятых.

Рассказ Б.Штерна «Жена от Карданвала» - из тех, что могут быть, а могут и не быть. Предпочтительнее второе. Инспектору Бел Амору никогда не сравниться с Ийоном Тихим. «Избранник Господень» гораздо менее именитого А.Лайка оказался даже интереснее, хоть приходится констатировать: в начале был «Принц Госплана» Пелевина...

«Сентиментальная прогулка» Е.Хаецкой претендует на ту глубину многозначности, что принципиально несводима к любому из возможных вариантов истолкования. Жаль только, что по

большому счету рассказ Хаецкой пристраивается в хвост беллетристике первых лет демократического мазохизма, «Дню бульдозериста» Пелевина или «Монахам под Луной» Столярова, когда очень мало авторского сочувствия достается звероватым уродам и дебилам, ползающим в выгребной яме - то бишь нашим соотечественникам-современникам, доселе ощущавшим себя вписанными в левитановские пейзажи. Действие происходит в дотянувшей до нашего времени Вавилонской империи, где двое вояк беспричинно и без особых затруднений угоняют с территории своей в/ч танк и отправляются по местам приятных детских воспоминаний крушить и расстреливать оные места. Конечно, вряд ли кто сумеет не догадаться, какую империю имеет в виду авторесса, если солдаты курят «Халдейканал» и недавно вернулись с бесславной войны с грязнобородыми эламитами. А вот Н.Перумов уже успел занять позицию на другом конце амплитуды маятника, эпической свежестью веет от святоотеческой Руси, которая еще восстанет от позорного сытого рабства под пятой оккупантов из ооновских сил внешнего управления обанкротившимся государством Российским. И верит читатель: недолго день, когда не только юные городские инсургенты возьмутся за «Узи» и РПГ, но сам народ потянет из заколдованных ножен былинный Русский Меч, доселе уже бывший Мамай и отгонявший немецкие танки под Москвой. Особенно любопытно указанное автором место написания патристического рассказа «Выпарь железо из крови» - Даллас. Полюбивший в последнее время политическую публицистику В.Рыбаков в статье «Камо вставляли», вполне солидаризуясь с брошюрами Жириновского, напоминает нам, что Запад живет на счет превращения России и стран третьего мира в источник сырья и свалку отходов, а потому идеал европейско-атлантического благосостояния для нас арифметически недостижим.

Сведение в одном номере Хаецкой и Перумова свидетельствует, что создатели журнала вполне осознанно парят над схваткой неозападников и новославянофилов, и название издания отсылает к помпезности «космических опер», а не к ностальгии по былой имперской мощи славянских любителей фантастики.

Фэны Стругацких с удовольствием прочтут текст выступления «Борнатыч» на его именном питерском семинаре, узнают, что социально-философская фантастика тихо умирает, а в литературные лидеры по праву рвется отечественная фантазия, которая лучше англоязычной будет.

Если проза в журнале представлена «по убывающей», то рецензии чем дальше, тем меньше напоминают аннотационный пересказ, и номер закрывается вполне достойным анализом романа М. Суэнвика «Путь Прилива», предпринятым В. Владимирским.

П. ФЕДИН.

А. Лазарчук «Кесаревна Отрада между славой и смертью». Азбука, «Азбука-фэнтези», 1998.

Жила-была девочка. Простая студентка педагогического техникума в каком-то захолустье. И вдруг у нее в левом глазу появилась золотая искра. А под кесарским отбавником Алексеем Пактовнем внезапно пала лошадь. С этого все и началось... И герои встретились в холодную зимнюю стужу и полюбили друг друга. Вот только не суждено им было

счастья. Поскольку миру угрожала гибель. И пришлось им тронуться в долгий - и ой какой нелегкий! - путь по кругам адской кузницы. Что устроил некогда великий чародей Велес. Пройти его, через множество опасностей, разлучаясь и снова обретая друг друга. Чудом остаться в живых, выйти к своим и встать во главе несметного войска в решающей битве против тьмы.

И проиграть...

Правда - зачем-то оставшись в живых. Но вообще-то у Лазарчука это, по-моему, фирменная марка: оставить героев измученными и обесцененными перед надвигающимися откуда-то чем-то грозными и безжалостными. Как девятый вал. Почему так, не очень понятно. Но, видимо, нравится ему это. Завершать книгу на высокой ноте, чтобы сердце в груди замирало, чувствуя решительную ответственность момента. И нельзя сказать, что это не срабатывает.

Только меня на этот раз оно как-то не вдохновило. Может быть, потому, что, начиная читать, я заворочен был изумительным по изяществу описанием быта той провинциальной общаги, где живет героиня - таким понятным, таким узнаваемым. Все такое свое, родное... А где-то в это же время - приближающийся совершенно другой мир. И мир этот вот-вот соприкоснется с Землей...

Соприкоснулся.

Надо отдать автору должное. Миры свои он выписывать умеет. Стилизация «под Византию» удалась ему, на мой взгляд, очень хорошо. Собственно, я и дочитал до конца только из-за этих «этнографических» подробностей. Потому что сопереживать загоняемому насмерть в это время в закоулках Кузни героям не было никакого желания - скучно потому как. Неинтересно было следить за их мыканьем по непонятным обрывкам миров и оттого никакого сочувствия к ним не возникало. Тут, конечно, очень даже может быть, я чего-нибудь не понимаю просто - ну не впечатлило меня описание Кузницы. И в, общем, даже огорчило.

Поскольку ждал я смешения иного мира с нашим, а вышло-то - героиню уволокли хрен знает куда, назвали это «истинным» миром и заставили, ничего не понимая, командовать гигантским войском в огромной битве. Что ж, за свою читательскую наивность мне следует извиниться. Хотел, как известно, сделать «грозу», а получил же обыкновенную «козу». Это я исключительно про себя.

Но что поделать? Читатель предполагает, а автор же располагает. Вот и осталось только наслаждаться музыкой битв, кои на страницах книги вполне достаточно. Пожалуй, даже более чем, так что персонажам даже некогда заняться собой - не то что друг другом. Даже сама встреча главных героев - и та произошла исключительно в силу приказа, пославшего Алексея за кесаревной.

И всю книгу так будет и дальше. Некогда им, беднягам. Им, как говорил Кожух в «Железном потоке», надо «Идти». Идти. Идти... Потому что остановка, отвлечение - смерти подобно. Хотя, в общем, мне, как читателю, честно говоря, не очень понятно, в чем тут смысл - поскольку там, куда герои стремятся, им-то уж точно обещана стопроцентная гибель.

Собственно, это и происходит, когда по их войску шарахают каким-то оружием массового поражения. Герой и героиня просто чудом остаются в живых. И на этом, по сути, все заканчивается. Прочитал я, в общем, и встал в тупик. Книга обрывается на полуслове... Как говорится. По всем ощущениям, это явно только первая часть. Иначе непонятно, чего ради отправлялись персонажи «в яростный поход»? Да и множество моментов и недомолвок в тексте по ходу дела требуют разъяснения и продолжения. Как те же белые мыши, привидевшиеся Алексею под грозовой тучей. Я специально просмотрел текст несколько раз -

искал, при чем тут эти белые мыши? Не нашел. И, в общем-то, как ни странно звучит, подобное обстоятельство примирило меня с «Кесаревной...». Чем быть недовольным, если это только начало? Герои живы, загадки еще не разрешены, любовь вроде как не умерла в огне боев и испытаний - что же? Следует ждать продолжения? Понятно, что рецензент не господь бог. И знать такого не может. Но надеяться имеет право. Вот и мне, как рецензенту и просто читателю, с большим интересом относящемуся к книгам А.Лазарчука, хочется надеяться, что явившийся на страницах «Кесаревны Отрады» мир, так заманчиво похожий на Византию, еще вернется. Почему нет? Я бы, во всяком случае, не отказался прочесть о нем еще.

П. МАКАРОВ

Гудкайн Т. «Второе правило волшебника». АСТ, «Век дракона», 1998 г., 2 книги.

Перед нами - второй том сериала об Искателе Истины (первый выходил в 1995 году и назывался, разумеется, «Первое правило волшебника»). В предыдущей книге главный герой (Искатель) уже победил главного антигероя, но темные силы только того и добивались. Теперь в мир живых проникает Царство Мертвых и биться приходится уже с самим его повелителем - Владетелем. К тому же на главных героев обрушиваются дополнительные напасти. Во-первых, пророчества, сулящие им всяческие беды. А во-вторых, невесть откуда взявшиеся «сестры», занимающиеся обучением магов мужского пола. Они настолько похожи на джордановских айз-седаи, что даже неясно, кто у кого списывал. Основой обучения является, как обычно, повиновение, а основой повиновения - наказание. Если зажда долго бить...

Герои (Искатель, Исповедница, Волшебник) действуют каждый сам по себе (видимо, втроем они слишком быстро бы всех победили). Искатель в очередной раз попадает в ошейник, хотя полкниги клянется, что никогда этому не бывать. Исповедница (согласно навязшим в зубах канонам женской фэнтези) то мстит за изнасилования, то сама им подвергается и разворачивает поистине перумовского масштаба военные действия. Ну, а Добрый Волшебник в это время бьется с Подземным Миром один на один, в финале успешно спасаясь бегством. Наши побеждают, поскольку так им на роду написано - оказывается, древние пророчества до них просто не так понимали. Одним словом - Пирут, Пирут и еще раз Пирут!

Тем не менее, текст читается не без интереса, а объем - 1200 страниц внушает желание иметь этот опус в коллекции «хард фэнтези». Рекомендуется всем любителям Гудкайна, Джордана и Перумова.

С.ЩЕГЛОВ.

С.Вартаков «Смерть ваймы». АСТ, Терра Фантастика, «Звездный лабиринт», 1998 - 556 с.

Сначала это был Кристалл - компьютер, создающий для десяти тысяч игроков виртуальный мир меча и колдовства. А потом случилось обыкновенное чудо. Игра превратилась в реальность.

Еще вчера бессмертные игроки стали уязвимыми - и местные жители с радостью кинулись истреблять этих бывших «демонов». А потом хумансы, вальфы, гномы и гоблины ваялись за предел территорий, доставшихся им в наследство от создателей Кристалла.

Но три повести, составившие книгу, не об этом. Они - о землянах, которые продолжают игру. Сначала это Том, мастер боевых искусств, способный в одиночку справиться с целой армией. От скуки и выпендрей ради вламывается он к великому магу и хамит ему, напрашиваясь на проклятие. Весело, с прибаутками путешествует он по дорогам Кристалла, встречая интересных людей - и провожая их, по большей части, в последний путь. Играючи, между делом находит он Забытый Город, которого не существует, и становится проводником между Землей и Кристаллом. Работает этим проводником, регулярно переправляя в Кристалл очередную партию ученых и солдат, а потом удивляясь, отчего их всех и на этот раз так быстро убили.

Разумеется, вы узнали этого человека. Это - Рыцарь Света. В конце второй повести Том, наконец, догадывается, кто он такой. И дабы подтвердить свое высокое звание, истребляет Наследного Принца Черного Острова (между прочим, ничего плохого ему не сделавшего).

Знай наших!

А в третьей повести - «Это сон» - в игру вступает уж совсем наш человек. Шестиклассник Лерка, учащийся следдетдома ГРУ. Едва оказавшись в Кристалле (как ясно уже из названия, в повторяющихся снах), добывающий себе Черный Меч и организующий всекристалльскую разведывательную сеть. За пару месяцев он успевает и раскопать архивы вымерших игроков-землян, и побеседовать с магом - тем самым, наложившим столь неудачное проклятие на Рыцаря Света по имени Том. В результате Лерка выясняет все - и что Кристалл провалился в прошлое из 2050 года, и что никак нельзя предупреждать будущих программистов Кристалла о «чуде» - это же целый мир погибнет! - и, наконец, что должен, обязательно должен появиться Рыцарь Света, иначе ничего этого не будет. Ну разумеется, кто же, если не ты? И, зарубив походя одного из главных черных магов, Лерка отправляется учить уму-разуму будущего Рыцаря. Единственно понятным тому языком: «Когда Старик брал в руки пш ку, он не пытался сдерживать удары».

Именно третья повесть - «Это сон», - лучшая в книге. Легкий для чтения стиль, напоминающий Лукьяненко и Крапивина, динамичный сюжет, мудрые ГРУшники и не употребляющие наркотиков школьники. И что самое главное - наши побеждают не только в целом, но и в каждом отдельном эпизоде.

Как вы уже наверное поняли, мне - понравилось.

И еще - очень хочется узнать, что же было дальше, после того, как Рыцарь Света подпортил коронацию Принцу Тьмы.

А. КАЛАШНИКОВ

**С. Щеголов «Часовой Армагеддона». АСТ-Терра
Фантастика, «Звездный лабиринт», 1998**

Итак, «Армагеддон» Валентина Шеллера начался с того, что в понедельник, в восемь тридцать его вызвал к себе начальник сектора «Побережье-Север» и сказал... Догадались?

- Надо найти одного человека!

Да, конечно же. Любители «Жука...» уже наверняка навестили уши и прицельно косят глазом, что это, мол, там? Не спешите. Это не продолжение Стругацких. И не подделка под них. Просто куда деться жителям чудесной страны Эбо, если большая часть из составляющих ее население землян оказалась читавшими и «Жука...» и «Понедельник...»? И впоследствии в тексте будут попадаться узнаваемые в чем-то места - сцены, оценки, образы... Но это, я думаю, совсем не плохо. Поскольку «ЧА» написан читавшим Стругацких. Написан для читавших Стругацких. И написан про читавших Стругацких. И впредь хватит об этом. Потому что далее речь в «Часовом...» идет совсем о другом. Каково быть магом-нелегалом Внешней разведки? Существуют ли в Волшебной стране водопроводчики? Что будет, если в Великого Мага бросить гранату Ф-1? И что, наконец, случится, если к требующему векового кропотливого изучения искусству магии подойти с мощным аппаратом

современного (и будущего) математического анализа...

Да, верно - уравнения математической магии. А что, опять же, должно было получиться? Но и это - так только, деталь интерьера. А все вместе это - Панга. Мир, где перемешаны два типа местной магии, никак почти не совместимых между собой; плюс земная пришедшая цивилизация, да еще и местное средневековье.

Умудряющееся неплохо выживать в этой нехиленькой компании. И не только выживать, но еще и процветать. Создавая тем самым фон для походов и интриг всех остальных. И вот в этом коктейле живет и действует Валентин Шеллер, он же факир Фалер, без пяти минут гроссмейстер, он же сотрудник сектора «Побережье-Север» внешней разведки страны Эбо, он же бывший бухгалтер треста «Спецстрой», он же... Но погодим. Не будем перечислять все. Пусть желающие узнать прочтут в книге сами. Ей-богу, не пожалеем! Как не пожалел я. У бравого бухгалтера есть что предъявить уважаемой публике. Но хочется сказать о кое-чем отдельно. Как говорится «За что мы любим нашего юбиляра? Не за то, что у него три машины - нам тоже есть на чем ездить!» Так вот, что, на мой взгляд является бесспорным достоинством В. Шеллера. Не сюжет - борьба сил Света и Тьмы уже столько раз свершилась во множестве книг. И не антураж - бывает больше всяких подробностей наворочено. И не то даже, что главный герой крут. Все герои сейчас крутые. Но вот тут-то и начинается разница. Откуда в современной фантастике героя не ухвати - в девяти случаях из десяти в руках у тебя окажется Буратино. Глупая деревянная кукла в ярких бумажных штанишках и курточке, радостно жаждущая «стр-рашный опасностей и уж-жасных приключений!». И соответственно по-буратино реагирующая на все перипетии сюжета. Что-нибудь вроде: «Я не думал - все и так было ясно!» А кроме того, всегда (я подчеркиваю - всегда (и еще раз подчеркиваю: абсолютно всегда)) с важным видом поучающая окружающих их остальных марионеток из театра Карабаса-Барабаса чему-нибудь крайне банальному. А в большинстве случаев даже и ненужному никому. Прошу прощения за небольшое отступление. Но оно было необходимо мне, чтобы сказать: Шеллер - не Буратино. Все, что он делает - он делает по-настоящему. Он боится где страшно, и готов посмеяться там, где смешно. Готов помочь другу, если это ему по силам. И может послать - куда-подальше - начальство, если оно его доведет до такого состояния. И напиться может. И с женой поругаться. Как самый обыкновенный человек. Не супермен без мозгов в голове. И в этом, на мой взгляд, и заключается вся прелесть данного персонажа. Есть в «Армагеддоне» и более колоритные фигуры, но адекватней - нет. И мне лично представляется приобретением появление среди сероватого моря нашей нынешней фантастики такого «рулезного» героя вкупе с создавшим его автором. Коим обоим желаю здравствовать и надеюсь встретиться еще когда-нибудь на страницах, тьфу, то есть на просторах Панги. Не может же быть, что бы такое интересное начинание - и оставалось бы без продолжения.

П. МАКАРОВ

"Армагеддон" наших дней

Если устроить экспресс-опрос на улице с целью прояснить этимон, суть названия голливудского боевика, то внятного ответа мы, скорее всего, не услышим. Большинство недоуменно пожмет плечами, более образованные ассоциируют понятие "армагеддон" с Библией, Апокалипсисом, "концом света". И только немногие свяжут это слово с расхожим эсхатологическим жупелом некоторых протестантских сект. Эффект массового сознания. Материальное грубо подминает духовное. И все же, почему "армагеддон"? На исходе новейшего времени, в условиях глобального и тотального кризиса искусство, выражая свою доминанту, как всегда, пытается отразить реальность, творческую натуру художника, коллективное бессознательное (или сознательное). Но и формирует общественный менталитет. Кризисное время порождает кризисные жанры. Сон разума порождает химер. Экраны заполняют фильмы-катастрофы.

По жанру "Армагеддон" — эсхатологическая футурология с элементами сюрреалистического фарса, да еще снятая в модной нынче клиповой манере ("Франкенштейн" Копполы, "Поросенок Бэйб"), когда мельтешение на экране едва не ведет к вывиху глаза (да если б только глаза!). Трудно сказать, насколько оригинальна фабула, но главный ход сценаристов — бригада разухабистых бурильщиков (в смысле нефтяников) во главе с бравым Брюсом Уиллисом в открытом космосе — безусловно, впечатляет. И заставляет придирчивого зрителя сразу учуять подвох. Кстати, сюжетные нестыковки начинаются с первых же минут фильма: чего стоит одно только упоминание о том, что администрация США ухитрилась скрыть от мировой общественности факт разгрома астероидами американской деловой столицы. Это в наш-то интернетовский

век. Невольно придет на ум мысль о виртуальной реальности. Впрочем, с калейдоскопической скоростью сменяющие друг друга эпизоды фильма и не дают времени логически связать происходящее на экране. Жесткий цейтнот — правила игры современных голливудских блокбастеров в стиле "экшн". Все становится на свои места, когда приходит осознание того, что авторы просто эксцентрично балансируют на грани иронии, сарказма, пародии, шаржа. Что, как не самопародия — пальба, затеянная Уиллисом на взрывоопасном объекте (его собственной нефтяной платформе с обилием строжайших табличек "No smoking" — но "крепкий орешек" без "пушки" не "крепкий орешек"). А ультиматум бригады к NASA, когда узнаешь, что же волнует рядовых американцев в этой жизни (от непомерных налогов до убийства Джона Кеннеди), а предстартовая "релаксация" с "show-girls"?.. Но подлинные чудеса начинаются на орбите. Русская станция "Мир" с ее то ли брошенным, то ли ссыльным хозяином (телогрейка, шапка-ушанка) — это уже не ирония и сарказм, это — гротеск на грани фолла. Видимо, такой им видится сейчас наша страна — архаичная, сверхсложная система, существующая по своим, мало кому понятным законам, готовая в любой момент разлететься в клочья. Ближе к кульминации зрелище все более начинает смахивать на наркотическую галлюцинацию. Вместе с несущимися на космических скоростях "шаттлами", чувствуешь, как проваливаешься в омут взвихренной авторами фантазмагорической круговерти. Сверхкритичному зрителю в пору покидать сеанс. Более любознательные пытаются пощупать почву под ногами, ухватиться за стержень. Но есть ли он? Пожалуй, ключевая фигура — нефтяник Уиллис.

Герой эпохи кризиса. Заботливый отец, верный товарищ, талантливый изобретатель-рационализатор, толковый спортсмен-гольфист и т.д. и т.п. — все в одном лице. Кроме того, бесстрашный герой с холодной головой и твердой рукой. Человек слова, привыкший требовать положенного, а не просить. Помните? "Гвозди бы делать из этих людей". Последняя надежда погибающего мира. Порой кажется, что весь замысловатый сюжет закручен лишь для того, чтобы рельефнее оттенить достоинства главного персонажа. Оно и понятно, когда трясет, держитесь за поручни, господа. Однако занозой заседает в сознании истеричный крик еще одного героя. "Что-то не так?" — "Да все не так! Мы вообще не должны быть в этом месте!" Тут уж трудно спорить. Говорят, большое видится издалека. Фраза эта брошена в виду всей планеты. Как бы адресована всем нам: туда ли завел нас весь наш прогресс, такой ли должна быть наша жизнь? У героев ленты в связи с этим в конце речи почти всегда — обращение к Богу. Сила привычки, терминальное состояние? Реплики из фильма: "Здесь, в космосе, мы ближе к нему, как никогда ранее". Так ли?

Рисуя картины вселенских катаклизмов, выстраивая химерические фантазмагии, якобы для нас погибельные, не затемняют ли их создатели того факта, что большая часть бед наших — в деструктивном мышлении и поведении самого человека. И уж если предстоит свершиться апокалипсис, то причиной его скорее явятся не космические стихии, а алчность и глупость людская. Об этом следовало бы помнить в преддверии не киношного, а подлинного Армагеддона — последней битвы между силами добра и зла.

С.МИТРОФАНОВ

НОВОСТИ ОТ «ЛУКАСФИЛЬМА»

Рик Маккалум, продюсер «Лукасфильма», недавно заявил, что первый фильм новой трилогии «Звездные войны» выйдет на экраны Америки в мае 1999 года несмотря ни на что. Уже закончены основные (натурные) съемки к фильму, который уже получил свое официальное название «Звездные войны: призрак угрозы». Четыре месяца съемок в Тунисской пустыне позади. Готовы сцены улиц городов Татуина, а также кое-какие сцены, снимавшиеся в английской студии «Ливесден». Поскольку «Лукасфильм» планирует снять все три фильма подряд, уже начались съемки второго фильма. Вторая часть «Звездных войн» уже снимается в Австралии. Одновременно ведется работа по созданию спецэффектов к первому. Как известно, первая трилогия повествует о жизни - возвышении и падении, - Анакина Скайуокера, отца Люка и Леи. Из актеров, уже игравших в ранее созданной трилогии, в съемках первого эпизода участвуют: Кенни Бейкер (R2-D2) (на фото справа сидит на переднем плане), Уоррик Дэвис (Викет Воррик - эвок), Фрэнк Оз (Йода) и Иен Макдирмид (император Палпатин). Небольшое интервью с Иеном Макдирмидом из журнала «Star Wars Insider» можно найти ниже. Из актеров-новичков в «Звездных войнах» мы увидим Лиаму Нисона, Натали Портман, Эвана Макгрегора, Прунеллу Август, Теренса Стэмпа и Самюэла Л. Джексона. В отличие от созданной трилогии, куда Лукас в свое время набрал молодых и неизвестных актеров, здесь актерский состав просто кишит знаменитостями. Мы подождем до лета следующего года и посмотрим, что из этого выйдет, а пока предлагаем интервью с давнишним «приятелем» из «Звездных войн» Иеном Макдирмидом. В новом фильме он играет сенатора Палпатина, молодого (по сравнению с уже известным нам Императором) и довольно симпатичного (смотрите сами: фото справа). Иену только что исполнилось 50, он шотландец, а актерское мастерство изучал в Шотландской Академии актерского искусства вместе с другой звездой «Звездных войн» - Дэнисом Лоусоном (пилот Ведж Антиллес).

Итак, Император Палпатин 36 лет назад...

- Как вы чувствуете себя в этой роли после перерыва в 15 лет?

- Очень интересное состояние. Мой персонаж здесь намного моложе, чем он был в «Джедае», такие вещи в моей актерской карьере еще не случались. Теперь я изучаю прошлое моего героя, о котором почти забыл. Правда, я сходил посмотреть «Спецвыпуск».

- Ну и как?

- Я вспомнил, как это - быть повелителем Силы во Вселенной. Но там на мне много грима, это помогало войти в роль.

- Когда вы снимались в «Джедае», сколько информации о жизни своего персонажа вы получили от Лукаса?

- Почти ничего, но это и к лучшему. Сейчас мы совершенно свободны в создании характера. Это загадочный и темный персонаж. Это мне нравится.

- Когда вы снимались в «Джедае», приходило ли вам в голову, что через 15 лет вы снова будете играть Императора?

- Конечно, нет. Это стало большим сюрпризом. 15 лет назад меня взяли играть Императора, когда фильм был уже практически снят. Я тогда играл в театре персонаж, который был намного старше меня самого. Там меня и нашли. Лукаса убедили, что я подойду, меня спешно утвердили, и прежде чем я понял, что произошло, меня уже гримировали под Императора.

- До этого вы смотрели «Звездные войны»?

- Да, я видел первый фильм, но не видел «Империи». Поэтому я не знал, что мой персонаж уже появлялся в фильме. Когда мне сказали, я спешно пошел смотреть. Это не я в «Империи» и это не мой голос. Мне пришлось тренироваться воспроизводить тот голос, который звучал раньше. Но когда на меня наложили грим и я посмотрел в зеркало, голос получился сам собой. На самом деле этот персонаж не очень сложен - он на поверхности. Все знают, что он плохой.

- Теперь вы играете его на 36 лет моложе, сложнее ли он сейчас?

- Нет. Не намного. Он политик и, по всей видимости, хотел добра

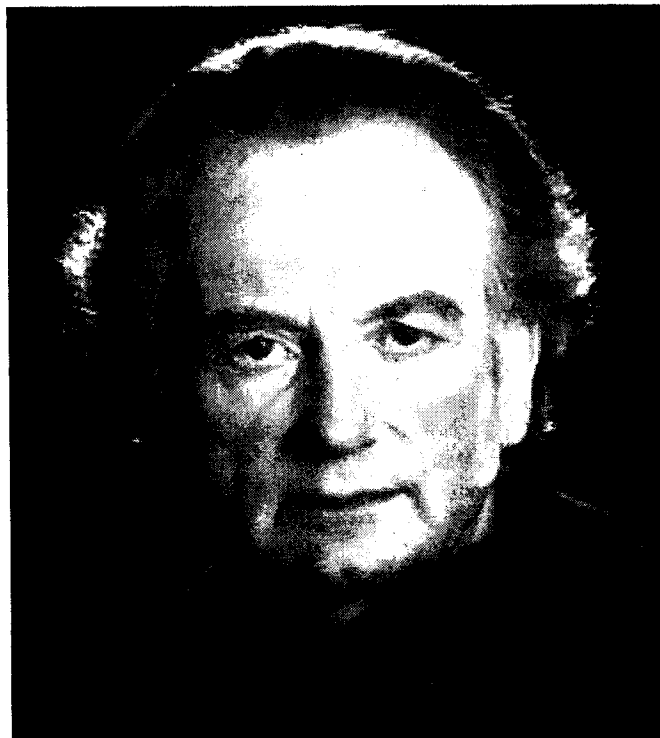
своей планете, но потом увлекся. В общем, я просто играл политика, современного политика, ничего больше.

- Вам не пришлось побывать в Тунисе...

- Нет, но я не очень переживаю. На самом деле все было очень интересно, мы все вспоминали прошлое, а Эван (Макгрегор, который играет молодого Кеноби - Н.М.) очень радовался, когда ему дали световой меч. «Смотрите, у меня световой меч!» Он тогда очень походил на мальчишку, которого вернули в детство.

- Вам понравилось работать с Лукасом на «Джедае»?

- Мы в общем-то не работали вместе на «Джедае». Мы просто встретились. Нет, постойте, там была сцена со мной, которую он снимал. Это последняя сцена, когда Императора сбрасывают в шахту. Я не могу сказать «убивают», ведь мы этого точно не знаем, правда? Но мы

не виделись с Лукасом 15 лет после этого.

- Это были вы, а не каскадер, когда Дарт Вейдер поднял Императора, чтобы сбросить в шахту?

- Да, это был я, но на самом деле он меня не поднимал, я висел на канате, а ему оставалось только поймать меня за ногу, чтобы я не вращался. Это был технически сложный трюк.

- Как вы получили свою роль снова, вам пришлось проходить через пробы - ведь на роль могли взять кого угодно?

- Мы поболтали с Лукасом 10 минут, и я получил роль.

- Многие считают, что ваши сцены в «Джедае» - самые сильные во всей саге, в смысле актерского мастерства.

- Это была интересная и трудная работа. Но Марк Хэмилл - прекрасный актер. Он выкладывался на сто процентов, и я, надеюсь, тоже. Мы работали вместе десять дней и Марк был просто великолепен. Еще он просто веселый человек. Он меня всегда смешил между дублями. У него классное чувство юмора, приходилось смеяться вместе с ним, это было не очень удобно из-за грима.

- Кстати, о гриме. Как вас гримировали?

- Им нужно было расслабленное лицо. Поэтому в процессе создания маски мне предложили вздремнуть. Проснулся я уже Императором.

- Когда вы снимались в «Джедае», вы встретили кого-нибудь из знакомых актеров?

- Да, однажды я выглянул из гримерной, а мимо шел Себастиан

Шоу (Анакин Скайуокер). Я ему: «Эй, Себастиан, а ты-то что тут делаешь?». А он мне в ответ: «Не знаю, говорят, что-то связанное с научной фантастикой». Мы с Себастианом к тому времени были давними друзьями.

- Вы храните игрушечные фигурки Императора?

- Знаете, мне их периодически дарят разные люди. Например, менеджер моей театральной компании недавно был в Нью-Йорке и привез мне такого чудного Императора, который на самом деле стреляет молниями. Мне очень понравилось, даже стало обидно, что их на самом деле нет. Было бы неплохо иногда кого-нибудь проучить ими.

- Вы учились в одном классе вместе с Дэнисом Лоусоном в Шотландской Королевской Академии. Многие бы удивились, узнав, что Император и Вейд в молодости сидели за одной партой.

- Да, мы вместе учились. Мы и сейчас добрые друзья. Нам всегда было весело вместе. Он, правда, немного моложе меня.

- Вы не работали вместе с Дэнисом в «Джедае», но зато теперь вы работаете с его племянником Эваном Макгрегором, который играет молодого Кеноби

- Это очень большое совпадение.

- Не могли бы вы рассказать о театре, в котором вы работаете.

- «Олмайда» - это очень необычный театр. Там огромная сцена, просто эпических размеров, а зрительный зал маленький. Испытываешь очень необычные ощущения, когда играешь.

- Съемки не мешают работе в театре?

- Нет. Я только что начал репетировать в «Ревизоре» Гоголя - одной из лучших комедий. Недавно закончили играть оперу. Все шли мне навстречу, согласовывали планы так, чтобы я мог утром играть Палпатина, а вечером идти в свою оперу.

- Вы даже снимались у Фрэнка Оза в фильме «Отпетые мошенники», так что Император, кажется, в свое время повиновался Йоде.

- Фрэнк очень интересный и творческий человек, с ним легко работать. Мы, кстати, не встречались на съемках «Джедая». Но зато я его встретил недавно на съемках первой части. Было очень приятно видеть, что Йода не имеет отношения к компьютерной технологии, что он все еще детище Фрэнка.

- Кстати, в одной из серий «Хроник молодого Индианы Джонса» вы играли дядю Индианы. Не делает ли это вас братом Шона Коннери?

- Когда я играл эту роль, я не знал, что я его дядя. Я считал себя другом его дяди или что-то в этом роде. Уж потом я прочитал, что мой персонаж приходился ему дядей. Это было забавно.

- Собираетесь ли вы участвовать в следующих фильмах первой трилогии?

- Я не знаю. Об этом в контракте ничего не сказано, но я надеюсь, что буду там. Мне очень понравилось играть Императора Вселенной.

Когда был Вейдер маленьким...

Джейк Ллойд учится всего лишь в третьем классе, но он был выбран для роли Анакина Скайуокера среди шести тысяч мальчиков. Но ведь он уже играл эту роль!

На Халлоуин я один раз нарядился Дартом Вейдером! Теперь мне снова пришлось играть Джедая, - радуется Джейк. - Я просто играю себя. Он на меня очень похож. Я люблю технику и он любит технику, я обожаю строить всякие штуки и он

тоже.

Как же Джейк попал в кино?

- Мой любимый фильм - «Терминатор - 2», - делится он. - Когда я его посмотрел впервые, я просто заболел им. Я бегал по квартире и кричал «Я тоже Шварценеггер!»

Родителям это скоро надоело и они напаяли сыну агента, который и помог ему стать актером. Джейк уже снялся в 34 рекламных роликах, сериале «Скорая помощь», фильмах «Отцепись от звезд» и «Колокольчики звенят» (режиссерская работа Арнольда Шварценеггера).

- Впервые в моей жизни у меня не было слов, когда я встретил Арнольда. Я просто стоял, как столб, - вспоминает он. - И я даже плакал, когда получил роль в «Звездных войнах». Я боролся за эту роль два года. Меня дважды прослушивали.

И вообще он фэн «Звездных войн».

- Когда я впервые посмотрел «Звездные войны» на видео, я стал фаном. Больше всего я люблю «Возвращение Джедая». Тот эпизод, где «Тысячелетний сокол» пролетает сквозь «Звезду смерти» - мой любимый!

А еще Джейк любит комиксы. Скорее всего, скоро Джейк сам попадет в комикс. Уж игрушкой он точно станет.

- Это так странно! Я буду стоять в комнатах и мной будут играть другие дети! Я уже видел набросок для рисунка на футболке. Это было так... странно - мой любимый художник комиксов рисовал меня!

Кроме всего этого Джейк также ухитрился оставить себе костюм

и световой меч, с которым он снимался в кино, так что у него есть действительно эксклюзивные игрушки из «Звездных войн».

Джейк признался, что его любимый партнер по съемкам не Лиам Нисон или Кенни Бейкер, или вообще кто-либо из известных уже актеров, а... его младшая сестра Мэдисон.

- Я очень рад, что ее тоже взяли в кино. Она играет принцессу Элли. У нее тоже есть все данные, чтобы стать актрисой.

После съемок «Звездных войн» Джейк вернулся в школу. Он, как и любой обычный ребенок, очень любит играть в футбол, брэнчить на гитаре и кататься на велосипеде. Скоро у него очередные съемки - тридцать пятого рекламного клипа, на этот раз для чипсов «Принглс». И еще он собирается продолжить свою актерскую карьеру, когда вырастет и станет ученым.

- Не могу дождаться, когда выйдет фильм. Я поеду на все премьеры. Это будет мировой тур - 99!

Известный автор книг в стиле фэнтези Терри Брукс уже подписал контракт на новеллизацию первых серий «Звездных войн».

Новости со съемочных площадок

“451 по Фаренгейту” - режиссер Мел Гибсон. Современная версия классического произведения. Будущее отодвинуто гораздо дальше - события происходят в 2035 году.

“После посещения” - римейк “Сталкера”, который в свою очередь был поставлен по роману “Пикник на обочине” братьев Стругацких. Это доказывает, что Голливуд изжил себя и ищет сюжеты “на стороне”.

“Искусственный интеллект” - режиссер Стэнли Кубрик, создатель “Одиссеи 2001 года” снимает фильм по рассказу Брайана Олдисса.

“Догма” - очередная комедия о призраках, реж. Кевин Смит, в ролях Метт Деймон, Сельма Хаек, Линда Фиорентино, Алан Рикман и сам Кевин Смит.

“Франкенштейн” - скорее всего будет первым фильмом, в котором все остальное, кроме актеров, будет создано на компьютере. Фирма Лукаса “Промышленный свет и магия” тестирует новые технологии в сфере спецэффектов.

“Полюй человека” - режиссер Пол Верховен вместе с создателем багов из “Звездной пехоты” снимает фильм о прозрачном человеке.

“Во сне” - режиссер Нил Джордан. Создатель “Интервью с вампиром” снимает фильм о призраках. В ролях Аннетт Бенинг, Эйдан Куинн, Стивен Ри, Роберт Дауни мл.

“Маленькие зеленые человечки” - Барри Левинсон может стать режиссером фильма о взаимосвязи политики и инопланетян. Скорее всего, это будет напоминать “Секретные материалы”.

“Метка” - Уилл Смит сразится со Злом после того, как незнакомец оставит ему на ладони зловещую метку. (Где-то мы это уже видели, не правда ли?)

“Матрица” - еще один “Джонни-мнемоник”? Может быть. Кияну Ривс и Лоренс Фишберн в блокбастере о компьютерных технологиях. Гонконг поставит драки.

“Зеркало” - футуристический боевик, продюсером которого стал сам мэтр Фрэнсис Форд Коппола. Так сказать, сто лет тому вперед

по-голливудски.

“Планета обезьян” с Арнольдом Шварценеггером.... и режиссером Джеймсом Камероном опять “в полете”. Снимается новый фильм с другими актерами и другим режиссером. Как на это отреагируют Камерон и студия “20 век-Фокс” - неизвестно.

Новый фильм по Стивену Кингу (то-бишь его книге “Зеленая миля”) с Томом Хэнксом в главной роли. Режиссер Фрэнк Дарабонт.

Немного о двойках (тройках и так далее)

Также в производстве: “Остин Пауэрс - 2”, “Миссия: невыполнимое - 2”, “Люди в черном - 2”, “Сумасшедший профессор - 2”, “Юрский парк - 3”, “Звездный путь - 9”, “Правдивая Ложь - 2”, “Военные игры - 2”, не-помню-какой-по-счету- “Джеймс Бонд” (а, 19-й!) и “Звездные войны - 2”. Да, да, да, я не ошибаюсь, именно “Звездные войны - 2”. “Звездные войны - 1” уже сняты и находятся в пост-производственной доделке, их мы увидим с 21 мая 1999 года.

Околокиношные новости

По опросу, проведенному в интернете “Daily Entertainment Network”, большинство пользователей сети интернет в возрасте от 15 до 34 лет назвали своим любимым героем Люка Скайуокера. Более 16 тысяч человек отвечали на вопрос “Кого вы считаете героем поколения?”, и оказалось, что Люк гораздо популярнее, чем Мартин Лютер Кинг, Деннис Родман и даже Иисус Христос. **Вот это Сила!**

“Стальные пещеры” и “Обнаженное Солнце” - два романа Азимова об Илайдже Бейли адаптируются для телевидения.

Элизабет Тейлор в стране Оз. Нам предлагают довольно интересную вариацию на тему: шестидесятилетняя Дороти (или Элли в нашей версии) возвращается в страну Оз (Изумрудный город). Что-то, по-моему, у Голливуда совсем мозги съехали. Вам не кажется?

Н. МАРКАЛОВА

Курьер

«Странник» - 99

Третий Конгресс Фантастов России «Странник» состоялся в Санкт-Петербурге 23 января 1999 года. В итоге лауреатами премий «Странник» стали:

В номинации «Крупная форма»: Борис Штерн за роман «Эфиоп» (посмертно).

В номинации «Средняя форма»: Евгений Лукин за повесть «Гений кувалды».

В номинации «Малая форма»: Владимир Покровский за рассказ «Люди сна».

В номинации «Критика, публицистика, литературоведение»: Кирилл Королев за энциклопедию «Мифические существа».

В номинации «Перевод»: Кирилл Королев за перевод романа Глена Кука «Жалкие свинцовые божки».

В номинации «Издательство»: издательство «АСТ» (Москва).

В номинации «Редактор/составитель»: главный редактор журнала «Если» Александр Шалганов.

В номинации «Художник»: Анатолий Дубовик.

Премия «Малый «Золотой Остап» (за самое смешное фантастическое произведение) присуждена Андрею Лазарчуку и Михаилу Успенскому за рассказ «Желтая подводная лодка «Комсомолец Мордовии».

Премия «Паладин фантастики» присуждена Борису Штерну (посмертно).

**Денис ВИТМАН,
Санкт-Петербург.**

Прощание

6 ноября 1998 г. умер киевский писатель-фантаст Борис Гедальевич Штерн, автор сборника рассказов “Чья планета?”, повести “Записки динозавра”, романа “Эфиоп”.

18 декабря 1998 г. скончался московский писатель-фантаст Георгий Иосифович Гуревич, автор книг “Прохождение Немезиды”, “Пленники астероида”, “На прозрачной планете”,

“Рождение шестого океана”, “Мы – из Солнечной системы”, “Месторождение времени”, “Только обгон”, “Темпоград”, “Древо тем”, и многих других.

7 марта 1999 г. на семьдесят первом году жизни скончался великий кинорежиссер Стэнли Кубрик.

Пока верстался номер.

*22 марта 1999 г. умер Игорь Георгиевич Халымбаджа
величайший библиограф и исследователь русской фантастики,
наш автор.*